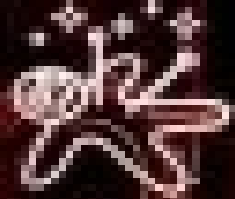

Джулия Рокко

Синдром самозванки

ИЛИ

ЕДИНСТВЕННАЯ
ДЛЯ ПАЛАЧА

Жизнь моя казалась разрушенной. Вскрывшиеся многочисленные измены мужа, которого я считала идеальным. Долгожданная беременность, закончившаяся операционным столом. Расплывшееся тело и разбившаяся в прах самооценка. В общем, полный набор клинической неудачницы. Всем сердцем я желала перемен, способных притупить мою боль. Желала? Получите, распишитесь! Судьба не могла пошутить более искрометно. Теперь я — попаданка. Живу в жутком и роскошном особняке под крылом у сумасшедшего мага. Его пять сыновей приставлены ко мне в качестве воспитателей. Самое смешное, маг считает, что я — его шестой незаконнорожденный отпрыск, парень по имени Реджинальд. А то, что этот «парень» по всем признакам — крашеная блондинка с четвертым размером груди, кажется, никого совершенно не волнует!

Пролог

МОИ НЕУДАЧИ

Женищина должна любить плохого мужчину один или два раза в своей жизни, чтобы быть благодарной за хорошего.

Элизабет Тейлор

— *Значит, я заставляю тебя страдать? — голосом мудрого Каа из советского мультика про Маугли уточнил Рэтборн.*

Я хмыкнула.

— *А может, ты просто несколько растерял свой ужасающий ореол бесчувственного мерзавца, когда защитил от Ланзо.*

— *Мой поступок был продиктован исключительно расчетом. Ты слишком уникальный и, не скрою, интригующий экземпляр.*

— *Взаимно, — решив не обижаться то ли на комплимент, то ли на очередное принижение моей упитанной персоны, парировала я.*

— *Так что тебе приснилось на этот раз? — решил вернуться к предыдущей теме Лорд.*

— *Снова кто-то плакал, да так горестно, что я, видимо, присоединилась.*

— *И что же, давно с тобой такое?*

— *Да уже ночей пять нормально поспать не могу. Дошла до такого отчаянья, что, как видишь, решила попроситься к тебе на постой. Вдруг присутствие другого человека, к тому же, сильного мага это прекратит.*

— *Допустим прекратит, а на другой день возобновится, что же ты, собираешься ночевать со мной в одной спальне и дальше?*

И опять мои щеки налились жаром, вынуждая признаться:

— *Так далеко я не загадывала. Да и идти сюда не собиралась. Однако же вот, пришла. Не иначе подсознание шалит... — палец многозначительно постучал по виску.*

— *Тогда вставай, — напугав перспективой изгнания, вдруг скомандовал Рэт.*

— *Зачем?*

— *Для чистоты эксперимента тебе всё же лучше лечь спать поближе.*

— *На кровать?*

Воистину, сейчас, ведя этот нелепый разговор я чувствовала себя туповатым загипнотизированным бандерлогом.

— На кровать, — подтвердил Лорд и даже любезно донес до неё мою подушку-путешественницу.

Он погасил одним пасом руки магические свечи в люстре, и под потрескивание инфернального пламени в камине мы молча улеглись спать. Снова. Вправду, в этот раз уже все-таки в одной постели...

Принято считать, что у всякого человека есть свой особый талант. Явный или не слишком, развитый или безжалостно похороненный в суете жизни, но так или иначе пылающий жарким угольком истинного предназначения где-то в глубине бессмертной человеческой души.

У меня таких талантов всегда было два, ну или я так считала, пока судьба не забросила меня столь далеко от дома, что о возвращении назад не стоило и мечтать. Но это случилось гораздо позже, а пока жизнь мою определяли два ценных умения: находить подход к людям, даже к тем, кто отличался весьма трудным характером, а также, делать мир вокруг себя чуть красивее и лучше. Именно поэтому, повзрослев и окончив школу, я и выбрала для себя профессию свадебного стилиста, которую очень любила и в которой достигла определенных успехов.

Родилась я в обычной небогатой семье, очень маленькой, так как состояла она только из меня да мамы. Жили мы вдвоем хотя и скромно, но дружно. Моя рано овдовевшая родительница, обладая легким весёлым характером, более всего прочего ценила простоту и покой. Движимая любовью, она упорно, но ненавязчиво учила меня многочисленным бытовым и женским премудростям, которые помогали мне справляться с возникающими трудностями и по сей день.

С рождения я обладала довольно приятной внешностью, тягой к яркой одежде и счастливым умением выгодно себя подать. По последней причине, все мои друзья сходились во мнении, что из меня получилась бы неплохая актриса. Однако, в актрисы я не метила, но способность правильно чувствовать ситуацию и перевоплощаться не раз и не два спасала меня от беды.

Лет до двадцати моя жизнь была безмятежна, а потом... Потом я в первый раз вышла замуж. Разумеется, по большой любви, которая спустя четыре года мучительного брака обратилась холодным отчуждением, взаимным разочарованием и тотальным непониманием друг друга. В двадцать пять, спустя год после развода с первым мужем, я вновь совершила прогулку к алтарю, в этот раз уже не столько по любви, сколько по здравомыслию.

Мой второй муж был человеком добрым, заботливым и весьма щедрым. Что с лихвой искупало его глуповатую простоватость и полное отсутствие жизненных амбиций. С ним я ощущала себя защищенной и любимой, той самой безусловной любовью, когда никакой целлюлит не способен убить желание пошалить в супружеской постели.

Жизнь разлетелась яркими осколками романтических иллюзий и несбывшихся надежд, когда на седьмом году нашего с ним брака вскрылась уродливая в своей банальности реальность. Все эти годы муж методично мне изменял.

Он делал это ни от обиды, ни от какой-то общей неудовлетворенности, а просто потому, что мог. Молодой и привлекательный, он нравился женщинам и не считал большим грехом изредка удовлетворять свою потребность в разнообразии.

Правда обнаружилась, когда я была на восьмой неделе беременности, которая так и не

закончилась рождением желанного малыша. Видимо, мой шок был так велик, что все во мне замерло и омертвело. Через два месяца, пройдя через убивающую душу процедуру в районной больнице и обжигающий горьким стыдом визит в загс, я получила на руки документы об очередном разводе.

Под ногами моими словно медленно тлел пепел многочисленных потерь, а вокруг лежали руины некогда счастливой размеренной жизни. В целом мире не осталось человека из тех, кого бы я могла назвать семьей. Мама давно покоилась в земле, близких родственников я не имела. Друзья, сколь бы хороши они ни были, жили заботами своих семей, я же утопала в постыдной жалости к самой себе.

Сирота — вот какое слово непрестанно пульсировала в моих висках, с каждым днем все больше обретая смысл и неподъемную тяжесть. С таким итогом, на тридцать втором году жизни, набрав тридцать килограммов лишнего веса, растерянная, душевно выпотрошенная и подурневшая, я неожиданно оказалась так далеко от колыбели своей привычной жизни, как это только возможно для человека, если только он не мертв.

1. Сумасшедший маг

глава первая

СУМАСШЕДШИЙ МАГ

Ребята, мы не прокляты, мы в полной заднице!

Шеррилин Кеньон «Темная сторона луны».

На дворе стояла зима. Практически бесснежная, но студеная и унылая. Я самозабвенно тонула в водах беспросветной депрессии, посвящая досуг увлекательному процессу наращивания на своих боках очередного лишнего килограмма. И этот килограмм, учитывая тридцать ему предшествующих, уже был не то чтобы лишним, а умереть не встать каким критическим. Несчастье быстро превращало меня в толстуху. Некогда нежное, не лишнее интригующей пикантности личико кануло в прошлое, и теперь из зеркала на меня взирала одутловатая харя в мелких подкожных прыщах, с заросшими бровями и стойким выражением, убежденно вещающим, что жизнь — дерьмо!

Мне было так тошно, что хотелось выть в голос, а еще лучше выпрыгнуть из своего тучного тела, из своей так горько разочаровавшей жизни, и, быть может, даже из этого так жестоко обманувшего мои надежды мира в целом.

«Как жить?» — вопрошала я себя в который уже раз. Если ни любовь, причем искренняя и бескорыстная, ни расчет, построенный на верности и заботе, не принесли мне ни чего кроме разбитого сердца, подорванного здоровья и убивающей апатии? Если бы ни нужда платить за квартиру да досадная потребность каждый день и помногу набивать свой желудок вредной пищей, я наверное перестала бы даже вставать с кровати, так сильно предательство второго мужа пошатнуло всякую веру в светлое будущее.

Как бы там ни было, мое желание убежать от реальности осуществилось настолько радикально и скоро, насколько это возможно лишь в высокобюджетных голливудских блокбастерах.

Я ехала на маршрутке к очередной клиентке, пребывающей в стадии «Восторженная невеста», с привычной целью накрасить и причесать это до отвращения прекрасное и счастливое создание. Мастером я по праву считалась первоклассным, а посему, в сезон свадеб, крупных праздников или выпускных за мной шла настоящая «охота».

В тот, в общем-то ничем не примечательный день, я стала свидетелем автомобильной

аварии. Удрученно трясясь в обшарпанной маршрутке, бодро мчащей пассажиров по полупустой кольцевой, я взирала на пронсящий за окнами урбанистический пейзаж, буквально ощущая, как монотонно и обыденно вращается колесо моей судьбы. Вдруг, едущий впереди маршрутного такси бензовоз, разукрашенный симпатичными ромашками, вильнул на встречную, прямо в лоб грузеной пластиковыми окнами газели. По счастью, расстояние между маршруткой и бензовозом было приличное, поэтому прозвучавший вслед за столкновением взрыв задел такси лишь краем. Оглушенная, я помнила, как машину накрыла жаркая волна воняющего бензином воздуха, как сидение подо мной ощутимо трянуло и я испуганно вскрикнула, рефлекторно закрывая лицо руками.

Открыть глаза мне привелось уже в чужом мире.

Андолор — островное государство, состоящее из восьми крупных островов, находилось в некой параллельной реальности, где-то между «Не может быть!» и «Какого черта?!». Досадно, что я попала туда, изрядно растеряв свой блеск, очарование молодости и надежду на вселенскую справедливость.

По уровню развития и социальному устройству это королевство застряло на границе увядающей эпохи Просвещения и грядущего промышленного прогресса. При этом его наполняла магия, дикая и неусмиренная, подобная беснующемуся лесному пожару или, быть может, даже библейскому Потопу. По крайней мере, когда я столкнулась с ней, мне казалось, что я тону.

Магия странным и причудливым образом переплеталась с распространенными здесь повсеместно паровыми механизмами и совсем не подчинялась женщинам, отчего последние считались в Андолоре существами слабыми и, по существу, второсортными. Хотя, конечно, девушки из знатных семей, невинные и правильно воспитанные, так же, как некогда и в моем родном мире, были товаром весьма ценным. Я же, по понятным причинам, ценность имела грошовую.

Вторым если не по силе, то по влиянию, сразу после законного правителя, здесь считался Магистериум — совет пяти Верховных магов-протекторов, хранителей магических скрижалей. Это всегда были аристократы, наделенные выдающимися способностями к магии и владеющие особыми тайными знаниями.

Это Тайное Знание воплощалось в древних письменах — «заповедных скрижалях», коих, по легендам, некогда было семь, но пара из них оказалась безвозвратно потеряна.

Скрижали передавались из поколения в поколение сильнейшему магу в роду, ибо только так сохранялся шанс, что древнее знание не угаснет, убив своей мощью носителя, а необратимо сольется с душой принявшего его.

Также существовала легенда, известная в Андолоре всем и каждому, что объединенные меж собой Скрижали являлись источником благодатной силы, знаменующей приход нового эры — дарующей людям невиданные ранее возможности и процветание. Того, кому согласно этой сказочке будет суждено соединить утраченное, в королевстве называли Знающий, и временами приравнивали если не к Божеству, то уж к Мессии как минимум.

Кстати говоря, андолорцы славились большой религиозностью и непоколебимой верой в собственную исключительность.

Как следствие, на «Большой земле», особенно её южном побережье, Андолор был известен своей нетерпимостью к инакомыслию и воинственностью. Своеобразные крестовые походы здесь случались не так чтобы редко, что объясняло существующее на

островах плохо завуалированное рабство.

Попаданок этот мир до меня, похоже, не видывал. Впрочем, даже если такие здесь и водились, никто из них по доброй воле никогда бы не стал распространяться на сей счет. И хотя охота на еретиков в этом месте уже не велась столь яростно, как какое-то столетие назад, власть церкви все равно была велика и неоспорима.

Все это и еще многое другое я узнала от своего «дядюшки» — старого властного маразматика и, по совместительству, неприлично богатого отставного главы Тайного Приказа, некогда наводившего суеверный ужас на весь Андолор, а ныне — самого знаменитого сумасшедшего столицы. Но обо всем по порядку.

В некотором смысле, Андолор встретил свою новую жительницу красной ковровой дорожкой.

Я сидела на большом гладком пне. Приятно тёплом. Стоящее высоко в зените солнце припекало по-летнему, хотя, по всем признакам расцветающей природы, на дворе вовсю хозяйничала весна. Рядом, у ног, стоял мой неизменный чемоданчик с профессиональными причиндалами, а чуть в стороне, прямо у развилки широкой грунтовой дороги, как по заказу, высился кованный указатель с незнакомым названием на нем. Доминика, столица Андолора, пять верст.

— Андолор, — повторила я несколько раз вслух, воскрешая в памяти свои скудные познания в географии родной планеты, но ничего хотя бы отдаленно напоминающее сие название, на ум так и не пришло.

Правда, Доминика упорно ассоциировалась с Доминиканой, однако окружающий пейзаж никаких признаков того, что я нахожусь в Африке, не выдавал. Растительность и ландшафт здешних мест более всего напоминали Юго-Запад России, с его бескрайними пологими холмами и теплым климатом. Несмотря на происходящую чертовщину, я с наслаждением втянула в легкие солидную порцию чистейшего, напоенного ароматами цветущих плодовых деревьев воздуха. После бензинового смрада он воскрешал, словно глоток живой воды.

Скинув отороченный енотовым мехом пуховик, я подхватила чемоданчик и огляделась. Мысли о том, что я умерла и попала в рай, сразу пришлось отбросить как несостоятельные. Чуда не случилось. Боль от пережитого не осыпалась иссохшей скорлупой, что, на мой делитантский взгляд, служило неоспоримым доказательством того, что я, без сомнения, жива.

Осмотр места «прибытия» явил редковатый лиственный лес, сквозь деревья которого играла задорными бликами вода неизвестного водоема. По наитию, я двинулась навстречу этому манящему прохладой блеску.

У реки, не широкой и безмятежной, я обнаружила шалаш. В голове тут же всплыли обрывочные знания из курса уроков по истории с именем персоны, весьма уважающей этот спартанский вид жилища — дедушки Ленина. Объяв всю картину в целом, я истерично хихикнула. Вот стою, упитанная тетка в модных валенках, с пуховиком подмышкой и чемоданом в руке на берегу «Бог знает где», а рядом шалаш, в котором, по всей видимости, мне грозит заночевать. Вероятно, после этого я дозрею и до революции.

— Чего гогочешь, дурень? — донесся до меня скрипучий мужской голос, загубивший на корню все веселье.

Вопрос ставил в тупик, потому как и гоготать я не гоготала, и дурнем быть по

определению не могла, так как немножко не вышла полом. Однако, выползшего из шалаша обряженного в военный мундир странного образца старика сей факт ни грамма не смущал.

— Ну, чего растерялся? Ступай за мной. Я давно тебя тут жду. Еще б немного и ускакал бы в город один.

Я удивленно заозиралась по сторонам, выискивая того самого парня, с которым тщедушный, лысый до состояния глянца старикашка упорно вел беседу. Но ни парня, ни лошадей, на которых дед собирался куда-то там скакать, на речном берегу не было и в помине.

— Иди сюда, — в очередной раз, теперь уже куда нетерпеливей, позвал чудак, и у меня отпали всякие сомнения, что разговаривает он именно со мной. — Какой-то ты не в меру робкий. Или это с непривычки? Боишься, небось? И правильно! Ундера Уркайского только дураки и не боятся. Но у тебя есть шанс мне понравиться. Заслужить, так сказать, расположение. Будь послушным и прилежным и, быть может, я завещаю тебе все свои секреты... — Старик хитро улыбнулся. — Пойдем же скорее.

Он развернулся и куда-то заковылял, огибая шалаш.

— Кони застоялись, пора бы использовать их по назначению. Ты сам-то как? Езде на антимахах обучен?

— Нет, — закономерно ответила я и, ведомая жгучим любопытством, направилась следом за престарелым оригиналом.

Что такое «антимахи» я, понятное дело, не знала, однако очень хотелось понять, где старик припрятал обещанных лошадей, если ровный, лишенный даже привычных кустарников берег реки, никакого укрытия для столь крупных животных не предоставлял. Не в карман же, в самом деле, он их засунул?!

— Куда катится мир?! — мало чем отличаясь от престарелых сплетников из моего родного двора, тем временем, ворчливо бормотал себе под нос старик.

— Такими темпами скоро мужчины Андолора все до одного превратятся в изнеженных девиц. Теперь все отдано на откуп механике, вот в прежние времена... — Он вдруг привычным движением оседлал прислоненные к шалашу самые обычные на вид грабли и торжественно пообещал: — Но ничего, уж я-то тебя обучу всему, что пристало знать и уметь истинному аристократу! Моих неблагодарных сыновей перекосит от злости. Эти идиоты осмелились намекнуть, будто я тронулся умом! Притащили в дом лекаришку-шарлатана, имевшего наглость заявить, будто я поражен наследственным недугом. Да таких пустомель я раньше каждые выходные вдоль королевского тракта развешивал, словно бусы. Этот мошенник напрописывал дрянных пилюлек и велел не давать мне вина, мол, я от него слишком возбуждаюсь. Пилюли я скормил конюшенному псу. Тот, как и следовало ожидать, сдох. Если таким примитивным приемом сыновья планировали от меня избавиться, то сильно просчитались. Не терпится неблагодарным поскорее прибрать к рукам моё состояние и власть. Ну да перебьются. Я твою мать, будь уверен, единственную любил, — неожиданно сменил тему своего монолога ундер. — Жаль, не женился. Но, пережив пятерых жен, стал опасаться. А вдруг и вправду люди говорят, будто мужчины рода Уркайских прокляты и все их законные жены обречены на раннюю смерть. Хотя вот твоя мать и без венчального обряда упокоилась. Так что про проклятие — брехня. Просто судьба у меня такая, одинокая. Вот ты как думаешь, сколько мне лет?

Согласно мнению психологов, человек — существо в высшей степени адаптивное. Он

довольно быстро привыкает к большинству неблагоприятных факторов, с той или иной мерой успешности начиная приспособлять их под себя. Как невозможно постоянно бояться, так невозможно и постоянно испытывать удивление. Рано или поздно способность реагировать с повышенной интенсивностью притупляется и наступает спасительное бесчувствие. Вот и я, видимо, почти достигла такого состояния, когда любые чудеса кажутся чем-то вполне себе заурядным, а противоречащие всякому здравому смыслу поведение — лишь самую каплю эксцентричным.

Не вполне понимая, чего ожидать от странных действий нового знакомого, а в основном скорее из-за любопытства, я послушно перебрала ногу через вторые грабли...

То, что мы никуда на таких «лошадях» не поскачем, сомнений не вызывало, однако чтобы окончательно убедиться в прогрессирующем безумии старика, я решила не противиться и посмотреть, что будет дальше.

Кое-как прикрутив к утыканной деревянными зубцами перекладине свою поклажу, я честно ответила на вопрос о возрасте:

— Девяносто.

Старик расплылся в довольной улыбке.

— Да ты, меньшей, как я погляжу, льстец. Очень хорошо. Весьма дальновидно, главное не перестараться. Мне сто восемьдесят девять лет. И я хочу тебе сказать, что мой дед прожил двести! Правда, последние пять лет он был явно не в себе. Воображал себя цаплей. Спал исключительно стоя на одной ноге и требовал, чтобы на все трапезы ему подавали свежельвовленных лягушек. Умер трагично. Решил в один из дней подремать на болоте. Упал во сне и захлебнулся. Но главное, что до самого последнего дня он был совершенно здоров и полон сил! А вот мой отец прожил сто девяносто пять. В молодости слыл тираном, похлеще Ругольфина Змееголового. Отличался непомерным аппетитом по части баб. Большого государственного ума был человек. Сколько его помню, все твердил: «Не доверяй никому, Вирцейг. Хороший враг — мертвый враг. Лучше повесить невиновного, чем не повесить виновного. Но худшие из всех — заговорщики. Всякий, кто дурным глазом косит в сторону монаршего престола, должен быть уничтожен. Да, так он и говорил. Тоже, к сожалению, свихнулся. Возомнил себя мессией и потребовал помазать его на царство. Он хоть был и безумец, но с большим весом среди знати, так что пришлось мне последовать его собственному совету... и этого... того... — Старик провел ребром ладони по горлу, с философским выражением лица давая понять о незавидной участи своего родителя.

— Все это я рассказываю тебе с одной целью. Чтобы ты, меньшей, знал историю своих славных предков и понимал — никакой я не сумасшедший, ибо ни цаплей, ни мессией себя не мню. Ну что, готов? Тогда поехали!

Старикашка презабавно почмокал губами, дернул воображаемыми поводьями и мы, о ужас, внезапно взмыли под облака.

Пребывая в глубочайшем шоке, я истошно заверещала, вцепившись в гладкий черенок с усердием бульдога, но гарцующий на граблях чудак этого словно и не заметил.

— Во-от, очень хорошо, — протянул Вирцейг. — Ты отлично держишься в седле.

На глаза навернулись слезы, тело болезненно сжалось, а пищевод обожгла подкатившая к горлу желчь. Высоты я всегда боялась панически!

— Да у тебя, парень, талант, — меж тем радостно вещал сумасшедший маг. — Даром, что бастард. Однако, кровь — не водица, а я в молодости был непревзойденным наездником. Вот только знаешь что? Как доберемся до места, зови меня дядюшка Цвейг. Ни к чему

домашним, а уж тем более посторонним, знать о нашем истинном родстве. Запомнил?

— Запомнил, дядюшка Цвейг, — умирая от ужаса, срывающимся голосом прохрипела я.

— Смотрю, ты схватываешь на лету, — похвалил старик, не заметив ироничности собственного наблюдения.

Спустя минут пятнадцать убийственного полета, который для меня растянулся на маленькую вечность, сумасшедший маг скомандовал:

— А вот и городские ворота, переходи на рысь.

Он снова причмокнул губами, дернул воображаемые поводья, и мы верхом на граблях спикировали к земле, зависнув от нее примерно на расстояние метра. Я судорожно перевела дыхание, только чудом не скатываясь в истерику.

В город мы «въехали», минуя сторожевой пост.

— Добрый день, ундер Уркайский, как ваш дневной променад? Удался? — заискивающе проблеял коренастый мужик с окладистой бородой.

Завидев нас верхом на сельскохозяйственных инструментах, он даже бровью не повёл.

— И вам доброго дня, комендант. Вот, ездил за своим троюродным племянником, Реджинальдом. Он сирота, и я решил взять мальчика на воспитание.

— Так это ж баба! — не сдержал удивления один из стражников, чему я немало порадовалась, так как уже всерьез стала опасаться, что попала в мир, где все не дружат с головой.

На стражника тут же угрожающе зашипели, отчего я сделала вывод, что попала под опеку очень непростого человека. Видимо, настолько влиятельного, что даже его очевидное безумие не стало поводом относиться к старику с меньшим страхом и подобострастием.

— Как это благородно, господин Уркайский. Как повезло вашим родным.

Ундер величественно кивнул, с привычным равнодушием принимая поклоны собравшихся на проходной людей.

Ундер Вирцейг Уркайский в моем мире носил бы звание генерала внутренней разведки. В свои лучшие годы он слыл мужиком фантастически везучим, крайне коварным и чрезвычайно злопамятным. Дядюшка Цейг — так он велел мне называть себя в приступе беспричинной родственной любви, всю жизнь страдал свирепствующей паранойей, которая, должно быть, и обеспечила ему стремительный взлет по карьерной лестнице. Скольких людей он сгноил в дознавательных казематах, скольких угробил на угольных шахтах, рудниках или в ссылках, трудно и сосчитать. Уркайского боялись едва ли не больше фанатичных Церковников, и этот страх был столь силен, что даже после того, как доживший до почтенной старости вояка вдруг взял да и спятил, никто из чиновников, слуг или домочадцев, по-прежнему не смел ему перечить. Не перечила и я.

Как оказалось, в Доминике, столице Андолора, в качестве основного средства передвижения грабли предпочитал один дядюшка Цвейг. Впрочем, и куда более привычных для свершения поездок лошадей тут было совсем немного. В основном, их тягловой силой пользовались те, кто не мог себе позволить приобрести или же взять в аренду причудливые паровые повозки, представленные в Доминике в самых разных размерах и конфигурациях.

Дома здесь в основном возводились из светлого, теплых оттенков и грубой рельефной текстуры камня. От непогоды их защищали мансардные крыши, которые устилали

разноцветной глиняной черепицей. Улицы мостили напоминающей брусчатку плиткой, но не обычной круглобокой, а плоской и шестигранной, словно соты, дабы безлошадные экипажи не растеряли своих шестеренок, введя тем самым своих владельцев в убыток.

По той же причине, улицы в Доминике были довольно широки, а сточные канавы, вполне способные стать для колес дорогостоящего транспорта зловонной ловушкой, накрывали медные капюшоны. В изобилии город украшала ковка: ажурные флюгера, кружевные балконные решетки, замысловатые вывески и многочисленные, похожие на фонарные, столбы. Повсюду ощущалось господство давнего дружеского союза — камня, железа и пара.

Присутствие магии было не столь приметно, хотя именно она являлась источником незыблемой власти местной аристократии. Но это я узнала многим позже, а пока, несмотря на странности путешествия, все больше проникалась неповторимым очарованием старого города. С уверенностью можно было утверждать, что с моей стороны это была любовь с первого взгляда.

Передвигаться по воздуху оказалось бы весьма удобно, если бы не было так страшно. Требовалось лишь приноровиться уворачиваться от нагретых струй пара, извергаемого из разнокалиберных трубок снующих внизу повозок.

По сути, успех предприятия зависел от выполнения единственной задачи — не свалиться со своего «наседа», что, конечно же, вызывало определенные трудности. Откормленные филейные части тела вовсе не способствовали достижению оптимального баланса, зато, собственно, полетом и маневрами, к моему облегчению, умело управлял новый родственник, по-прежнему убежденный, что мы скачем на резвых породистых скакунах.

Я великодушно простила ему это заблуждение, довольно быстро уяснив, что мне, пожалуй, повезло, едва переступив порог незнакомого мира, получить в подмогу персонального провожатого.

Конечно, никто не знал, что ожидает меня по прибытии в «отчий дом», однако, если реакция домочадцев окажется похожей на поведение встреченных нами прежде людей, есть все шансы сносно обосноваться на новом месте.

И все же, я не слишком радовалась необходимости подыгрывать одержимому паранойей безумцу, возомнившему, будто я — парень, да к тому же еще и его незаконнорожденный сын. Однако, перспектива стать посмешищем пугала не так сильно, как риск оказаться одной. Без защиты, без средств к существованию и малейшего представления об укладе протекающей в Андолоре жизни.

Район обитания знати, начинавшийся сразу за деловой частью города, где располагались бессчетные конторы купцов, частных врачей, адвокатов и прочих буржуа, опоясывал высокий литой забор. Как и все подобные сооружения в столице, он щеголял изысканной ажурностью, затейливой витиеватостью и исключительной декоративностью. Поэтому перелезть через забор, несмотря на его высоту, было вовсе несложно. Растительный узор пестрел удобными выемками да выступами.

Уж не знаю, откуда имелась эта склонность, но стоило мне увидеть какое-либо огораживающее строение, как я сразу начинала прикидывать, как бы лучше его преодолеть.

Массивные ворота, распахнутые во всю ширь, охраняли безмолвные караульные в красивых однобортных суконных куртках, с наброшенными на плечи короткими плащами, обшитыми золотым шнуром и мехом. Караульные сильно напоминали гусаров и по всем

приметам весьма нравились девушкам. На наш полет они не обратили особого внимания. Видимо, причуды дядюшки Цвейга уже давно превратились в нечто обыденное.

Особняки голубокровных жителей Доминики, в отличие от застройки более бедных кварталов, где практически полностью отсутствовала всякая растительность, живописно, точно в изумрудные шали, кутались в кроны курчавой зелени раскинутых повсюду садов и парков. К массивным дверям фамильных резиденций ундера Уркайского вела короткая, обсаженная вековыми дубами подъездная аллея. Сам особняк был торжественен и мрачен.

Гладкий тесаный камень голубовато-серого цвета, сложенный в четыре этажа, обрамляли многочисленные, увенчанные готическими арками колонны. Поставленные друг на друга в два яруса, они создавали просторные тенистые террасы, но красоты зданию не добавляли. Особняк имел три башенных выступа — по краям и в центре. Башни венчали вытянутые островерхие крыши, навевая мысли о рыцарях и турнирах.

Как и повсюду в городе, над крышами возвышались флюгера: скорпионохвостая мантикора — на северной башне и драконоподобный ящер — на южной.

Над центральным выступом развевался пурпурно-белый флаг с хороводом восьмиконечных звезд на его полотнище — символом единства островов Адолора в обрамлении геральдических цветов дома Герзет, бессменно правящей вот уже как пять столетий династии.

Зависнув над широким каменным крыльцом парадного входа, я с нескрываемым любопытством таращилась на украшающие особняк барельефы, незабываемое воплощение чьей-то воспаленной фантазии на тему «Грешники в аду». Увивающий их то тут, то там, тщедушный краснолиственный плющ вызывал стойкие ассоциации с кровоточащими ранами, усиливая и без того мощный инфернальный эффект здания.

— Колоритненько, — подумала я вслух и совсем не изящно навернулась с граблей.

— Приехали, — ловко спешившись со своего деревянного «коня», сообщил старик и, сложив на животе руки, выжидательное замер перед огромной двухстворчатой дверью.

Я же спешно заметалась по крыльцу, пытаюсь собрать рассыпавшуюся по нему косметику, и упустила момент, когда одна из створок двери бесшумно распахнулась. Вот тогда-то я и увидела его...

Правда, сначала, учитывая положение моего многострадального тела, я наткнулась на его сапоги. Из лоснящейся темно-коричневой кожи, с обитыми железом носами.

Определенно, обувка не предвещала ничего хорошего. Наверняка садист, подумалось мне в тот момент и вследствие думалось так постоянно. Сапоги оказались надеты на длинные сильные ноги, плавно перетекающие в узкие бедра, мощный торс и богатырские плечи. Плечи, как и полагается, венчала голова с коротким ежиком темных, будто посыпанных пеплом волос и хмурым, совсем не добрым лицом. На вид мужчина выглядел лет на тридцать пять-сорок, хотя глаза непонятного сизовато-серого цвета могли бы принадлежать и старцу.

— Знакомься, Рэтборн, это Реджинальд, младший сын моего покойного троюродного брата, теперь он будет жить у нас.

Я мучительно покраснела и пожелала себе провалиться сквозь землю.

— Реджи, это мой старший сын, главный Лорд-экспедитор Тайного Приказа, Рэт. Он будет помогать тебе в обучении.

Мужчина практически ничем не выдал своих мыслей касательно внезапно

объявившегося родственничка, лишь легкое движение сведенных у переносицы бровей намекало на его, возможно невесторженное, мнение.

Не проронив и слова, он отступил в сторону, позволяя нам миновать порог. Внутри особняк оказался еще более мрачный, чем снаружи. Вопиющее богатство обитающего в нем семейства никак не смягчало холодную безрадостную атмосферу дома. Главный холл напоминал лабиринт. В сим избытке грубых квадратных колонн и многочисленных убегающих вверх лестниц немудрено было и заблудиться. Висящая над головой метрах в пяти гигантская бронзовая люстра по дизайну напоминала медвежий капкан и вызывала стойкое желание поскорее из под нее убраться.

— Приятно познакомиться, — пробормотала я, старательно втягивая живот под тяжелым, не упускающим ни единой детали взглядом старшего сына ундера.

Внезапно я с возросшей остротой почувствовала всю нелепость ситуации и ту крайне неприглядную роль, которая мне в ней отводилась. Страх ледяными тисками сдавил позвоночник и скользкой гадюкой просочился в подкорку. В ушах шумело от острого приступа паники и я истово молилась про себя, упрасывая равнодушную Вселенную немедленно вернуть меня домой.

— Господин, — согнувшись в поклоне, обратилась к престарелому безумцу на удивление красивая служанка в довольно эффектной бело-синей униформе.

Девушка появилась будто из воздуха, отвлекая меня от упаднических настроений.

— Купальня готова.

— Прекрасно, — заметно взбодрившись, изрек старик и, кажется, напрочь забыв о своем протеже, куда-то удалился в сопровождении служанки.

В холле, в окружении гнетущей тишины остались только я и Рэт. Как там говорил дядюшка Цвейг, главный Лорд-экспедитор Тайного Приказа?..

— Я не мужчина, — решив сразу добровольно сознаться во всех грехах, сообщила я своему будущему «учителю-мучителю».

— Я заметил, — оказавшись обладателем низкого, пробирающего до печёнок голоса, ответил Рэт.

— И я не напрашивалась к вам в квартиранты, — выдала я очередную порцию откровений. — В родственники, впрочем, тоже.

— Неужели?

— Да. Вообще-то, я первый раз в жизни летала на граблях и до сих пор немножко в шоке. На самом деле, хорошо бы присесть.

— Ступай за мной, — игнорируя мой намек, отрывисто приказал мужчина и, развернувшись, зашагал вверх по одной из лестниц.

Я задумчиво покосилась на выход, размышляя, а не сбежать ли из этой обители безумия и готического дизайна, но незнакомый мир за порогом все же пугал гораздо больше предстоящего допроса.

После двух неудачных браков, дюжины примерно таких же романов, я так глубоко и прочно разочаровалась в мужчинах, что теперь даже самые brutальные из них не вызвали у меня особого трепета. Ну, подумаешь, улетный костюмчик, порочный рот и упругая задница. Разве это в мужчине главное? Убедив себя быть храброй и коварной, я решительно двинулась за наследником рода Уркайских.

Он привел меня в небольшой, заваленный кипами каких-то папок, талмудов и свитков кабинет. Мебели здесь было мало, из красот в глаза бросался лишь помпезный камин

да висящий над ним портрет печальной белокурой барышни с веером. Кто бы ни писал это полотно, он, очевидно, был мастер своего дела. Детально выписанная фигура девушки удачно контрастировала с динамичными крупными мазками окружающего ее фона. Образ получился живым и тревожным. С легким сюрреалистичным послевкусием. Не сказать, что героиня полотна отличалась какой-то особенной привлекательностью, и все же присутствовало в ней нечто захватывающее.

— Какая удивительная картина, — пытаюсь проложить мостик к взаимопониманию, поделилась я своими впечатлениями.

— Я бы давно его сжег, но помимо того, что портрет чрезвычайно ценен сам по себе, он еще и служит мне напоминанием о том, как вероломно женское племя, — усаживаясь в неприятное, но по виду очень удобное кресло, ледяным тоном изрек мой визави.

— Хм. — Неудачное начало, подумала я и попыталась сгладить неловкий момент шуткой: — В таком случае, это большое везение, раз для подобного примера у вас всего один портрет всего одной женщины. Из моих «рыцарей страха и упрека» вышла бы целая галерея.

Лорд ничего на это не ответил, лишь подался вперед и задумчиво стал меня разглядывать.

Я бы еще поняла, носи этот взгляд мужской интерес. В конце концов, не думаю, что сексуальный инстинкт утратил свою силу по причине моего переноса из одного мира в другой. Мужчины везде одинаковые. Большинство из них чрезвычайно высокого мнения о себе и падки на дармовщинку. Тут же рыбка сама плывет в руки. Он — большой и опасный, а я — без тридцати килограммов маленькая и беззащитная.

Однако, в затянувшемся разглядывании моей упитанной персоны не было ничего непристойного. Советник смотрел на меня так, словно перед ним стояла не живая, молодая и аппетитная самозванка, а кто-то из разряда «грязь под ногами». От подобного, подозреваю намеренного, оскорбления я рассвирепела и решила мстить. Разумеется, не сразу и исподтишка.

— Где отец тебя подобрал?

— На дороге, — сухо ответила я, ощутив себя путаной, приторговывающей интим-услугами на трассе.

— Почему ты так странно одета?

Я придирчиво оглядела свои черные лосины с начесом, удлиненный белый свитер, модной в этом сезоне крупной вязки, и задумалась. Ну что можно ответить на подобный вопрос, не рискуя заработать репутацию либо нахальной лгуни, либо сумасшедшей? Хотя, сумасшедшими их тут явно не удивишь.

— А мне так удобнее на граблях летать, — нашла я с ответом, не слишком удачным, но при сложившихся обстоятельствах выглядеть нахалкой казалось предпочтительней. — Никуда не поддувает...

— Не советую врать. Тем более, дерзить. — Рэт, флегматично поигрывал ножом для вскрытия писем, что, надо сказать, выглядело весьма угрожающе. — Я слышу ложь, так же ясно, как собака чует след. Наверняка тебе известно, что Главе Тайного Приказа невозможно солгать безнаказанно?

— Таки невозможно? — пожившись от пробежавшего по коже трусливого «холодка», зачем-то уточнила я.

Усталость и нервное потрясение сделали свое черное дело. Мысли в моей голове перемешались, заставляя говорить не слишком умные вещи.

Мужчина, тем временем, продолжал спокойно разглядывать меня, от чего градус эмоционального накала только возрастал.

— А если это и в самом деле так, то у вас печальный талант. Ведь существует же ложь во спасение... Да и сделать сюрприз, не приврав, невозможно. Все врут. Не врут только идиоты и еще, пожалуй, некоторые психопаты.

— Или честные люди, которым нечего скрывать, — перебил мой спич Рэтборн.

Я состроила скептическую мину. Затем болезненно поморщилась. Приходилось срочно признать, что скачка под облаками таки не прошла даром. В теле от мышечного напряжения мелко вибрировала каждая перетруженная жилка. Я поняла, что больше не простою и минуты. Как назло, никто даже и не думал предложить мне присесть. К тому же, в комнате не обнаружилось ни одного, даже самого затрапезного стула. Зато едва ли не в каждом углу громоздилась куча толстенных папок.

Я взглянула на обложку одной из них, заметив характерный знак порядкового номера и длинную вереницу цифр. Так и хотелось «пошутить» на тему доносов, но другая, куда более насущная потребность, помогла избежать очередной промашки.

Выбрав стопку поровнее, я сгрузила на пол свои причиндалы и, стараясь не потерять лица, пристроилась сверху. Не на полу же, в самом деле, сидеть.

— Разве я разрешил тебе сесть? — многообещающе, в плохом смысле этого слова, поинтересовался Лорд.

«Он что, серьезно?» — удивилась я про себя.

Для зрелой, относительно независимой женщины из двадцать первого века лицемерие подобное отношению к себе было чем-то грандиозно нелепым и возмутительным. Ей-богу, это так ошеломило меня, что я совсем негламурно захохотала. Вероятно, для истерики время и место оказались неподходящими, но в конец сдавшие нервы требовали хотя бы небольшой разрядки.

Как и следовало ожидать, от смачных колебаний старательно запасенного на голодные времена жира мой импровизированный табурет не выдержал и с характерным шелестом развалился. Тут уж я даже заикала от смеха. Конец «веселью» положил приступ удушья.

Внезапно, слово огромные невидимые тиски сдавили мою грудь и резко дернули вверх, отчего я вытянулась по стойке смирно, точно тот самый обреченный на бесславную смерть оловянный солдатик. В ужасе я глухо захрипела, судорожно хватая ртом воздух, пока равнодушно взирающий на мои мучения садист все так же флегматично поигрывал своим треклятым ножом. Эта пытка длилась от силы секунд десять, но напугала меня на полжизни вперед. Упав на колени, я пыталась жадно надышаться про запас.

— Еще одна подобная выходка и я перестану быть любезным.

Господи, что это было?! Какие еще зловещие мистические секреты таил новый мир?!

Ни шутить, ни уж тем более смеяться теперь совершенно не хотелось. Близкое знакомство с асфиксией кого угодно сделает серьезным.

— Теперь рассказывай правду.

— Правду, так правду, — прохрипела я, упрямо, несмотря на трясущиеся ноги, поднимаясь с колен.

Аксиома всех горе-героинь, к которым, очевидно, относилась и моя одиозная персона, гласила: останешься лежать в грязи — сама превратишься в грязь.

— Я из другого мира, — игнорируя боль в горле, выдала я свой секрет. — И если ваш хваленый «нюх» работает исправно, вы знаете, что на этот раз я не лгу.

2. Девочка-мальчик

глава вторая

ДЕВОЧКА-МАЛЬЧИК

И Богу не свечка, и черту не кочерга.

Народная пословица.

Стоило мне обосноваться на новом месте, более всего прочего меня озаботил ответ на один-единственный вопрос: «Где здесь кормят?» Учитывая, что мои лишние килограммы возникли отнюдь не по вине страшного проклятия какой-нибудь завистливой ведьмы, а в результате старого недоброго обжорства, давняя вредная привычка, не давая поблажек на экстремальность текущих событий, громко требовала вкусно жрать и сладко пить. Причем немедленно.

Я как могла сражалась с этим ненасытным демоном чревоугодия, но, честно говоря, сия эпическая битва была давно проиграна.

Аппетит рос пропорционально завладевшей мною тревоге. Особенно после недавно пережитого не иначе как чудом допроса, окончившегося весьма внезапно и с совершенно непонятным итогом.

Немало заявившему о себе во все горло «инстинкту саранчи» способствовала и вгоняющая в состояние вялого невроза комната, в которой меня поселили на правах бедного родственника.

Справедливости ради следует сказать, что апартаменты вовсе не походили на пресловутую каморку Золушки и вполне могли считаться роскошными. Однако, как и все в особняке, роскошь эта не столько радовала, сколько угнетала. Особенно выбивали из колеи темно синие полосатые обои с рябящим золотисто-бордовым узором. Того же оттенка бордо тяжеловесные портьеры на окнах с бахромой и кистями, темные ковры на полах и массивная лакированная мебель выглядели старомодно и тяжеловесно. Комната производила впечатление чего-то мрачного, стылого и загроможденного.

Единственное, что радовало, так это вид из окна. Зеленые лабиринты с живописными куртинами пестрых круглых клумб. Стройные аллеи обширного парка и небольшое озеро, по глади которого, точно черные каравеллы, скользили, чем-то напоминающие земных лебедей, птицы.

Раздвинув посильнее портьеры и впустив в комнату немного солнечного света, я принялась обследовать свои новые владения.

Набор мебели стандартный для особняков подобного типа: кровать под балдахином, каминная группа, напольное зеркало, бюро, парочка помпезных оттоманок и совершенно чудовищных размеров гардероб, по форме и декоративной резьбе напоминающий склеп вампира-эстета. Гардероб оказался пуст. Пристроив в него свой пуховик, я притворила отлично пригнанные дверцы.

— Ваша новая одежда, сударь, — раздалось за моей спиной, и я испугано вздрогнула, оборачиваясь на приятный женский голос.

На пороге комнаты стояла очередная красавица в платье прислуги.

— Вы так тихо подкрались, — попеняла я.

— Простите, сударь, — подозрительно монотонно извинилась девушка. — Ваша одежда. Хозяин желает, чтобы вы переоделись.

Я заинтриговано покосилась на ворох старомодных тряпок. Очевидно, мне принесли

далеко не платье с кринолином. Надеюсь, хоть с размером не промахнулись.

— Как только вы переоденетесь, я провожу вас в столовую.

В процессе примерки оправдались худшие из моих опасений. Во-первых, все вещи, исключая белые чулки и сорочку с красным кантом незатейливого кружева на манжетах, были самого траурного в мире черного цвета. Во-вторых, узкие, чуть ниже колена штаны шились явно на плоскую мужскую задницу и вмещать мои нижние «далеко-не-девьяности», как я их ни уговаривала, не желали. Хорошо еще, к ним прилагался широкий матерчатый пояс, который и спас положение. Жилет застегнулся с десятой попытки и только после того, как я подняла свою грудь чуть ли не к подбородку, став при этом похожей на разбитную подавальщицу в средневековом трактире. Камзол жал в пройме и был узок в рукавах. Пышное жабо, которое прилагалось к сорочке, еще больше подчеркивало карикатурно выпирающую грудь. Но самое большое разочарование заключалось в высоких, по колено сапогах, которые оказались велики размера на четыре.

Я подошла к напольному зеркалу и застонала. За парня в таком виде меня принял бы разве что слепой.

— В таком случае, — сказала я своему отражению, — будем действовать от противного!

Распустив волосы, изрядно отросшие за последние месяцы, о чем свидетельствовали темные, по сравнению с остальной блондинисто-рыжеватой копной корни, я старательно их расчесала. Потом извлекла из своего чемоданчика косметику и впервые за долго время «нарисовала» себе лицо.

— А что? — я расправила жабо, так, чтобы в вырезе сорочки показалась та самая пресловутая ложбинка. — По-моему, не дурно. Черный так вообще стройнит.

— Ведите! — бодро велела служанке, все это время ожидающей за дверью, и зашагала следом, когда та молчаливой тенью поплыла впереди.

Все-таки странные здесь слуги...

Столовая по убранству напоминала переоборудованную камеру пыток формата VIP. Стол каменный, полированный и местами золоченый. Стены серые, все увешанные трофейным оружием и какими-то цепями. Потолок расписной и весь в лепнине.

Сюжет фрески — ожидаемо не способствующий здоровому пищеварению. Что-то там на тему «Женщина — друг человека». За человека, видимо, предлагалось считать мужчину. Из чего следовал логичный вывод, что женщина — не человек, а скорее досадный недогляд матушки природы. Что вовсе не удивительно, так как Природа, в конце концов, тоже женщина.

За столом под хрустальной люстрой единственным светлым пятном в этой обители мрака и абсурда сидело шестеро. Ундер Уркайский — во главе, на кресле, больше похожем на трон. Справа и слева от него стояло по пустому стулу. Позже я узнала, что таким образом старый самодур давал понять, что никто из его многочисленного семейства так и не заслужил чести считаться его правой или левой рукой. Остальные места по обе стороны от трона занимали пятеро молодых мужчин — видимо, это и были хозяйские сыновья. Все совершенно разные, и, что самое удивительное, поразительно непохожие на своего родителя. Настолько, что начинали закрадываться мысли вполне определенного толка...

— Реджи, ты опоздал, — оторвавшись от тарелки, проскрипел старик. — Проходи скорее и присаживайся.

Но я не спешила занять приготовленное для меня место в самом конце массивного

стола. Для начала следовало как-то пережить препарирующие взгляды наследников моего сбрендившего опекуна.

— Добрый день, — поздоровалась я с мужчинами, изучающими новую игрушку своего родителя с жадным хищным интересом.

По привычке с губ чуть было не сорвалось привычное «привет», но недавний опыт с удушением подсказал — старые замашки здесь навряд ли придутся к месту.

Именно в этот момент затянувшейся драматической паузы я четко осознала, что жизнь моя совершила немыслимый кульбит и выжить в этом опасном вращении возможно лишь при условии максимальной концентрации и изрядной доли изворотливости.

Благодаря своей профессии, я неплохо разбиралась в людях — если, конечно, не касаться собственных сердечных дел — особенно в богатых и спесивых и знала, как с ними сладить. Хотелось надеяться, что это сулило пусть и не большую, но фору.

Проследовав к своему стулу, я уселась с краю, по правую руку от главы рода Уркайских, так что за столом наконец-то образовалась симметрия: три человека напротив друг друга с одной стороны, три — с другой. «Фигура» явно понравилась ундеру, и тот довольно оскалился, что, видимо, должно было сойти за улыбку. Эта самая гримаса изрядно напрягла его сыновей и, что лукавить, насторожила меня. Прервав свое тайное изучение собравшихся персонажей, я изобразила робость и уткнулась взглядом в тарелку.

«Не спешить, не дергаться, наблюдать», — повторяла я про себя, складывая в копилку мыслей первые впечатления от своих сотрапезников.

— Ну что ж, приступим к знакомству, — пригубив вино из серебряного бокала на высокой витой ножке, заговорил старик. — Сыновья мои, это — Реджинальд де Грасси, наш дальний... — ундер сделал паузу, — очень дальний родственник. Для простоты, я зову его племянником. Не так давно мальчик стал круглой сиротой и я, прознав о том, решил взять его к себе в обучение.

При слове «мальчик» мой сосед, худошавый шатен с руками музыканта, хмыкнул и покосился в мою сторону. Взгляд его упал на жабо, так зазывно вздымающееся на моей выдающейся груди. Ни дать, ни взять горка взбитых сливок над двумя шариками персикового мороженого.

Однако, реакция была понята и простительна. Не обратить внимания на подобный натюрморт — задача близкая к невыполнимой. Есть что-то магнетическое в большой женской груди. Имеется у меня парочка приятельниц с внушительным бюстом, так стоит им только упаковать свои сокровища в нечто оборудованное декольте, как я и сама, буквально против воли, то и дело начинаю таращиться туда, куда вроде бы положено смотреть только мужчинам. Что уж говорить о нормальном гетеросексуальном представителе сильного пола?

— Для начала, Реджинальд, познакомься с остальными моими сыновьями. Рядом с тобой сидит Каспар, он от моей второй жены Леониды. Каспар служит в том же ведомстве, что и Рэт, но в другом подразделении. — Для выжившего из ума параноика, ундер излагал свои мысли складно и последовательно. — Каспар займется твоим умственным образованием.

Каспар в очередной раз хмыкнул, на этот раз несколько наигранно, как бы давая понять всем собравшимся, что ничего нелепее в своей жизни не слышал. Он довольно долго таращился на меня поверх своего бокала, в итоге взгляды наши встретились, и я подивилась, какого глубокого аквамаринового цвета оказались его глаза.

— Напротив тебя, первый от края — Ланзо.

Плечистый, с грубым скуластым лицом Ланзо больше всего напоминал туповатого головореза. Однако взгляд его холодных, цвета закаленной стали глаз выдавал ум и расчетливость. А жгуче черные, схваченные на затылке в простой хвост волосы, добавляли яркости его в общем-то довольно невзрачной внешности.

— Ланзо будет учить тебя фехтованию.

Теперь уже поперхнулась я, украсив свое жабо россыпью ярких винных капель.

— Извините. Не в то горло попало, — чувствуя себя крайне неловко, промямлила я. —
Всю жизнь мечтала фехтовать...

— Рядом с Ланзо — Хейден. Хейден у нас самый красивый, потому что пошел в свою матушку Миорику, мою четвертую жену. Ее портреты в великом множестве ты можешь увидеть в крытой галерее восточного крыла. Прекрасная была женщина. Небольшого ума, но редкой красоты. Набожная и послушная. Очень родовитая. Седьмая в очереди на корону, так что Хейден практически принц.

Все за столом, исключая Хейдена и меня, издевательски рассмеялись. Стало очевидным, что шутка эта бородатая и весьма злая.

Я не решилась разглядывать объект столь неуклюжей насмешки в открытую, однако даже мимолетные взгляды подтверждали слова ундера о редкой красоте его четвертого сына. Светлокожий и худощавый, с точно выбеленными, завораживающими холодным сиянием волосами, Хэйден казался белой вороной среди своих темноволосых братьев.

Он смотрел на меня в спокойной невозмутимости, одновременно и пугая, и завораживая блеском практически желтых глаз. Их удивительный цвет только подчеркивал рыжеватый ободок вокруг радужки, рождая ассоциации с кем-то хищным, то ли волком, то ли тигром, то ли еще какой дикой тварью, способной в два счета расквитаться с обидчиком. Несколько приглушая флер совершенства, окружающий мужчину, через всю левую половину лица тянулся тонкий, едва заметный шрам. Он пересекал безупречно изогнутую бровь, неуловимым образом превращая ангелоподобный лик в красивую, но зловещую маску.

Я непроизвольно поежилась, сражаясь с пробежавшей по телу дрожью.

— Хэйден у нас поэт и художник, а также признанный законодатель мод, — не скрывая презрения, сообщил глава семейства. — Так что его задачей станет научить тебя изящно изъясняться, кропать незамысловатые стишки и вести светские беседы со знатными персонами.

— Вы планируете представить Реджинальда ко двору? — лениво растягивая слова, поинтересовался желтоглазый.

— Я много чего планирую, — сухо ответил старик, сыну. — Твоя задача быть мне полезным.

— Как всегда, отец, как всегда, — не скрывая сарказма, но с неким холодным смирением подытожил «принц». — Появившись в свете как ваш протеже, Реджи произведет фурор.

«Ага, особенно ежели при знакомствах меня будут величать сударь», — добавила я про себя, в то время как остальные наверняка о том же самом подумали.

Последним «дядюшка» представил Волкера. Младший сын сидел по его левую руку и, не скрывая расчетливого интереса, разглядывал своего новоявленного «брата», то бишь меня, отложив в сторону нож с вилкой.

От мужчины так и веяло педантичностью и аскетизмом. Одежда, по сравнению с

остальными представителями рода Уркайских, — очень простая, безупречно отглаженная и чем-то неуловимо напоминающая униформу католического пастора. Выразительное сосредоточенное лицо украшали аккуратная темно-каштановая борода, густые прямые брови и задумчивые светло-карие глаза. Темный цвет собранной в простой низкий хвост шевелюры разбавляли серебристые нити ранней седины, отчего-то совсем не коснувшейся покрывающей высокие скулы растительности.

— Волкер обучит тебя азам магической механики, — в очередной раз «осчастливил» ундер. — Было бы совсем недурно, если бы ты, Реджинальд, обнаружил в этом деле способности. Механизмы в последнее время пользуются большой популярностью при дворе. Настолько большой, что обладая необходимыми навыками, легко сделать блистательную карьеру. К примеру, Волкер, несмотря на свой незначительный возраст, всего-то тридцать пять, уже три года как Лорд-конструктор Механического Приказа. Его мать, моя последняя, ныне покойная жена Фладира, из всех была самая любознательная. Сколько я ни жег ее книг, а она все равно умудрилась выучить три языка в дополнении к тем пяти, что успела освоить до брака. Церковники, к которым, в конце концов, я услал ее на обряд смирения, сочли бедняжку одержимой. Как иначе объяснить ненормальную для скудного женского ума способность запоминать все, что когда-либо было увидено, услышано, или прочитано?

«Как — как? Фотографической памятью!» — благоразумно не ответила я на возмутительный вопрос главы самого женоненавистнического во всей вселенной семейства. Какое счастье, что этот сумасшедший изверг считает, что я — мужчина, а стало быть, подразумевается, создание куда более разумное, достойное уважения и изрядной степени личной свободы. Неизвестно, конечно, как долго продержится этот фарс, но, без сомнения, со своей стороны я должна приложить все возможные усилия, дабы покровительство дядюшки лишь крепло. И если для этого придется подружиться с плоскогубцами и отверткой, то так тому и быть.

Наконец покончив с формальностями, все приступили к трапезе. Стресс превратил мою пищеварительную систему в бездонную яму, и я с огромным трудом заставила себя есть медленно, с притворной неохотой.

Меж тем, стол буквально ломился от всевозможных шедевральных вкусностей, красноречиво свидетельствующих о том, что повар Уркайских — кулинарный виртуоз! Однако, собравшиеся за столом мужчины подобного счастья совершенно не ценили. Они лениво ковырялись в своих тарелках, от каждой перемены блюд — коих было ни много, ни мало, а восемь — изволив отведать лишь по паре кусочков.

— Ваш повар — гений! — Слова вырвались из меня помимо воли.

Излившийся в ликующий желудок божественным нектаром десерт буквально вынудил меня таки нарушить неприветливую тишину семейного ужина.

— Герард о-очень дорогой и редкий раб! За изрядную сумму да парочку смертельных секретов, — дядюшка разразился скрипучим смехом, — я выкупил его у Великого Герцога. Такого славного повара нет даже при дворе.

Очевидно, данное обстоятельство доставляло старику немалое удовольствие. Ундер вообще по всем признакам отличался тщеславием. Он едва терпел стороннее превосходство и во многом привил подобное свойство натуры и своим сыновьям.

В тщетной попытке подсластить своё безрадостное открытие, я отправила в рот последнюю ложечку отдающего лимонным послевкусием крема.

В завершении ужина в центр каменного стола водрузили высокий, причудливо граненый графин с густой, цвета перезрелых слив жидкостью.

— Реврейн? — прищурился голубоватые льдинки выцветающих глаз спросил ундер у своего старшего сына.

— Прежде чем начать обучение, племянника следует проверить, — пояснил Рэт.

И хотя в тоне его речи — ровной, выверенной и безэмоциональной — не промелькнуло даже намек на сарказм, всё же, скрытая в ней издевка прозвучала так же явственно, как скрип столовых приборов о парадный фарфор.

Сделав знак лакею, маячившему в паре шагов позади его кресла, старик поднялся из-за стола и на мгновение в задумчивости замер.

— Хорошо, — согласился он. — Но не переусердствуй. Если Реджи протянет ноги, твою часть наследства я похороню вместе с ним.

— Не беспокойтесь, отец, я не стану утруждать вас поисками места для рытья столь просторной могилы.

Рэт в притворном почтении наклонил голову и, дождавшись, когда старик удалится, повелительным жестом приказал лакею разлить содержимое графина по бокалам.

Я затравленно уставилась на зловещий напиток.

— Что это?

— Реврейн — вино истинны, — сухо ответил мужчина, и, поднеся бокал ко рту, сделал солидный глоток. — Пей, Реджи.

— Кстати, — печально известный принц Хэйден последовал примеру брата, — а как на самом деле зовут нашего Реджинальда?

— Ада, — едва не прослезившись от звука собственного имени, ответила я, готовая к любым вопросам лишь бы не прикасаться к непонятному пойлу, обладающему потенциально летальным свойством.

На известие о моем имени некоторые братья Уркайские отреагировали странно — громоподобным смехом.

— Добро пожаловать в ад, Ада, — отсалютовал бокалом Ланзо и осушил его до дна.

— Кто знает? Быть может, это не Ада пожаловала в ад, а ад пожаловал к нам... — рассматривая напиток на свет, задумчиво протянул Хэйден.

Волкер хмурился, Каспар, уже не таясь, практически в упор разглядывал мою грудь.

— Спасибо. А это не опасно? — замирая от ужаса и в то же время ужасно смущаясь, уточнила я.

Судя по тому, как мужчины без колебаний поглощали этот самый Реврейн, яд в него никто не сыпал. Или, быть может, у них к данной отраве имелся природный иммунитет?

Озвученные вслух опасения снова всех развеселили.

— Пей, — кривя губы в презрительной ухмылке, велел главный Лорд-экспедитор Тайного Приказа, и в этот раз, я таки сделала крошечный глоток, безошибочно распознав в тоне мужчины знакомую угрозу.

На вид отдававшее сливовым цветом, вино и на вкус оказалось сливовым. словно цельные плоды поместили в бочку, засыпали их сахаром, закупорили и оставили бродить, пока мякоть, включая кожуру, не превратилась в однородный волокнистый сироп, а косточки не осели на дно.

— Слишком сладко. — Я непроизвольно скривилась, столь приторным и вместе с тем крепким оказался напиток.

— Зато действительно.

Сидящий ближе всех Каспар протянул руку и фамильярно, кончиком длинного холеного пальца расправил немного сбившееся на моей груди жабо.

В ответ я не придумала ничего умнее, как весьма рьяно шлепнуть его по конечности.

— Извините, — тут же испугавшись собственных действий, смалодушничала я и сделала еще глоток. В голове слегка зашумело и зрение на несколько тягучих секунд утратило резкость.

— Не стоит извиняться, — продолжая посмеиваться, вмешался Хэйден. — По официальной версии вы — наш дальний родственник *как бы* мужского пола, чьего декольте *как бы* не существует, и, соответственно, его *как бы* не подобает рассматривать. Хотя, стоит признать, посмотреть есть на что...

— Простите, Реджи, я забылся, — вслед за Хэйденом наигранно покаялся Каспар, но раскаяние в его словах и не ночевало.

— Ей понадобится другая одежда, — нарушил свое молчание Волкер. — По размеру.

— И сапоги, если можно. Те, что дали, просто огромные, — вставила я свои пять копеек.

— Что ты видишь? — игнорируя мою просьбу о более подходящей обуви, потребовал ответа Рэт.

— В смысле? — удивилась я и, на всякий случай, внимательно пригляделась к окружающим.

Странное дело, но стоило мне сосредоточиться на том действе, что разворачивалось перед глазами, как уже в некоем смысле привычная обстановка вдруг дополнилась примечательными деталями.

Словно плотное марево обволакивало всех присутствующих за столом мужчин и тройку стоящих неподалёку лакеев, а также некоторые, с виду вполне обычные, предметы. Мое внимание привлекла небольшая, чем-то похожая на погребальную урну ваза. Из-под ее декоративной, украшенной глазированными розочками крышки тянулась похожая на сигаретный дым струя. Дымок стремился к потолку, по пути вверх изгибаясь переменчивыми узорами, которые, в свою очередь, все отчетливее складывались в рожи рогатых чудищ.

— Вот тебе и розочки, — ощущая угнетающую заторможенность, заплетающимся языком пробормотала я себе под нос.

Что-то мелькнуло на периферии. Голова, словно сама собой, повернулась в сторону движения. Это была очередная кукольно прекрасная служанка, безо всякого выражения на безупречном лице вошедшая в столовую. Присев в глубоком книксене, она вручила младшему сыну ундера поднос с запиской. Даже в этом преобразившемся, похожем на мираж мире, служанка сохраняла свою мрачную, словно неживую неизменность. Подобное на уровне самых древних человеческих инстинктов ощущалось как нечто по-настоящему искалеченное и ужасное.

— Что с ней такое? — Я уже плохо слышала себя, с изрядным усилием складывая звуки в членораздельные слова.

— Ты ни разу не видела фей? — удивился Хэйден.

— Фей? — поразила я настолько, что даже охвативший меня после пары глотков Реврейна дурман, немного отступил. — Вы имеете ввиду волшебных крошечных созданий,

которые порхают с цветка на цветок, водят хорорыводы и умирают, когда смертные перестают в них верить?

Столовую снова наполнили раскаты мужского смеха. В этот раз больше всех заливался головорез Ланзо.

— Просто день смеха какой-то! — выплеснула я свое раздражение, устав быть предметом непонятого веселья.

— Феи — проклятие нашего мира. Это магические паразиты, агрессивная плотоядная раса. Патрули на западной границе Андалора, если им удастся обнаружить «поляну фей», с большими потерями зачищают ее до того, как на этом зараженном месте вырастет зачарованный холм. Уничтожить его, если он стабилизировался — невозможно. Но стоит признать, внешне феи совершенны, и многие ценители «прекрасного» долго не оставляли попыток приручить этих беспощадных хищников. На их счастье, не так давно Волкер нашел способ превращать фей в послушных и совершенно безвредных созданий. Благодаря талантам нашего младшенького, *опустошенные* быстро стали обязательной приметой любого по-настоящему богатого дома.

Ланзо покрутил бокал с Реврейном, чей цвет вдруг стал багряным, словно венозная кровь. Этот багрянец, точно расплескавшись, оказался на руках мужчины и медленно пополз вверх к мускулистому предплечью.

— У вас руки по локоть в крови, — прошептала я, заворуженно следя за творящейся метаморфозой.

Взгляд мой метнулся к его лицу, и я в ужасе отпрянула, едва не свалившись ничком вместе со стулом.

То самое марево, которое окружало братьев Уркайских, стусутилось вокруг Ланзо плотным коконом, и кокон этот имел очертание здорового человекоподобного громилы, увенчанного гребнем, похожим на частокот из вороненых кинжалов. Сам же мужчина, флегматично потягивающий проклятое пойло, так и продолжал сидеть на массивном резном стуле, вызывая ассоциации с этакой дьявольской матрешкой.

Меня осенило ужасное подозрение, и я поспешно зажмурилась.

— Довольно неожиданно, — задумчиво протянул сидящий ближе всех Каспар. — Для женщины она весьма долго и вполне успешно сопротивляется видениям. Впервые наблюдаю подобное.

— Не стоит сопротивляться, Реджи, — посылая по телу неприятные вибрации, прямо в ухо приказал низкий раскатистый голос, который теперь наверняка будет являться мне в кошмарах. Я так и сидела с закрытыми глазами, отчаянно сражаясь с убийственными галлюцинациями. — Разве тебе не интересно увидеть истинную сущность твоих новых родственников?

— Нет. — Голос мой был тверд, как никогда. — Для первого раза впечатлений более чем достаточно.

Вместо витка очередных увещеваний, Рэт схватил меня за плечи и грубо выдернул с места.

— Смотри на меня, Реджи...

Пищевод обожгла желчь. Деваться теперь было некуда. Решив, будь, что будет, я открыла глаза...

На меня смотрел очередной, пугающий до дрожи в поджилках «некто».

— Что ты видишь?

Внезапно реальность выцвела и померкла. Все укутал колдовской сумрак, и я, как зачарованная, уставилась на удерживающее меня существо. По счастью, по-прежнему звучащие мужские голоса остались не искаженными, позволяя мечущемуся в испуге сознанию цепляться за них, как за якорь, обретая некое подобие успокоения.

Довольно скоро я заметила, что страшные сумрачные картинки обладали некой мрачной притягательностью и побуждающей к неотрывному слежению за их текучестью. Оставаясь в главном неизменными, они, при этом, в мелочах непрестанно трансформировались, рождая тревогу и ощутимый дискомфорт для глаз.

— Что ты видишь? — Рэт вновь встряхнул меня и, явно угрожая, повторил свой вопрос.

— Я вижу ярость. Холодную, звенящую пустотой...

Собственный голос звучал незнакомо. Я будто раздвоилась, распалась на две полярные сущности. Одна — растерянная, беспомощная Ада, вторая — та, которая вдруг заговорила от моего имени, вызывая откровенно описывая свое видение. Она не столько отвечала на вопрос своего мучителя, сколько загадывала ему загадку, бросая вызов, который мужчина не мог не принять.

— В этой пустоте стонут ветра. Они, как души, запертые в темницу вечной мерзлоты. Обреченные на одиночество. Реющие под светом стального солнца. Алчущие правды. Не желающие эту правду принять.

Я подняла на мгновение опущенные веки и еще раз всмотрелась в преобразившееся лицо Рэтборна. Он возвышался надо мной стылой громадой. Как закованный в демонические латы великан. Эти латы — сам холод. Ослепительно прекрасный, крадущий душу лед. Тонкой, сияющей скорлупой он покрывал резкие черты. Из рта вырывались облачка морозного дыхания.

Я знала, что не стоит прикасаться к нему, но странная решимость, всепоглощающее ощущение неотвратимости толкали к действиям. Все еще ощущая его немилосердную хватку на своих предплечьях, я подняла руку и осторожным касаниям повторила линию широкой челюсти. Тепло.

Тепло, едва ощутимое, но такое приятное в обступившем нас царстве холода, загорелось на подушечках моих пальцев. Я почувствовала дрожь. Лед под ладонью пошел мелкими трещинами и стал крошиться. В прорехи стал сочиться свет. Жидкий, тягучий экстракт цвета чистого золота...

Я засмотрелась на крохотные сверкающие капли непонятого свечения. В этот самое мгновение, когда покой и незамутненный восторг обуяли мое сознание, лорд толкнул меня. То ли в страхе, то ли в ярости. Я отлетела метра на три. Упала на пол, наткнувшись на что-то лицом и неловко завалившись на бок. От вкуса крови, наполнившей рот, желудок скрутило жестоким спазмом. К горлу вновь подкатила зловонная желчь, и меня стало нещадно рвать прямо на полированную мозаику мраморного пола.

Той ночью, первой в череде беспокойных неласковых ночей, которые я провела под опекой рода Уркайских, я едва не погибла. Вино истины оказалось несовместимо с моим организмом, что привело к своеобразному отравлению и необратимыми изменениям, существование которых обнаружилось немногим позже. Последнего никто не ожидал. Как и того, что я превращусь в источник постоянного удивления для мужчин, которые в силу своего происхождения и образа жизни, казалось бы, навсегда утратили способность к этой естественной для простых смертных эмоции.

3. Диверсантка

глава третья ДИВЕРСАНТКА

Плачущая женщина притворяется.

Задумчивая женщина грезит о дурном.

«Молот Ведьм»

— Просыпайтесь, сударь, — раздался откуда-то сверху приятный женский голос.

Приглушенно и невнятно, он словно силился прорваться через толщу глубокой воды.

Я неуклюже заворочалась. Тело, тяжелое, точно налитое свинцом, слушалось плохо, голова кружилась даже в условиях горизонтального положения и закрытых глаз, во рту стояла ни с чем не сравнимая стрихниновая горечь.

— Пи... и...ить, — прохрипела я, убежденная, что если немедленно не волю в себя изрядную порцию жидкости, снова впаду в беспамятство, а скорее всего, просто «склею ласты».

— Ваш чай на прикроватном столике, — невозмутимо сообщил все тот же приятный женский голос.

Новость оказалась чрезвычайно вдохновляющей. Ради чашки крепкого сладкого чая, сейчас я бы проползла и по битому стеклу. Заставив себя принять вертикальное положение, я уселась на огромной, разворошенной точно птичье гнездо, кровати и, приоткрыв один глаз, попыталась сфокусировать взгляд.

Увиденное не радовало. Итак. Я все также пребывала в гостях у «семейки веселых упырей», вчерашний ужин с которой обернулся отравлением, жесточайшими галлюцинациями, травмами и — отчего было особенно тошно — унижением. Ничего из вышеперечисленного я не собиралась спускать «упырям» с рук. И дабы навсегда проститься с опостылевшей мне еще в прежней «нормальной» жизни ролью «безвинной жертвы», я решила вести тайный счет. Позже, пообещала себе, я найду способ заставить своих обидчиков искупить причиненное мне зло. Ну а пока, преодолев взглядом препятствие в виде заводной феи (лишенные души и воли прекрасные служанки из особняка рода Уркайских более всего напоминали заводных марионеток), я наконец отыскала чайную пару с вожденным напитком и, рискуя сломать себе шею, рванула утолять жажду.

— В шкафу ваша новая одежда и сапоги. Вам велено как можно скорее привести себя в порядок и явиться в кабинет хозяина.

Я возмущенно фыркнула, доливая в чашку остатки чая из фарфорового чайника.

— Какого из?

Учитывая количество хозяев в этом доме, во избежание недоразумения, последнее следовало уточнить.

Однако, служанка явно не поняла вопроса.

— Кого из хозяев вы имеете ввиду? Кто так сильно желает меня видеть? — пришлось разъяснить подробнее.

— Лорд Уркайский. Старший сын ундера Уркайского, — наконец сообразила заводная фея.

— Значит, Садист, или теперь правильнее будет его называть Ледяной Демон? — Я тяжело вздохнула и, кряхтя да постанывая, сползла с кровати и заковыляла в направлении склепа, именуемого шкафом. — Передайте лорду, что я бегу к нему, роняя сапоги.

И только когда за служанкой едва слышно притворилась дверь, до меня вдруг дошло,

что рассчитывать на более лаконичный пересказ моего образного выражения от заводной феи явно не стоит. Все будет передано с диктофонной точностью, слово в слово, и послание наверняка не понравится Садисту. Утешала лишь полная неспособность фей окрашивать речь интонациями. Посему оставалась маленькая надежда, что мой сарказм так и не достигнет ушей скорого на расправу аристократа.

Пополнения в гардеробе, хоть и скромные, внушали оптимизм. Простые черные бриджи, именуемые здесь панталонам, сидели как влитые. Рубаху пришлось надеть из прежних запасов. Зато камзол не трещал по швам, хотя и продолжал подпирать грудь не хуже корсета, а вот сапоги оказались лишь на размер больше необходимого. Я бы даже полюбовалась на получившийся ансамбль в зеркале, если бы не посиневшая и опухшая щека, сувенир старшенького сыночка дядюшки Цвейга.

Я потрогала уродливый синяк и едва не разрыдалась от обиды вкупе с бессильной злостью. Счастье, что столкновение не пришлось чуть выше, а то ходить бы мне с выдающимся фонарем. Если бы, конечно, повезло, и я вовсе не лишилась глаза.

Прошло не менее получаса с момента, как служанка передала приказания своего хозяина, а мои сборы только-только подходили к концу. Так нарочито испытывать терпение Рэтборна стала бы лишь законченная идиотка, но после ночных происшествий я отчаянно нуждалась в горячем душе. К сожалению, душа в прилегающей к спальне ванной не оказалось, посему пришлось довольствоваться более времязатратными водными процедурами, постоянно ожидая, что дверь комнаты вот-вот с грохотом распахнется и меня, как есть голую, выволокут за волосы в коридор.

Поэтому, преодолевая боль и общую разбитость, я заставляла себя действовать максимально быстро, хотя единственное, о чем на самом деле мечталось — это забраться в горячую ванну и остаться в ней навсегда.

Длинный просторный коридор, несмотря на солнечное утро, тонул в полумраке. Особняк Уркайских точно питался светом, распространяя вокруг себя атмосферу вечных сумерек. Вероятно, в том была виновата не слишком удачная планировка здания, жилые комнаты которых либо выходили окнами на укрытую тенями галерею, либо на северо-восточную сторону, где солнце появлялось лишь в рассветные часы. А может, просто это зловещее строение обладало своеобразной душой, такой же хищной и мрачной, как и души ее хозяев.

— И все же, — подумалось мне вслух, — здесь не мешало бы сменить обои и повесить побольше светильников.

— Уже строишь планы по обживанию нового гнездышка, Реджи? — насмешливо, с фирменной ленцой протянул кто-то за моей спиной.

Я обернулась, столкнувшись взглядом с местным недопринцем. Янтарные до звериной желтизны глаза Хейдена разглядывали меня почти с симпатией.

— Тебе следует поклониться мне. Вот так.

Он продемонстрировал изящный и вместе с тем не лишенный мужественности поклон. Я сочла за благо его повторить.

— Здравствуйте, — не зная, чего ожидать от самого красивого из сыновей ундера, я решила притвориться вежливой и покладистой.

Эффект испортила мазнувшая по плечу французская коса, в которую я заплела влажные волосы, и скопившаяся на ее кончиках влага, что чередой мелких капель оросила ковровую дорожку под ногами. Тут же, видимо не выдержав напора избытка плоти, раздался тихий

треск и от украшенной жабо рубахи с помпой отлетела пуговица. Декольте, и без того глубокое, стало совсем уж неприличным, и я поспешила прикрыть его руками.

Хейден засмеялся. Я нервно засмеялась вместе с ним.

— Главное, чтобы штаны не треснули, — поделилась своими искренними опасениями, чем спровоцировала новый приступ смешков.

Веселье оборвалось с появлением в коридоре новой фигуры.

— Ты заставляешь себя ждать.

Лорд-экспедитор стремительно сокращал разделявшее нас с ним расстояние.

Памятуя о прелестях вчерашнего общения, я замерла в напряженном ожидании. Хотелось вжаться в стену и зажмуриться, но, похоже, Садист чувствовал страх и упивался им так же, как свора бешеных псов, настигших дичь.

Прохладные пальцы тисками сжали мой подбородок и задрали его вверх. На пульсирующий тупой болью синяк упал тусклый свет настенного светильника, и на мгновение я забыла, как дышать.

— Умеешь ты очаровывать девушек... — прокомментировал картину свежих повреждений Хейден.

На мгновение все действующие лица сей невеселой пантомимы застыли в безмолвии.

— За каждую минуту моего ожидания, ты будешь наказана, — разжав пальцы, обрадовал Садист, игнорируя провоцирующие комментарии родственника.

— Так и быть, в следующий раз заявлюсь к вам украшенная рвотой. — Я так возмутилась, что позволила себе забыть о сжимавшем нутро страхе.

— Меня мало волнуют возможные трудности. Ты должна усвоить: твое пребывание здесь — блажь нашего отца. Ты его новая игрушка. Одна из тех, которые он находит, ломает и выбрасывает чуть ли не ежедневно. Поэтому как следует старайся оказаться роду Уркайских полезной. Только это позволит продолжаться той нелепой комедии, благодаря которой ты будешь пользоваться привилегиями высшего сословия, а не гнить в тюрьме.

— Но я не сделала ничего плохого! — выкрикнула я, что прозвучало откровенно жалко.

— Да. Но сделаешь, — ни секунды не сомневаясь в своей правоте, припечатал Рэтборн.

Он развернулся и, явно ожидая, что я побегу за ним следом, как дрессированная собачонка, зашагал в сторону своего кабинета.

Я и побежала, чувствуя за спиной, бесшумную поступь его брата.

— Тоже мне, провидец, — пробормотала тихо под нос, но таки оказалась услышанной.

— Братец тобой не на шутку заинтересовался, Пампуша, так что прими мои самые искренние соболезнования, — изрек очевидное Хэйден, не упустив возможности поиронизировать.

— Что ещё за Пампуша? — на ходу развернувшись, призвала красавчика к ответу.

— Есть у нас такие пышные сдобные булочки. Обычно начинки у них самые разные. Я пока не решил, какая лучше всего подошла бы тебе, — ничуть не смутившись, просветил меня желтоглазый.

За спиной негромко хлопнула дверь уже знакомого кабинета, напомнив, что времени для болтовни не осталось. Однако, смолчать и не вернуть сомнительный комплимент я просто не смогла.

— В таком случае, учти: будешь называть меня булкой — я стану называть тебя Крендель.

Три недели спустя...

В незашторенное окно лился сизоватый свет луны. Полнолуние.

В Андолоре ночное светило пылало в небесах непривычно ярко. Мне не спалось. Из-за этого раздражающего света я ощущала себя пресловутым оборотнем, обреченным на болезненное превращение в жаждущее крови чудовище.

В который раз шумно вздохнув, я поспешила «утешить» себя, с наслаждением засунув в рот вкуснейшее заварное пирожное. Крошечное, ровно на один укус, но такое идеальное! Оно имело совершенно потрясающий, просто изумительный вкус натурального домашнего масла, сгущенных сливок и ароматных лесных ягод.

Медленно жуя деликатес, я с тоской грезилась о чашечке свежесваренного кофе, точнее местного аналога с красивым названием дроффэ, раздобыть который в два часа ночи не представлялось возможным. С другой стороны, в сложившихся обстоятельствах следовало радоваться такой роскоши, как божественные пирожные хозяйского повара, доставшиеся мне в обход насильственной диеты.

К слову сказать, данный тайный пир вполне мог обернуться серьезными неприятностями для всех участников сего невинного заговора. Решительно заглушив трусливые мысли, я уничтожила очередное лакомство, на этот раз рассыпчатую корзиночку с крошечным букетом кремовых незабудок. Из груди вырвался стон непередаваемого блаженства, когда лиловые цветочки взорвались на языке вкусом, чем-то напоминающим ананасовый.

Наша встреча с гениальным поваром-невольником состоялась в первую неделю моего заточения в особняке спятившего ундера. Как оказалось, брошенный в порыве детского восторга комплимент талантам кулинарного виртуоза в тот самый приснопамятный первый ужин, каким-то невероятным образом достиг ушей Герарда и тут же застолбил для меня местечко в его большом, как мировой океан, сердце.

На кухню — огромный, пышущий жаром каменный мешок с узкими продольными оконцами под самым потолком — я попала случайно. С непривычки заплутав в бесконечных переходах особняка, я забрела на хозяйственную часть — маленькое, укрытое от глаз высокородных хозяев царство вольнонаемных слуг и дорогостоящих рабов. Наткнувшись на массивную, обитую железом дверь, из-за которой доносилась целая какофония знакомых каждой домохозяйке звуков, я несказанно обрадовалась. Учитывая размеры особняка, плутать по нему можно было до самой ночи, что, в итоге, наверняка бы закончилось для меня очередным не слишком приятным приключением. Последними я была сыта по горло.

В путешествие по коридорам я пустилась, покончив с обедом. Он проходил в малой столовой. Ундер в категорической манере потребовал ежедневных совместных трапез, на коих с большим пристрастием выспрашивал о моих успехах в учебе. Малая столовая, в отличие от столовой парадной, располагалась в южном крыле здания, весьма далеко от места, где я имела несчастье свести знакомство с сыновьями дядюшки Цвейга.

Обратную дорогу до выделенной мне спальни, в которой новой игрушке надлежало отсиживаться в перерывах между занятиями, запомнить с первого раза не удалось. Решив отыскать кого-то из слуг, я миновала не одну анфиладу проходных комнат и залов, но, как назло, так никого на своем пути и не повстречала. В пору было завопить «Ау», но тут весьма кстати обнаружилась памятная дверь.

В послеобеденное время кухня пребывала в относительном затишье. На огромной,

ажурного литья плите медленно томились предназначенные к вечерней трапезе соусы и бульоны. В здоровенной, литров на двадцать кастрюле явно тушилось нечто мясное. Под потолком, на медных балках, мерцающая начищенными боками, висели многочисленные ковши, половники, дуршлаги и сковородки. Стены украшали обрамленные в рамы рецепты, писанные вычурным каллиграфическим почерком с незамысловатыми гравюрами разнообразной снеди. Здесь даже имелся открытый очаг, в недрах которого бушевало живое пламя, а сверху, на средневековый манер, свисали жутковатого вида крюки и вертела.

Из людей в тот час на кухне хозяйничало трое. Посудомойка — коренастая, внушительная, как антикварный комод, женщина в белом чепце с чрезвычайно румяными щеками. Она споро натирала тарелки, ополаскивала водой и составляла их в аккуратные башенки. Весь нехитрый процесс женщина сдобривала непрерывным ворчанием и на вошедшую меня отреагировала ехидным:

— Глядите-ка, сам сударь пожаловал!

Молодой мужчина в красном фартуке поверх светлой рубахи, длинный и журистый, как сухой стебель припасенного на веник сорго, отреагировал на ее комментарий издевательским гоголем, за что незамедлительно и схлопотал подзатыльник от здоровенного, смуглого до черноты силача. От недоброго взгляда великана притихла даже посудомойка, по всем признакам, на редкость вздорная бабенка.

— Проходи, милая, — рокошующим басом пригласил меня человек-гора к стоящему в центре кухни столу.

Захваченная одиозностью его колоритной персоны, я в смущении проследовала вглубь помещения.

— Здравствуйте.

— Флок, подай-ка сударыне табурет.

По лицу насмешника пробежала тень возмущения, но о бунте он явно и не помышлял.

— Спасибо, — не желая усиливать неприязнь «шнурка», поблагодарила я его за расторопность.

Флок картинно насупил, но взглядом потеплел. Видимо, благодарили его тут нечасто.

— Я Герард, главный повар, — представился великан. — А этот потрох, — сложив бугрящиеся мускулами руки на бочкообразной груди, кивнул он в сторону «шнурка», — мой помощник Флок.

— Козет, — не дожидаясь, пока ее представят в очевидно оскорбительной манере, выплюнула свое имя посудомойка.

«С таким именем над прозвищем долго ломать голову уж точно не придется», — подумала я про себя, сдерживая ухмылку.

— Очень приятно познакомиться, — заученно ответила я.

— Приятно ей! — с презрением в тысячу ватт фыркнула Козет.

— Шла бы ты, Козет... на нижнюю кухню... да наша там себе работенку, — развернувшись, великан явил горбоносый профиль и припечатал женщину тяжелым немигающим взглядом.

Нижней кухней называлась отдельно стоящая на заднем дворе особняка постройка, где производились самые грязные кухонные работы, а также располагались большой ледник и кладовая. Работали на нижней кухне по-черному, и в иерархии домашних работников служащие данного места стояли практически в самом низу.

Ниже значились лишь горничные-феи, прекрасные монстры этого мира, встретившие на

своем пути монстра ещё большего, лишившего их пускай и хищной, но всё же души.

Ссылка на нижнюю кухню для домашней прислуги считалась большим наказанием, грозящим не только ломотой в спине и ошпаренными конечностями, но и ощутимым шлепком по самолюбию, так как пасть на служебное «дно» было легко, а вот вырваться обратно — сложно.

Опасаясь, что временное наказание Главного повара станет для нее постоянным, злоязычную, но не безнадежно глупую посудомойку Козет как ветром сдуло.

— Она вам этого не забудет... — прокомментировал также присмиривший Флок, внезапно решивший обеспокоиться судьбой стоявшей на огне кастрюли.

Герард флегматично пожал плечами. Его гладкий смуглый череп тускло блестел сквозь седой ежик коротко стриженных волос. Черные, как печная сажа, глаза смотрели колко, но в общем-то по-доброму. Столь экзотичное сочетание светлых волос и по-индусски темных глаз и кожи вкупе с изувеченным левым ухом, на котором не доставало мочки, произвели довольно сильный эффект на впечатлительную меня.

Одет Герард был как и его помощник — в светлую рубаху, по виду сшитую из простого холста беленой ткани и стоящего колом красного фартука. Вокруг шеи главного повара болталась красная же косынка, отличительная часть униформы всех поваров и подмастерьев с главной кухни. Уголок точно такой же торчал из кармана удлиненных темно-коричневых панталон Флока. Вообще, с этими косынками мужчины больше напоминали закаленных штормовыми ветрами и морской солью коков, нежели привилегированных городских поваров. Герард же и вовсе казался дерзким, но чертовски харизматичным пиратом, склонным к опасным авантюрам и, по этой причине, очень напоминающим мне знаменитого Джона Сильвера.

— А как, милая, твое имя? — спросил великан, но столь простой, по сути, вопрос изрядно меня озадачил.

Назваться Адой — возможно, вызвать гнев своих садистов-покровителей. Использовать чужое мужское имя Реджинальд — обидеть очевидной ложью человека, который этого совсем не заслужил.

— Все теперь зовут меня Реджи, — решив привыкать к новым реалиям, я сгладила вынужденную ложь виноватой улыбкой.

— Реджи, так Реджи, — неожиданно легко согласился Герард. — Главное не это. Главное совсем другое...

Так и продолжая стоять к нам спиной и что-то сосредоточенно помешивая в кастрюле, Флок настороженно притих.

— Никто в этом доме не ценит моих десертов! — внезапно буквально взорвался главный повар.

И замеревший было Флок вздрогнул, пришибленно втянув голову в костлявые плечи.

— Вот!

С громким, заставшим врасплох стуком, на стол, прямо перед моим изумленным взглядом, приземлилось блюдо с разномастными пирожными. Я даже вздрогнула от неожиданности.

— Ешь! — не терпящим возражения голосом скомандовал великан.

Должно быть, от созерцания сего кондитерского великолепия глаза мои сделались круглыми, а рот открылся в немом восторге.

Кстати, в детстве я на дух не переносила сладкого. Конфеты казались мне невыносимо липкой приторной массой, следы которой, плохо смытые с рук, ввергали в чрезвычайное раздражение. Тогда за главное лакомство я почитала селедку или же маринованные помидоры, а за особую экзотику считала помидоры не простые, а обязательно зеленые. Прелесть тортов, в том числе знаменитой «Светланы», которую в моем родном городе, по общему мнению, виртуозно пек наш местный хлебозавод, я не понимала. Медовик долгие годы виделся дьявольским орудием пыток, а первой сладостью, которая прилась мне по вкусу, оказалось сливочное мороженое, продававшееся за сущие копейки в райцентре, недалеко от деревни, где в малолетстве я гостила у родного деда.

То мороженое обладало непередаваемым божественным вкусом и навсегда соединилось в моей памяти с самыми безмятежными и радостными днями прошлого. С тех пор многое переменилось. Сильные разрушительные эмоции, не раз и не два потрясавшие мою взрослую жизнь, внезапно изменили вкусовые предпочтения, и я, к своей немалой печали, стала большой поклонницей всевозможных булок и кремовых десертов. Неизменным осталась лишь первая любовь к прохладному белоснежному лакомству.

Кто же мог знать, что здесь, в этом неприветливом, застывшем в вечном сумраке доме, за гранью знакомого мира и привычных будней, я столкнусь с тем, кто вернет мне вкус, казалось, безвозвратно утраченного счастья. Как повар Герард обладал удивительным даром пробуждать своими десертами однажды испытанные яркие светлые чувства.

Я послушно потянулась за столь экспрессивно предложенным угощением и, не забыв полюбоваться совершенством кремовой розочки на выбранном шедевре, положила пирожное себе в рот. Эффект был сравним с землетрясением. В ушах зазвучал светлый, как перезвон колокольчиков, смех мамы, тело окутало мягкостью взбитой, прожаренной на знойном июльском солнце пуховой перины, а обоняния коснулся тонкий запах свежескошенной травы и парного молока. Под кожей приливом разлились покой и радость.

— Боже... — немного отойдя от пережитого наслаждения, прошептала я. — Если однажды я решу умереть, то от обжорства вашими пирожными. Это чистая магия! Я никогда не пробовала ничего подобного.

Очень хотелось добавить, что с такой выпечкой не нужны никакие антидепрессанты, но, справедливо опасаясь, что ни про депрессию, не уж тем более ни про какие антидепрессанты тут и слыхом не слыхивали, я воздержалась.

Тем не менее, петь дифирамбы кулинарному таланту главного повара я могла бы еще долго. Однако, судя по его реакции, главным комплиментом для Герарда являлось удовольствие наблюдать, с каким восторгом я уплетаю приготовленные им сладости.

Уничтожив целое блюдо пирожных и запив их двумя кружками какого-то терпкого напитка, я с удивлением обнаружила, что... немножко опьянела.

— Ой, — растерялась, поднимаясь из-за стола. В ногах ощущалась знакомая тяжесть, а в голове приятная легкость. — А что, здесь во что-то был добавлен алкоголь?

— Нет, — сияя и блаженно улыбаясь, ответил великан. — Просто ты еще не очерствела душой и маленько опьянела от всколыхнувшегося счастья.

— Всколыхнувшегося? — переспросила я. — Вы говорите так, будто счастье — это ил в реке.

— Так и есть. — Глаза главного повара-пирата блестели хитро и весело. — Всё, что люди когда-либо испытали, ложится на дно нашей души, и если человек не обрастает изнутри ледяной коростой равнодушия, любые чувства может воскресить умелый кулинар.

Просто в этом доме нет никого, кто бы смог оценить мое мастерство.

— Теперь есть! — немало потрясенная случившимся, пылко воскликнула я и неловко покачнулась.

А затем не придумала ничего лучшего, чем повиснуть на Герарде и, уткнувшись ему в грудь, громко зарыдать. Уж то ли магия, сокрытая в съеденной пище, то ли потрясения минувших дней проделали брешь в броне моего самоконтроля, но еще никогда я не рыдала так обильно и так очистительно. словно сама безнадежность выходила из глаз с этим слезами.

Краем сознания я замечала, как Флок, оказавшийся весьма чувствительным к женским слезам, носился вокруг нас раненой антилопой, то протягивая носовой платок, то предлагая водички.

Так в неприветливом и мрачном особняке женоненавистников и параноиков Уркайских я неожиданно для самой себя вдруг обрела первых друзей.

И вот теперь, заедая стресс и бессонницу шедевральными пирожными, я валялась на своей огромной кровати, даже не сняв одежды, и напряженно размышляла. А подумать мне было о чём...

В то памятное утро после моего первого пробуждения в особняке «липовых» родственничков, заправлявший здесь если не всем, то почти всем Рэт убежденно вещал о моих птичьих правах и полной практической бесполезности. Вот только оказалось, что тот, кто так ненавидит ложь, сам, не моргнув и глазом, наглым образом мне врал.

Ещё за первым ужином в день своего появления я зацепилась вниманием за фразу «Прежде, чем начать обучение, племянника следует проверить». А уж после того, как меня напоили тем проклятым напитком-вуду, отчего со мной стали твориться совершенно дикие вещи, и вовсе заподозрила неладное.

Ведь по тем реакциям, которые братцы Уркайские в приступе немалого удивления так неосторожно демонстрировали, крылось что-то крайне важное. Тогда, едва знакомая с порядками Андалора, я, конечно же, не могла даже и предположить, что мои страшные видения — и не видения вовсе, а самое настоящее магическое зрение, «включившееся» под воздействием легендарного вина истины — Реврейна.

Вот и получается, что увидела я в тот вечер вполне реальную Силу и Пороки новоявленных опекунов, чего, по причине своего пола, прежде считалось сделать ну никак не могла.

Поить Реврейном мальчиков в день их магического совершеннолетия, которое тут наступало в четырнадцать лет, считалась обычной практикой. В семье устраивалось пышное многолюдное застолье, которое завершалось в узком кругу самых доверенных лиц, чье присутствие и особая подпитка колдовской силой помогали юноше наиболее гладко и без последствий пройти этот своеобразный обряд инициации.

Женщинам пить Реврейн толку не было. Разве что глупышка желала сначала сильно опьянеть, а затем на пару дней свалиться с горячкой. Поэтому, о чем думал Рэт, вынуждая меня против воли дегустировать это адское варево, можно было только догадываться. Однако, результат его антигуманных действий по итогу безмерно удивил всех.

Возможно, где-то в небесной канцелярии случилась внезапная осечка. А быть может, всё именно так и было задумано с самого начала. Но что бы там в итоге ни стряслось, а вышло так, что я, ни чем не примечательная тридцати одналетняя Ада Майская вдруг

оказалась единственной в этом Мире женщиной, обладающей магическим потенциалом! Причем потенциалом весьма серьезным и, уж что совсем поразительно, отрицательным, или проще говоря «тёмным».

Вправду то, что он таков, выяснилось далеко не сразу. И первые две недели по большей части неприятных и под час изнурительных занятий Рэтборн потратил на то, дабы просто убедиться — результаты испытания Реврейном не оказались ошибкой.

Но сначала случилось самое унижительное событие в моей жизни — тренировка с Ланзо.

Буквально с самых первых дней, как я обосновалась в особняке, Садист установил для меня особое расписание. В восемь утра — завтрак. В восемь тридцать — уроки географии, истории, и законовещения. Их вел Каспар, с одной стороны блестяще владеющий всеми тремя предметами, с другой, к сожалению, гораздо больше заинтересованный в глубине моего декольте, чем в качестве усвоенных знаний.

Следом, ближе к полудню, в дело вступал Хэйден, всегда чертовский раздраженный тем обстоятельством, что из-за меня ему приходится подниматься в такую рань. Принц обучал меня этикету и искусству риторики. Причем, когда настроение его было относительно сносным, я изучала принятые правила и нормы поведения в обществе для женщин. Когда же желтоглазый становился мрачным и желчным — этикету он обучал меня так, словно я и в самом деле мужчина благородного сословия. Также в программу его курса входили живопись и стихосложение. Пожалуй, из всех выпавших на мою долю экзекуций, эта была самая приятная.

Так пролетала первая половина дня и наступал момент нашего с ундером ежедневного обеда на двоих.

Сначала необходимость вести личное общение с явно сбрендившим, но всё ещё очень опасным стариком сильно меня угнетала. Он отличался непредсказуемостью и, по сути, в любой момент мог вышвырнуть меня на улицу. Но к концу второй недели я неожиданно для себя совсем перестала его бояться, втянулась и даже начала получать удовольствие от этих неформальных доверительных встреч.

Ундер всё больше начинал восприниматься мною как добрый двоюродный дедушка. Который всегда крайне живо интересовался моими успехами и, если таковые действительно случались, казалось, приходил в совершенно искренний восторг.

Временами я даже начинала подозревать, что его безумие заразно. Иначе как объяснить тот факт, что мы, словно два заговорщика, постоянно искали повод утереть совершенно отмороженному в плане простых человеческих чувств Рэтборну его аристократический нос?

Сам главный Лорд-экспедитор Тайного Приказа ничему меня не обучал. Зато регулярно, как ночной тать из-под лесной коряги, вдруг врывается в малую библиотеку, где по его же приказу для меня была организована этакая школа на дому. Он всегда пугающе бесшумно открывал дверь, подходил к одному из диванов, стоящих в образованных книжными шкафами нишах, и, вальяжно устроившись на нем, молча наблюдал за уроком.

Когда же дело переходило к мои устным ответам, он вдруг перенимал на себя роль самого пристрастного на свете экзаменатора. Критика Рэтборна оставляла в моей душе весьма ощутимые следы. То количество несправедливых упрёков, которыми он щедро распылялся, было способно уничтожить даже самую высокую и прочную самооценку.

Будучи единственным на всей Притэи человеком, кому я была вынуждена доверить

свою страшную тайну, он отчего-то все равно продолжал требовать от меня таких знаний, которыми я по причине своего иномирного происхождения, понятное дело, владеть не могла. А учитывая, что порой речь шла о весьма примитивных общеизвестных фактах, большую часть времени я выглядела непроходимой тупицей.

Кстати, Притэй называлась планета, на северном полушарии которой и располагался Андалор. И это я тоже узнала не раньше, чем Каспар соизволил дать мне первый урок географии. Разумеется, и в этом раз, без насмешек не обошлось.

После обеденной передышки в компании дядюшки Цвейга, когда сумасшествие уже родного старика вновь поднимало свою голову, начиналась главная пытка. Ундер, оседлав грабли, улетал куда-то за границу города, а я отправлялась на урок физического воспитания к головорезу Ланзо.

Ланзорно Уркайский по иронии судьбы, как и я, был обладателем впечатляющего темного потенциала. Он блестяще владел всеми типами существующего на Притэй оружия и возглавлял тайное подразделение Гэнмортис — небольшого отряда самых смертоносных и безжалостных убийц на страже законной королевской власти.

Приказ отца привести племянника Реджи в хорошую физическую форму, обучив всему, что обязан знать юноша из благородного семейства, вызвал у Ланзо настоящий приступ тихой ненависти. Ненависти к ундеру и, как следствие, к объекту его опеки.

Наша первая тренировка не прикончила меня только чудом. Причем физическая смерть явилась бы далеко не худшим исходом. Ужаснее всего оказалось унижение, засвидетельствовать которое явились все братья Уркайские в полном составе. Выполз из своего мрачного склепа даже маньяк-механик Волкер.

Место для экзекуции отвели в крытом тренировочном павильоне, где все мальчишки рода с ранних лет обучались тем или иным ратным премудростям под присмотром самых лучших наставников. Подозреваю, что легко подобные навыки не давались никому. Вот только я была далеко не мальчишкой — прытким, юным, выносливым. А невысокой потрепанной жизнью женщиной из России весом почти в восемьдесят килограммов! В довершение ко всему на ногах у меня болтались совершенно неподходящие для занятий спортом сапоги. Одежда жала и едва не трещала по швам.

Поэтому, если когда-либо вам приходилось слышать выражение «избиение младенцев», знайте — мой пример и есть самая яркая к нему иллюстрация.

Сходу, в первый же день, без попыток понять, на что вообще способно моё надорванное раздобревшее тело, Ланзо потребовал выполнить комплекс упражнений на ловкость, скорость и выносливость.

Для начала я должна была ловить длинную, чем-то похожую на бамбуковую, палку. С расстояния в три-четыре метра, Лорд-головорез швырял в меня этот примитивный снаряд, а я честно пыталась его подхватить, но всё время «ловила» то удар, то падение. Палка оказалась чертовски тяжелой и для моего роста слишком длинной.

— Я буду звать тебя Бестолковой шавкой, — на пятой проваленной попытке, заявил Ланзо, — пока ты не научишься ловить и «приносить» ро* так, чтобы у меня не возникало желание поскорее тебя прикончить.

Отдельной пыткой являлась задача посредством уверенного броска вернуть палку Ланзо. Более менее удачно у меня это получилось только первую пару раз. А затем в непривычных к подобным нагрузкам руках возникла свинцовая тяжесть, мышцы мелко затряслись и проклятая ро стала стабильно падать где-то на середине своего пути.

— Вы в курсе что это просто издевательство? — сильно рискуя, тем не менее, огрызнулась в ответ. — Я что, похожа на парня? Мой вид намекает вам на атлетичность?

С высоты одинокого смотрового балкона, где за тренировкой наблюдали остальные Уркайские, слышались издевательские смешки.

— Мне плевать, кто ты и как выглядишь, — подбирая упавшую ро и всё больше сатанея, выдал Ланзо. — Если я вынужден тратить на тебя своё время, то ты будешь соответствовать моим требованиям.

— И как это понимать? Вы в самом деле считаете, что стоит вам пожелать, разозлиться или обозваться меня как-нибудь поотвратительнее, как я тут же стану наемным убийцей года?

Прилетевшая после этих слов прямо мне в голову «дубина», если и не превратила неповоротливую попаданку в смертоносного ассасина, то вполне успешно сделала из неё упавшую без чувств на пол тушку. Ах, если бы я тогда знала, уплывая в туман беспамятства после полученного сотрясения, что слова о наемном убийце звучат абсурдно, только для меня одной...

*Ро — снаряд в боевых искусствах. Он имеет вид тяжелой длинной палки из породы особого дерева Роммо, которое и обеспечивает снаряду необходимый вес.

Долго возиться с травмой приبلудной девицы тогда никто не стал. Даже дядюшка Цвейг, кому я осторожно пожаловалась на головную боль вследствие сильного удара, лишь сочувственно поцокал языком и порекомендовал вырабатывать у себя стойкость к невзгодам. Как и подобает настоящему мужчине. Пришлось делать вид, что сей чрезвычайно ценный совет услышан и принят к исполнению. За что тут же была вознаграждена фирменной нервирующей всех вокруг улыбочкой и дополнительной порцией похожего на черничное суфле десерта. Ундер сразу заметил мою страсть ко всему сладенькому. И хотя для остальных домочадцев подобная слабость считалась недопустимой, Реджи безумный старик, похоже, баловал...

Справиться с сотрясением неожиданным образом помог Герард. Уже к ночи на моем прикроватном столике появился поднос с каким-то отваром и характерным опознавательным знаком — тонкой, оторванной от куска более крупного полотна хлопковой ленточкой знакомого красного цвета. Кусочек поварской косынки, — догадалась я. Никакой записки не прилагалось, видимо, чтобы не спалить конспирацию.

Немного посомневавшись, пить или не пить, всё же решила выпить, о чем, слава Богу, не пожалела. Наутро о следах бывшего недомогания напоминала только шишка на лбу. Ни боли, ни тошноты, ни головокружения. Чудодейственное средство от чудесного друга. Так что мои шансы выжить в сложившихся реалиях однозначно росли.

И всё же, второй тренировки с Ланзо я ждала с содроганием. Даже страх перед Рэтом отошел на второй план, сменившись опасливой настороженностью. После самого первого дня нашего общения, он больше и пальцем меня не тронул, отчасти переквалифицировавшись из Садиста в доморощенного тирана с сомнительными замашками.

Очередная пытка под заголовком «Дружно превратим Реджи в мужчину!» началась точно так же, как и предыдущая. Установив свой собственный рекорд по ловле «дубины», то

есть, умудрившись сделать это аж целых пять раз, я выдохлась.

— Хватит меня раздражать и бегать от *ро* по павильону. Ты должна её ловить и пасовать обратно, — заорал Ланзорно, когда, не придумав ничего лучшего, я принялась уворачиваться от «попаданий», иной раз отбегая весьма далеко.

При таком раскладе даже с той невероятной силищей, которая таилась в руках Лорда-головореза, добросить до меня злополучное *ро* было весьма затруднительно.

— Всё верно, — пытаюсь унять одышку, выкрикнула я, не спеша приближаться. — Я и пасую. Совсем. Иначе говоря, я — пас! Дальше, пожалуйста, без меня.

— Это не тебе решать. Быстро подняла снаряд и продолжаем.

Я взбесилась. Настолько, что в груди что-то болезненно завибрировало, вспыхнуло и стало набирать обороты, как гигантский ядерный гриб. Даже в глазах потемнело от возмущения и категорического нежелания выступать в роли беспомощной жертвы. Видимо, эта запредельная доселе незнакомая злость и придала мне так недостающие ловкость и силу. А может, то просто сработал эффект неожиданности. Так или иначе, а палку я метнула. Да ещё так, что она наподобие кегли безо всякого труда сбила с ног опешившего от подобного поворота мужчину.

Но то, что я так легкомысленно списала на случайное везение, оказалось кое-чем гораздо более существенным...

Наблюдающий за сим эпичным цирком Рэтборн с шумом вскочил на ноги так резко, что опрокинул своё кресло. Признаться, возникший от падения мебели грохот напугал меня гораздо больше, чем медленно поднимающийся с пола, злющий, как легион демонов, Ланзо.

Вот тут я, конечно, просчиталась. Хотя, откуда мне было знать, что свалив с ног главу Генмортиса столь играючи, я нанесла ему смертельное оскорбление? Зато, об этом знал Лорд-экспедитор, который, перемахнув через балконное ограждение и приземлившись с высоты метров четырех, не меньше, на полированный паркет тренировочного павильона, вдруг поспешил загородить меня от собственного брата. Сказать, что я удивилась, значит не сказать ничего!

— Отойди, — каким-то инфернально жутким голосом прогремел Ланзорно. — Я размажу её по стенке и мы все наконец-то избавимся от необходимости участвовать в этом бессмысленном фарсе.

— Твоя неприязнь застит тебе глаза, — не сдвинувшись и на миллиметр, почти скучая, ответил Рэт. — Если бы ты оставил свои попытки прикончить Аду под предлогом обучения, то заметил, что с ног тебя свалила не случайность, а магия. Темная и, подозреваю, неприлично сильная...

Что бы стали делать вы, если бы один здоровенный злобный мужик попер на вас с целью прикончить, а второй, не менее впечатляющий по комплекции, загородил собой? Оторопели от ужаса? Заорали и прижались покрепче к широченной спине своего спасителя? В равной степени мне хотелось сделать и то, и другое, но отчего-то вместо этого я очень увлеклась разглядыванием крепкой мужской задницы и сильных, наполовину оголенных закатанными рукавами предплечий.

В крови бурлила какая-то лихая пьянящая сила. Всё вокруг казалось столь же пугающим, сколь и забавным. А ещё, кажется, впервые за очень долго время в теле стало пробуждаться нечто весьма похожее на влечение. И кто бы мог подумать, к кому!

Я потрясла головой, отгоняя бредовые мысли и развеивая неуместные чувства. Однако,

как ни крути, но некоторое послабление по шкале отборных мерзавцев старший сын ундера сегодня таки получил. Какими бы ни были его мотивы, но прыгнуть с такой высоты дабы успеть предотвратить моё смертоубийство — поступок, заслуживающий плюсика в карму. Жирного такого плюсика, нарисованного лично моей дрожащей рукой.

Не слишком прислушиваясь к яростной перепалке братьев, я исполнила свою фантазию и, приблизившись, обхватила Рэта за руки, прижавшись лбом к напряженному плечу. От подобной вольности Уркайский едва ощутимо вздрогнул и напрягся ещё сильнее. Он искоса посмотрел на меня, однако не отстранился.

Вдруг слова о проявившейся неприлично сильной магии стали проникать в разум. Я как-то резко осознала, что немного опьянела. Что чувствую себя едва ли не всемогущей и совсем не узнаю. словно внутри меня поселился кто-то с отдельным, весьма безрассудным и кровожадным разумом, кому доставляет удовольствие провоцировать и уничтожать.

— Магия? Да ещё и с отрицательным потенциалом?! У кого? У женщины?! — Ланзс сплюнул на паркет кровавую слюну и засмеялся тихим жутким смехом.

Неужели это я так его приложила?

— Ты — полностью раскрытая темная пятерка. Как думаешь, много в Андалоре магов такого уровня? А сколько из них смогло бы тебя уложить? Ты всерьез считаешь, что кому-то могло так повезти свалить тебя в тренировочном поединке просто по случайности?

Чем больше Рэтборн говорил, тем спокойнее делался Ланзо. Как будто дикого норовистого мустанга умело умирять опытный коневод. Становилось понятным, что у главного в стране силовика проблемы с управлением гневом. В отличие от Рэта, чей разум отличался пугающе холодным рациональным мышлением.

— Если ты прав и в наш дом непонятно каким ветром занесло единственную во всем мире женщину-мага... — Ланзо издевательски заржал, — то я прощу ей это оскорбление.

— И в чем смысл? — не удержавшись под воздействием своей новой темной половины, выкрикнула я из-за спины Лорда-эспедитора.

— А смысл в том, бестолковая шавка, что пропустить удар от равного совсем не зорно.

— Ещё раз назовешь меня шавкой и я закреплю свой успех! — совсем теряя чувство самосохранения, как безмозглый бойцовский петух, заявила я.

Ланзорно, удивительное дело, вместо того, чтобы разозлиться пуще прежнего, лишь ещё сильнее развеселился. Он запрокинул голову и так упоительно заржал, что по павильону загуляло эхо его хохота.

— Чего это он так разошелся? — почти шепотом спросила я Рэтборна.

Ответить мне не соизволили и в демонстративном раздражении повели плечом, явственно давая понять — довольно цепляться. Я понятливо разжала руку и отошла на пару шагов в сторону.

— Значит, я маг? — Подобную ересь даже произносить было трудно.

Особенно если учесть обещанный характер проявившийся магии. Ещё понимаю, если бы я вдруг стала рассыпать вокруг себя золотистую пыльцу и превращать Золушек в принцесс, всё же это как-то монтировалось с моими земными талантами. Но вот откуда вдруг взялась эта жажда бить-крушить и лезть на рожон? Оставалось загадкой. Воистину, нарисованный господином фатумом пердимонкль потрясал воображение.

— Маг.

Рэт выплюнул ответ словно подачку. Он так и не посмотрел на меня, задумчиво пялясь в

сторону высокой, застекленной квадратными секциями стены, сквозь которую тренировочный павильон заливал яркий солнечный свет.

— Темный? — продолжала допытываться я.

— Не меньше пятого уровня по шкале отрицательного потенциала.

— Где-то можно об этом почитать?

Перестав хохотать, Ланзо закрепил ро на специальный держатель, установленный в одном из дальних углов помещения, и, не прощаясь, удалился. Едва успев начаться, тренировка, по всем приметам, закончилась. Последнее, без сомнений, являлось отличной новостью и не могло не радовать.

Как-то вдруг мы с Рэтом остались в павильоне совсем одни. Я, как приклеенная, смотрела на чеканный породистый профиль, упрямо ожидая ответа на свой вопрос. Наконец Рэтборн отмер и соизволил на меня посмотреть.

— О классификации магических потенциалов я расскажу тебе сам. Через пару дней. А пока — садись на диету. Ты слишком грузная и неповоротливая. Сильной магии нужно сильное тело. А твоё... — Он окатил меня брезгливостью, точно плеснул прямо в лицо ведро помоев. — Никуда не годится.

Стерпеть такое я не могла. Поэтому назло всем садистам, тиранам и самодурам этого мира буквально каждую ночь с превеликим наслаждением и злорадством заправлялась восхитительными пирожными моего закадычного друга Герарда.

4. Маленький призрак

глава четвертая

МАЛЕНЬКИЙ ПРИЗРАК

*Если из всех инструментов у тебя есть только молоток,
то в каждой проблеме ты увидишь гвоздь».*

Марк Твен

Удивительное дело, но к концу своего первого месяца на Притэйе, несмотря на регулярные ночные пиры, я всё же похудела. Не столь существенно, чтобы утратить незелегантную пухлость, но достаточно, чтобы окружающие это заметили.

С одной стороны, я безусловно радовалась данному обстоятельству. Ещё бы! По сути, сбылась мечта каждой страдающей от приступов зверского аппетита и изрядного лишнего веса девушки — есть и при этом становиться стройной. Но с другой стороны, одна мысль о том, что Рэтборн сочтет это событие исполнением его унижительного приказа, несколько омрачала мою нечаянную радость.

Впрочем, феномен внезапного похудения поражал всё же больше, чем самодовольная рожа главы Тайного Приказа. Я настолько сильно озадачилась, что еле дождалась очередной трапезы с дядюшкой Цвейгом, дабы не вызывая лишних подозрений, обо всем его подробно расспросить.

Как оказалось, ответ лежал на поверхности. Пробудившаяся магия сжигала калории не хуже многочасовых тренировок. Вот только спешить умиляться данному обстоятельству не стоило. В идеале функционирование физической и магической составляющей в организме человека должно было протекать взаимосвязанно, но в то же время как бы параллельно. При больших магических затратах, когда резерв — здесь его называли *аккумуляциор* — пустел, для восстановления зачастую использовались физические силы собственного организма. Однако, подобное грозило самым настоящим истощением.

Поэтому юных магов сызмальства учили особому виду медитации, которая

впоследствии помогала им лучше чувствовать собственную магию и не завязывать её на жизненных ресурсах организма.

Нередко при проявлении сильных способностей, или после их неоправданно расточительного применения у мага наступал откат — магическое опьянение. Его-то мне и посчастливилось пережить после того, как главный головорез семейства узнал на собственном опыте, насколько тяжелой может быть рука обиженной женщины. Гасить же подобное состояние можно было несколькими способами — уже упомянутой медитативной практикой, какой-нибудь нехитрой физкультурой, или же кое-чем гораздо более приятным... Словом, неслучайно моё доселе спавшее вечным сном либидо пробудилось именно в тот накаленный момент.

Произошедшее в тренировочном павильоне что-то переломило в наших отношениях с Рэтом. Совершенно иррациональным образом вдруг куда-то делся мой неизменный страх перед ним. Возможно, причина крылась в том, что я просто наконец стала привыкать к поразительным странностям своей новой жизни. А быть может, Лорд и в самом деле вдруг отчего-то ко мне потеплел, перестав безмолвно излучать подспудное желание поскорее разделаться с подозрительной самозванкой.

И что уж совсем удивительно, но потепление наметилось и в наших до того откровенно враждебных отношениях с Ланзо. Будучи большим ценителем черного юмора, он вдруг решил назначить меня на роль своего любимого ходячего анекдота. Теперь наши совместные занятия по фехтованию проходили более менее гуманно. По крайней мере, потея на отработке стойки или выпада, я больше не опасалась отойти в мир иной раньше времени.

В остальном, жизнь моя приобрела некое подобие причудливой рутины. Изредка её разбавляли лекции Лорда-конструктора, который пару раз в неделю покидал свои лаборатории при столичном Механическом Приказе, дабы выполнить пожелание своего отца и обучить меня азам набирающей всё большую популярность науки.

Информацией Волкер делился интересной, но на мой познавательный энтузиазм отвечал полнейшим равнодушием. Он словно витал в совсем иных, недоступных для таких, как я, измерениях и всё его аскетичное, строго упорядоченное существование было посвящено одной-единственной высшей цели. Одним словом, безумный гений во плоти, как заключительный яркий штрих на полотне семейного портрета.

По крайней мере, так думала я, считая Волкера самым младшим членом рода Уркайских.

Черная, лакированная до зеркального глянца карета, запряженная парой самых обыкновенных лошадей, как-то под вечер въехала на территорию особняка. Она миновала центральную ведущую к парадному крыльцу аллею, объехала здание по аккуратной дуге и по широкой засыпанной песчаным гравием дорожке укатила куда-то вглубь обширного сада...

До сего момента я даже и не подозревала, что в прилегающий к дому на заднем дворе сад можно въехать целой карете и даже в нём затеряться. По крайней мере, спустя пару минут после появления данного транспортного средства на территории особняка, о его присутствии свидетельствовал лишь след от лошадиных копыт, да каретных колес на дорожке.

Отчего-то раньше я никогда не задумывалась, насколько далеко растянулась принадлежащая ундеру земля. Я понимала, что особняк является частью столичной

территории, где каждая пядь стоила баснословных денег, и мне казалось невозможным иметь во владении пространство, сопоставимое по размерам с каким-нибудь загородным поместьем. Но, как оказалось, ундер Уркайский был не просто богат, а богат неприлично, что, помноженное на укрепляемые десятилетиями власть и влияние, позволяло ему вести образ жизни весьма выбивающийся из общепринятого уклада. Поэтому так называемый сад больше походил на протяженный дворцовый парк, лишь видимая часть которого была облагорожена согласно принятой при дворе моде на всё симметричное и подстриженное словно по линейке. А вот его дальняя и заброшенная оконечность скорее напоминала довольно дремучий лиственный лес и могла похвастаться небольшим живописным прудиком с семейством желтых водяных лилий, которые я однажды обнаружила как раз в момент их цветения. Впрочем, обнаружил я не только их...

То памятное появление странной черной кареты ознаменовалось происшествием, которое на несколько дней совершенно лишило меня сна и изрядно напугало. В ту же ночь, после того как перед моим удивленным взором пронесся и скрылся за деревьями почти мистический образ чёрных-чёрных коней и чёрной-пречёрной кареты, я впервые услышала этот плач.

Разделавшись с подносом миниатюрных снеговиков из заварного теста и отгородившись от мира плотным бархатным балдахинном, я улеглась на просторной кровати с целью наконец-то сладко поспать. На полный желудок мне всегда засыпалось легче, чтобы там ни утверждали диетологи и многочисленные специалисты по ЗОЖ. Вот и в этот раз, едва голова коснулась подушки, как веки отяжелели и дремота накрыла вязким сумраком.

Сначала мне почудилось, что над ухом стонет какой-то аномально наглый и голосистый комар. Всё ещё скованная крепким сном, я попыталась отмахнуться от него рукой, но никаких перемен это действие не принесло. Стон становился громче и переливался на разные тона. Он впивался мне в подкорку, пронзал грудь и пробуждал настолько острую тревогу и потребность куда-то бежать, что в итоге я проснулась с колотящимся где-то в горле сердцем, в приступе самой настоящей панической атаки.

По счастью, при пробуждении всё исчезло и, кое-как придя в себя, остаток ночи я провела в коконе из одеяла на посту в кресле, пристроив его возле незашторенного окна.

На следующую ночь история повторилась. Только теперь стон звучал ещё отчетливее и горше. Он то тянулся на одной протяжной жалобной ноте, то разбивался на прерывистые всхлипы. В конце концов я поняла, что этот назойливый проклятый комар, похоже, плачет. Причем плач его настолько пропитан болью, растерянностью и одиночеством, что какая-то глубоко спрятанная поломанная часть меня в ответ на это неизбежное страдание начинает биться то ли в защитной ярости, то ли в агонии.

Проснувшись в очередной раз, я схватилась за голову. Чудилось, что от пережитого ужаса волосы на моей бедной черепушке буквально стоят дыбом. Снова скатившись с кровати, я кое-как влезла в халат и вышла в темный коридор. Отголоски непонятого звукового феномена словно застряли в ушах, и где-то на периферии сознания всё ещё звучали медленно затихающим эхом.

Движимая инстинктом, я побрела на звук. В какие-то моменты он словно становился громче, побуждая меня ускориться, затем утихал. Я словно впала в транс, намотав по темным этажам особняка, должно быть, не один километр. В конце концов, рассвет прогнал моего неуловимого призрака и я, вконец изможденная, вернулась в свою комнату.

Следующая ночь наступила пугающе быстро. Ощущение чужого присутствия,

подавляющего тоской и чувством беспросветного уныния, становилось всё сильнее. Пустая кровать, где мне предстояло провести очередную мучительную ночь, начинала восприниматься как этаким здоровенный инструмент для пыток. Я опасливо покосилась на неё, отчетливо понимая, что если так пойдет и дальше, то, похоже, придется всерьез озадачиться наличием любовника. Отчего-то мне казалось, что в присутствии мужчины никакой призрачный плач посещать мои сны не будет.

Эта идея показалась настолько простой и спасительной, что я всерьез задумалась над её реализацией.

Но пока, в силу невозможности достать любовника немедленно на манер кролика из шляпы, я решила ещё раз попытать счастья и таки устроилась на мягкой перине, с наслаждением прикрыв покрасневшие от постоянного недосыпа глаза. И сначала дело вроде бы даже пошло на лад. Сон сморил меня быстро. Я наконец расслабила напряженное тело, незаметно для себя отпуская разум бродить по бескрайнему царству Морфея. Однако, длилось сие счастье недолго.

— Да что ж ты ко мне привязался-то?! — вскочила с бешено грохочущим где-то в горле сердцем.

Возникало такое чувство, что кто-то намеренно решил свести меня с ума. Снова замотавшись в одеяло, злющая и усталая, я выскочила из комнаты и двинулась вглубь по коридору. До двери из красного дерева, украшенной резным медальоном с изображением какой-то на редкость уродливой зубастой птицы, я долетела, как ведьма на помеле. Стремительная и лохматая.

— Очень смешно. Ха-ха-ха, — зная, вход в чью комнату эта «красотка» охраняет, отреагировала я на зашифрованное в изображении послание.

В дверь стучала, не деликатничая, так как в глубине души сильно опасалась, что могу так и остаться у порога. Больше всего на свете я сейчас боялась, что мне просто не откроют и я в который уже раз останусь один на один со своей бедой.

К виду обнаженного, умопомрачительного торса я оказалась не готова от слова совсем. На мгновение, в голове пьяной белкой заскакал вопрос: «А почему я не пришла сюда раньше?». То, что старший Уркайский чертовски хорошо сложен, новостью для меня не было. Но чтобы настолько! Я мысленно облизнулась. Ой, или не мысленно.

— Что случилось? — задало это воплощение влажных женских фантазий вполне человеческий вопрос.

Честно говоря, после моего шумного и явно несвоевременного появления я ожидала реакцию в стиле «Пошла вон, презренная!». Однако, полуголый Садист Рэтборн в низко сидящих на узких бедрах черных пижамных штанах вел себя на удивление нормально. Чем сбивал с толку и ещё больше лишал дара речи.

— Ты пришла сюда далеко за полночь, чтобы попятиться?

— Слава Богу! — всплеснув руками, воскликнула я. — Это ты! А то я испугалась, что ты умер, а твое тело занял дух какого-то незнакомца.

Рэт выгнул удивительно черную по сравнению с темно-русой шевелюрой бровь. Серые, с сизыватым отливом глаза странно замерцали. Словно его позабавила моя реакция.

— Говори, что хотела, и убирайся, — вновь демонстрируя, что он — это он, поторопил Лорд.

— Я сейчас заплачу. Как хорошо, что в мире есть хоть что-то неизменное.

— Ты испытываешь моё терпение, Реджи.

Реджи он меня называл, только когда я раздражала его особенно сильно. Ну и ещё при отце, поддерживая игру в «племянника».

— Ладно. — Я выдохнула, понимая что терпение главы Тайного Приказа и вправду испытывать не стоит. — Понимаешь... Ой! — испуганно прикрыла рот ладонью.

До меня вдруг дошло, что я самопроизвольно перешла с Рэтборном на «ты».

Что самое поразительное, он не то что не придушил меня за это на месте, но даже не одернул. Отчего-то подобное открытие жаром разлилось по телу и, наверное впервые за свою взрослую жизнь, я покраснела отчаянно, совсем как юная наивная девчонка.

— Продолжай. — Голос Уркайского звучал привычно невозмутимо.

Он отпустил дверь, оставив проем достаточно широким, дабы было удобно видеть друг друга, и вальяжно сложил красивые жилистые руки на мощной груди.

— Уже которую ночь подряд меня преследует то ли писк, то ли плач. Я совсем не могу спать. Я не понимаю, что происходит. Вдруг это какое-то проклятие вашего сумасшедшего дома? Я устала. Мне страшно. Можно, я переночую с тобой?

Поток почти бессвязной, пропитанной паникой и усталостью речи буквально выплеснулся из меня. Однако последней просьбе я всё же была удивлена так же, как и Лорд. Если не больше. Получилось что-то в стиле: «Мы так хотим пить, что переночевать негде». Было боязно даже предположить, какая реакция последует за подобной выходкой.

Секунд тридцать, которые ушли у Рэтборна на принятие решения, тянулись медленно, словно подзаветренная сгущенка. Я молча стояла, босая, на холодных полированных плитах пола, в коконе из зачем-то прихваченного с собой одеяла и ждала.

Одно небрежное движение руки и дверь распахнулась шире. Рэт развернулся и ушёл куда-то вглубь комнаты. Не слишком любезное приглашение войти, но и на такое я не рассчитывала.

Медленными шажками, походкой кроткой гейши, ноги сами внесли меня в спальню Лорда.

Логово самого грозного и влиятельного из всей пятерки братьев Уркайских оказалось на удивление небольшим и, несмотря на некоторую общую угрюмость, уютным. В интерьере преобладали в основном темные тона, вызывая ассоциации с некой тайной пещерой, задекорированной дорогим текстилем, и спрятанной в недрах какой-нибудь зачарованной скалы.

Я с любопытством завертела головой, ловя себя на мысли, что во многом такому восприятию способствовал потолок, неожиданно каменный и серый.

Сама спальня, выражаясь современным языком, была выполнена в открытой планировке и визуально делилась на две части — зону отдыха и, собственно, место для сна.

Зона отдыха начиналась прямо от порога и могла похвастаться двумя низкими длинными диванчиками, стоящими друг напротив друга вблизи небольшого мраморного камина, в котором сейчас умиротворяюще потрескивало голубовато-зеленое магическое пламя.

Между диванчиками стоял традиционный лакированный столик из красного дерева, сверху хрустальный кувшин и такие же бокалы. На узкой каминной полке возвышалась батарея массивных бронзовых канделябров. Стены, обитые деревянными панелями и черно-коричневым шёлком, были девственно пусты. Никаких наряженных в золоченые рамы

зеркал, гравюр или картин. Даже люстра под потолком на двадцать маг-свечей выглядела просто и вполне могла освещать какую-нибудь затрапезную таверну. Черные кованые дуги металла смотрелись практично и непритязательно.

Чуть поодаль у одного из двух окон стоял солидный, не лишенный индустриального шика секретер. По каким-то незначительным признакам было заметно, что им часто пользуются. Вдоль другого окна тянулся узкий длинный стол, на котором высились разномастные стопки книг и скрученных в рулоны бумаг. Сразу становилось понятно, что глава Тайного Приказа — один из тех классических трудоголиков, кто привык брать работу на дом. Учитывая крайне отталкивающий характер его профессиональной деятельности, не слишком-то здоровая привычка.

Как я узнала из сплетен на кухне, столь высокую в королевстве должность Рэтборн занимал уже без малого лет десять. В его обязанностях числились вопросы внешней разведки и внутреннего политического сыска. Если говорить по-простому, то он безостановочно варился в бульоне из шпионских диверсий, потенциальных терактов и заговоров всевозможных мастей. При таком образе жизни параноиком с замашками садиста быстро стал бы и вполне себе нормальный человек. Впрочем, до нормальности всем мужчинам рода Уркайских всё же было очень далеко.

Наконец, в дальнем от входа углу, за высокой плетеной ширмой располагалась кровать. Вполне себе обычная. С высокой прямоугольной спинкой, туго чем-то набитой и обтянутой коньячного цвета кожей. Никаких резных столбиков или настенных конструкций с ярусами ткани, которые в особняке было принято лепить практически над любым спальным местом, а то и просто так, в комнате Рэта ни оказалось. Похоже, наличие гигантского пылесборника над головой его не прельщало. В этом мы с ним сходились. Иногда, в особенно тяжелые маятные ночи я даже начинала видеть кошмар, в котором бесконечные метры балдахина вдруг падали на спящую меня, побуждая отчаянно барахтаться, пытаясь скорее вырваться из этого тряпичного плена.

Видимо, не зря в своей прежней жизни я предпочитала светлые стены, простую белую мебель, крупные зеленые растения и природные материалы в декоре. Ничего тяжеловесного и монументального. Просторный, наполненный воздухом и светом интерьер. Полная противоположность того, что встретило меня на новом месте жительства в Андолоре. Привыкнуть к такой перемене было сложно. Иногда мне казалось, что высокие мрачные стены оживают и начинают медленно сдвигаться, намеренные во что бы то ни стало превратить меня в этакий сдобный блинчик.

Хронические приступы клаустрофобии я не заработала лишь чудом. Адаптация к новым реалиям не была легкой, хотя, возможно, кто то бы и сказал, что мне повезло не оказаться на улице или не попасть в какое-нибудь место похуже. Наверное, осознание этого и помогло мне в конце концов привыкнуть в том числе и к угнетающей мрачной обстановке особняка.

И вот, когда жизнь, казалось бы, наконец хотя бы немного наладилась, я освоилась и даже обрела друзей, всё достигнутое грозил разрушить этот вынимающий душу невыносимый плач!

— Это что, молоко? — спросила я после того, как, должно быть с минуту, таращилась на столик с кувшином.

Последний был наполнен какой-то подозрительно знакомой на вид белой жидкостью. Увидь я такое на кухне, ни секунды бы не сомневалась что передо мной. Но заподозрить здорового brutального мужика, носящего среди своих врагов прозвище Палач, в том, что

он балуется перед снов парным молочком... я так сходила как-то не решалась.

— Молоко, — совершенно будничным тоном подтвердил Рэт.

— А-а-а? — несколько растерялась я и, дабы как-то выкрутиться, попросила: — Можно и мне тогда стаканчик?

Не соизволив мне ответить, Рэтборн молча подошел к своей кровати. Поднял лежащую на ней раскрытую книгу и отложил в сторону на прикрытую ширмой прикроватную тумбу. Затем не спеша улегся, накрывшись одеялом по пояс.

Я шумно сглотнула, ошеломленная видом красивого полугололого мужчины, видимо, ожидающего меня в постели.

— Наверное, я лучше тут на диванчике прилягу, — мысленно отвечивая себе подзатыльники за глупость, неуверенно протянула и снова отчаянно покраснела.

Боже, да когда же это закончится? Что я, в конце концов, невинная институтка?! Но мой организм упорно игнорировал здравый смысл и десятилетие активной сексуальной жизни, продолжая реагировать на Рэтборна так, словно только сейчас достиг половой зрелости и впервые увидел пышущего тестостероном самца.

Вместо ответа в меня прилетела подушка, наряженная в шелковую жемчужно-серую наволочку. Ненавижу шелковое постельное бельё. Не знаю, какой ненормальный эстет решил, что это здорово. Лично я на нем всегда мерзла, подспудно сражаясь с ощущением, будто куда-то сползаю. Вот только привередничать время было не самое подходящее — хлопковых египетских простыней мне тут точно никто не предложит. Хорошо уже, что не гонят взащей.

Кое-как устроившись на ночлег, я задремала.

На этот раз для разнообразия чей-то жалобный мистический плач разбудил уже не меня, а Лорда. Впрочем назвать его мистическим, пожалуй, сильно себе польстить. Потому как во сне умудрилась разреветься я сама. Нет, мне всё так же слышалось чьё-то тоненькое, исполненное тоски и одиночества подвывание, однако, в этот раз я так прониклась услышанным, что непроизвольно начала подвывать ему в такт. Чем, похоже, нарушила сон своего соседа по ночевке.

— Хватить скулить, это невыносимо. — Он тряс меня за плечо, весьма грубо вырывая из тяжелого муторного сна.

— Прости, — вытирая текущие по щекам слезы, извинилась я и, подумав добавила, — те.

Потом махнула рукой, какие уж тут церемонии.

— Я что — плакала?

— Как призрачная вестница смерти Урша.

— Звучит как-то не очень.

— Не могу не согласиться.

— Почему ты со мной возишься?

Вопрос сам собой сорвался с языка, и я затаила дыхание, с трепетом ожидая ответа.

— А почему ты пришла сегодня ко мне?

Я вдруг задумалась. И в самом деле, почему? Ведь выбор у меня был. Ланзо я теперь вроде как нравилась. Каспар с самого начала не скрывал своего желания нырнуть в мое деколье поглубже. Хэйден вообще был самым человечным из всех и точно бы не отказал мне в приюте. Даже сумасшедший ундер не оставил бы своего любимчика, сиротку Рэджи на произвол судьбы. Лишь к пугающему меня до каких-то суеверных мурашек Волкеру я бы ни

за какие коврижки не сунулась просить о помощи.

На самом деле, выбрать в качестве пугала для своего кошмара старшего из братьев, с точки зрения логики и здравого смысла, было самым неочевидным, если не сказать странным решением. И тем не менее, я практически на автопилоте заявила на порог именно его комнаты.

— Может, у меня Стокгольмский синдром? — наконец озвучила первое более-менее подходящее под ситуацию пояснение.

Глава Тайного Приказа лишь слегка выгнул бровь, давая понять, что не знаком с диагнозами иномирной психиатрии.

— Ну, видимо, у меня сформировалась нездоровая привязанность к моему мучителю. Так психика защищает себя от чрезмерных страданий.

— Значит, я заставляю тебя страдать? — голосом мудрого Каа из советского мультика про Маугли уточнил Рэтборн.

Я хмыкнула.

— А может, ты просто несколько растерял свой ужасающий ореол бесчувственного мерзавца, когда защитил от Ланзо.

— Мой поступок был продиктован исключительно расчетом. Ты слишком уникальный и, не скрою, интригующий экземпляр.

— Взаимно, — решив не обижаться то ли на комплимент, то ли на очередное принижение моей упитанной персоны, парировала я.

— Так что тебе приснилось на этот раз? — решил вернуться к предыдущей теме Лорд.

— Снова кто-то плакал, да так горестно, что я, видимо, присоединилась.

— И что же, давно с тобой такое?

— Да уже ночей пять нормально поспать не могу. Дошла до такого отчаянья, что, как видишь, решила попроситься к тебе на постой. Вдруг присутствие другого человека, к тому же, сильного мага это прекратит.

— Допустим прекратит, а на другой день возобновится, что же ты, собираешься ночевать со мной в одной спальне и дальше?

И опять мои щеки налились жаром, вынуждая признаться:

— Так далеко я не загадывала. Да и идти сюда не собиралась. Однако же вот, пришла. Не иначе подсознание шалит... — палец многозначительно постучал по виску.

— Тогда вставай, — напугав перспективой изгнания, вдруг скомандовал Рэт.

— Зачем?

— Для чистоты эксперимента тебе всё же лучше лечь спать поближе.

— На кровать?

Воистину, сейчас, ведя этот нелепый разговор я чувствовала себя туповатым загипнотизированным бандерлогом.

— На кровать, — подтвердил Лорд и даже любезно донес до неё мою подушку-путешественницу.

Он погасил одним пасом руки магические свечи в люстре, и под потрескивание inferнального пламени в камине мы молча улеглись спать. Снова. Вправду, в этот раз уже все-таки в одной постели.

Сон, как назло, не шел. Где-то в глубине солнечного сплетения медленно разгоралась, уплотняясь и наливаясь тяжестью, странная настойчивая потребность. Беспokoйно заёрзав, я

постаралась прислушаться к себе, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. Когда-то подобное я уже испытывала. Но вот когда? Перед мысленным взором тут же всплыла картинка моих спровоцированных вином истины видений. Момент, когда руки словно бы сами собой потянулись к Рэтборну в неодолимой жажде прикосновений. Словно мы были два магнита, силой своих полей обреченные сталкиваться друг с другом снова и снова.

Я наконец-то призналась себе, что уже довольно давно не могу находиться вблизи Лорда без навязчивой мысли хоть как-то его потрогать. Этому не находилось ни одного здравого, рационального объяснения и откровенно пугало. Может, безумие заразно и я тоже потихоньку обзавожусь коллекцией собственных бзиков? И всё бы ничего, да вот только необходимость прикоснуться к лежащему рядом мужчине с каждой минутой становилась всё сильнее. Испугавшись, что ситуация выйдет из-под контроля и я просто вцеплюсь в первую попавшуюся под руку часть тела Уркайского, шепотом позвала:

— Лорд Рэдборн.

И тут же поняла, как нелепо в уютной приватности темной спальни прозвучало это официально обращение.

— Да, Реджинальд, — помариновав ожиданием, немного погодя отозвался Рэт.

Причем, переход на «Реджи» красноречиво намекал, что невиданный аттракцион великодуший на сегодня явно подходит к концу.

— Похоже, у меня новая проблема.

— Скажи, Реджи, ты высиживаешь их, как курица яйца?

— Мне очень неловко об этом говорить... — не позволяя себя отвлечь или окончательно смутить, продолжила я, — но... можно я возьму вас за руку?

Над кроватью повисла практически осязаемая тишина. Потребность моя нарастала, и я уже просто вцепилась в одеяло, упрямивая себя не делать глупостей.

Широкая прохладная ладонь накрыла мой стиснутый кулак с зажатым в нем клочком пододеяльника. Будто маленькие жужжащие разряды шаровых молний заскользили под кожей от места нашего соприкосновения. Сразу стало легче и дышать, и мыслить. В голове прояснилось, посылая по телу эндорфины невесомости.

Я широко зевнула, чувствуя, как успокаиваюсь и буквально проваливаюсь в сон, не успев расспросить о самом важном. Здесь явно замешана магия — было последнее, о чем я успела подумать, прежде чем отключиться.

Этот сон, вроде бы, был как все, но всё же какой-то другой.

— Где мама?! — бойко и требовательно спрашивал у невысокого лысеющего господина светловолосый мальчик лет пяти с необычайно серьезными сизовато-серыми глазами.

Они находились в детской, богато, но как-то бездушно обставленной. Всё, в основном, полки с книгами, учительский стол и пара парт. Из игрушек — только деревянная лошадка и десяток солдатиков. В углу ведро с прутьями. На черной меловой доске какие-то надписи с датами и дерзко пририсованный с краю маленький парусный кораблик.

— Я отвечу тебе только один раз и только потому, что ты мой сын. Любого другого щенка, посмевшего разговаривать со мной в таком тоне, я бы приказал утопить. Тебе ясно?

На приятном, до крайности взволнованном лице ребенка проступил испуг, но малыш крепился, не позволяя себе ни плакать, ни отступить.

— Молодец. Смотрю, прошлый урок ты усвоил хорошо и порка научила тебя не распускать нюни. Твоя мать теперь будет жить при монастыре. Состояние её здоровья

больше не позволяет ей исполнять свой долг передо мной. Поэтому скоро у тебя будет новая матушка. А об этой забудь. Знай, сын, женщин может и должно быть много. Это полезно и правильно для мужчины, обличенного властью, но все они ничто — заготовка человека, так никогда и не способная наполниться истинной силой! Буквально каждая из них лжива, немощна и порочна. Им нельзя доверять и глупо привязываться. Запомни — ни одна из них не должна влиять на твои решения и отвлекать от высокой цели. Так какова твоя цель? — вдруг тоном строго экзаменатора спросил мужчина.

— Верно служить короне, — не задумываясь, словно на автомате, отрапортовал малыш, хотя было видно, как перехватывает его дыхание от ужаса внезапно осознанной потери.

— Где моя мама? — вновь задал вопрос тонкий детский голосок, и я было подумала, что мой сон закольцевался, как иногда бывает, если мозг истощен постоянным напряжением.

Но последовавший вслед за вопросом ответ и будто выплывшая из тумана картинка показали, что сюжет и действующие лица всё же сменились.

— У тебя нет мамы, — полным желчи и неприкрытого злорадства голосом заявила сухая, длинная, как жердь старуха с сальной кичкой на макушке.

— А папа? — не отставал малыш, тоже мальчик только с такими чудесными белокурыми волосами, что они практически искрились серебром в лучах солнечного света.

Ребёнок стоял у арочного окна, обрамленного грязными кружевными занавесками. Худой до синевы, с запавшими печальными глазами и ссадиной на скуле.

— Отца у тебя тоже нет. Ты — зловонная отрыжка болотного жмяка. Он тебе и папка, и мамка, — видимо, очень довольная собой, старуха разразилась громким каркающим смехом.

— Запомнил? Повтори! — вдруг потребовала она.

Вжав голову в плечи, мальчик молчал.

— Повтори, я сказала! — вцепившись в нежное детское ухо и потянув его вверх, злобно прошипела ведьма.

— Зловонная отрыжка болотного жмяка, — послушно пропищал ребёнок, обливаясь слезами.

Этот писк... Он иглой вонзился в мой мозг, и я открыла глаза, с несказанным облегчением выныривая из самого жуткого в моей жизни кошмара.

Судя по полоске света, что проникал в спальню через зазор в портьерах, на дворе стоял день. Я повернула голову, но ожидаемо наткнулась на пустоту, и лишь вмятина на соседней подушке свидетельствовала о том, что эту ночь я и в самом деле провела в одной постели с Лордом.

Отчего он меня не разбудил и в нарушение собственного приказа позволил пропустить урок? Неужели проявил милосердие и, памятуя о недавней бессоннице, позволил банально выспаться? В любом случае разлёживаться в чужой кровати дальше не стоило. И так было не очень понятно, как после произошедшего станут выстраиваться наши с Рэтом отношения.

В голове снова бешеной чехардой заскакали стайки вопросов, которые я очень сильно возжелала ему задать. Особенно волновала тема прикосновений. К тому же, сон... Я отчетливо помнила все его детали, поэтому не составило труда узнать в одном из детей самого Рэта, а в невысоком мужчине, убежденно вещающем о никчемной природе каждой женщины, его отца — ундера Уркайского.

Таким непростительно жестоким и вызывающим отвращение я дядюшку Цвейга видела впервые. Определенно, теперешним сумасшедшим он нравился мне гораздо больше. Как можно столь цинично и бесчувственно обращаться с собственным ребенком? Сердце болезненно сжалось. Ничего удивительного, что несмотря на все привилегии и роскошь, стены этого огромного дома едва ли не чернели от пропитывающего их всеобщего несчастья.

Вновь замотавшись в одеяло, дабы не светить перед возможными свидетелями голыми ногами, вся погруженная в думы, я двинулась на выход. И всё же, что это было? «Кино» моего воспаленного подсознания, или очередные фокусы чужого мира? Вряд ли при всём богатстве своего воображения я могла бы породить столько примечательных деталей.

Чисто интуитивно я склонялась к мнению о том, что мне каким-то образом удалось подглядеть реальный эпизод из далекого детства Рэта. Но в таком случае, кто тогда тот второй мальчик?!

Если я надеялась вернуться в своё покинутое ранее гнездышко никем не замеченной, то мой план с треском провалился. Стоило только высунуть нос за порог чужой спальни, как дверь соседней комнаты распахнулась и я оказалась застигнута, считай, с поличным.

По выражению потрясения, застывшего на красивом породистом лица Хэйдена, сразу стало ясно — сюрприз для него неприятный. В глубине желтых глаз мелькнуло изрядно покоробившее меня то ли разочарование, то ли брезгливость. А скорее, всё вместе. Вдруг от мужчины повеяло таким обжигающим презрением, словно я продала родину. Причем сделала это за бесценок.

— Вот только не надо поспешных выводов, — не дожидаясь язвительных комментариев, первой подала голос.

Мириться с неозвученным, но совершенно точно вынесенным приговором, я не собиралась.

— Выводов? — делано удивился «принц».

— Именно. Мы не любовники. Меня привела сюда чрезвычайная ситуация, — хотелось сказать просто по-русски ЧП, но боюсь, на Притэе подобная аббревиатура в ходу не была.

Привалившись плечом к деревянному обналичнику, Хэйд изобразил заинтересованность. А то, что я так и осталась стоять на одну половину в коридоре, на другую — в спальне его брата, причем в скандальном виде и босая, его совершенно не смущало.

Я нахмурилась. Отчего-то в этом семействе очень любили ставить меня в щекотливые ситуации, а потом с любопытством наблюдать, как я из них выпутываюсь. Особенно поднаторел в сим виде «спорта» наш признанный красавчик, художник и поэт.

В большинстве случаев я на подобное даже и не думала обижаться, легко делая скидку на далекие от трепетных отношения между отцом и братьями. Жесткие, если не сказать жестокие пикировки — суровая обыденность особняка Уркайских. Пожалуй, можно даже сказать, что меня то они провоцировали скорее для вида. Без серьезного намеренья уколоть как можно больнее. В адрес же друг друга подобной лояльности никто не выказывал. Что откровенно удручало и, со временем, я стала пытаться эту ситуацию как-то изменить.

Хэиден данный порыв, по-моему, раскусил первым, после чего я часто стала замечать, как теплеют его хищные глаза каждый раз, едва мы с ним где-нибудь пересекаемся. А в общем-то он даже и не скрывал, что их новая приживалка ему симпатична. Я такое расположение ценила. И отвечала взаимностью. Поэтому произошедшую перемену

принимать не хотела и не могла.

— Да брось, Реджи, всё же так очевидно. Ты пошла легким путем и легла под моего братца, чтобы закрепиться в доме и получше устроиться, — отчего-то вдруг решив действовать прямолинейно, что для него вообще-то было совсем не свойственно, припечатал Хэйд. — Дальше что? Попросишь его об индивидуальных уроках?

— Нет, конечно! Точнее, не сразу, — возразила ему тоном записной соблазнительницы с изрядной порцией откровенного сарказма. — Для начала я продолжу своё победное шествие по койкам Уркайских. Представляешь, как хорошо я устроюсь в таком случае?!

Изобразив бурное предвкушение, я вытаращила глаза и якобы задохнулась от восторга.

— Сомневаюсь, — неожиданно оттаяв, ответил Хэйд. — Общая женщина — трудная для нашей семьи тема. В таком случае, устроишься ты тут совершенно точно преотвратно.

— В каком смысле, общая женщина — трудная тема? — я мгновенно заглотила крючок.

— Видела портрет в кабинете нашего Палача?

Я кивнула. Конечно видела, примечательное полотно.

— Как думаешь, кто на нём изображен?

— Неизвестная красавица? — просто потому, что нужно было что-то ответить, ляпнула первое попавшееся.

— Отчего же неизвестная? Очень даже известная. Её звали Карма. Она была моей невестой, но замуж вышла за Рэтборна.

Вот теперь я вытаращила глаза по-настоящему. Такая бомба, а я не при параде.

— У Рэта есть жена?! — сразу решила выяснить самое главное.

Не говоря о том, что подобная новость в свете прошедшей ночи очень неприятно била по нервам, так еще и банальное любопытство срочно желало знать, куда эта сама Карма подевалась? Или её подевали?

Подумать только — Карма! Вот это ирония. Насколько я успела узнать, подобного понятия в Андолоре не существовало, но зато сам принцип кармической расплаты, видимо, работал исправно. По крайней мере, я сильно подозревала, что подробности истории эту теорию подтвердят.

— Была, — голос Хэйдена прозвучал как-то уж чересчур сухо.

— Она умерла?

— Нет, — принц усмехнулся. — Рэт просто аннулировал брачное соглашение и выслал её из страны.

— А как же ты?

— А причем здесь я?

Я приподняла брови и, кажется, даже притопнула ногой. Посылая что-то вроде сигнала — не нужно морочить мне голову.

— Притом, что сначала это была твоя невеста. Она тебе нравилась?

Хотелось спросить прямо любил ли Карму Хэйд, но я решила не напирать. Следовало не вспугнуть этот поразительный приступ откровенности, особенно учитывая обстоятельства, время и место. И мои, черт возьми, уже порядком окоченевшие ноги!

— Нравилась? Пожалуй.

— Сильно?

— Весьма.

— Тогда как так вышло, что замужем она оказалась за Рэтом? И почему они развелись?

— Слишком много вопросов для прогуливающего уроки мальчишки, — внезапно ушел

от вопроса Хэйден.

От досады хотелось кусать локти, но, увы, поток откровений, судя по всему, на сегодня иссяк. Касательно темы Кармы — так точно.

— В таком случае, давай договоримся. Откровенность за откровенность и всё такое... — решила на всякий случай расставить точки над «і», прежде чем мы окончательно завершим этот разговор. — Близость с мужчиной у меня может стрястись только в двух случаях. Во-первых, по причине большой и сильной любви. Во-вторых, по не менее большой и сильно внезапной страсти. Я тебя не шокирую, нет?

Хэйден тихо рассмеялся и покачал головой.

— Так вот, — продолжила объяснять, — пока у нас с Лордом Рэтборном нет ни первого, ни второго. А пришла я к нему, потому что мне была нужна помощь. И надо отдать твоему брату должное, он мне действительно помог.

— Пока? — вычленив из всего сказанного одну-единственную деталь, переспросил Хэйд.

Я пожалала плечами. Хотела ещё развести в стороны руки, но тогда бы моё одеяло просто свалилось. Начинать же карьеру стриптизерши я в это утро никак не планировала.

Вот только моя пантомима в качестве ответа Хэйда не удовлетворила. Он всё больше хмурился и, устало вздохнув, я таки закрыла за собой дверь с ехидной птицей. Затем перехватила половчее одеяло, в которое куталась, и решительно двинулась в другой конец длинного коридора. Договорить можно и по пути.

— Не могу ничего тебе обещать, — оставляя принца за спиной, покаялась я. — Не люблю врать. Да и жизнь в последнее время преподносит сюрприз за сюрпризом.

Хэйден оторвался от стены и ожидаемо последовал за мной.

— Подпускать Рэта так близко — опрометчиво, — соизволил предостеречь принц. — Он не слишком-то добр к своим любовницам. Во всяком случае, не стоит рассчитывать, что пребывание в его постели как-то тебя защитит. Скорее уж наоборот.

— Не думаю, что мне есть о чем волноваться. — Я легкомысленно взмахнула рукой. — По-моему, я ему интересна исключительно как неопознанный магический объект.

«Почти что НЛО», — добавила про себя. Из-за спины донесся полный скепсиса смешок.

— Ты себя недооцениваешь, Реджи.

Трудно было не услышать звучащего в мужском голосе снисходительного самодовольства. Кое-кто, не нарушая традиции, отлично веселился за мой счет. Однако, едва я, достигнув своей комнаты, взялась за дверную ручку, желтоглазый тут же поспешил задать главный вопрос:

— Так что за помощь тебе вдруг срочно потребовалась посреди ночи?

Пришлось проявить вежливость и коротенько рассказать про навязчивый звуковой феномен, а заодно и про полный трагизма сон, который приснился под утро. Впрочем, большую часть подробностей я опустила. Отчего-то мне казалось, что доверить данную информацию Хэйду в обход Рэта — значит предать то зарождающееся доверие, которое сегодня ночью вдруг завитало над кроватью Лорда.

Вот только новость о явившемся в ночном видении ребенке вызвала у Уркайского странную реакцию. На одно едва уловимое мгновение он весь подобрался и замер. В глубине расширившихся зрачков завораживающе замерцала ожесточенность непонятого происхождения.

— Давно ли, Реджи, ты гуляла по нашему саду? — тоном коварного змея вдруг спросил

меня Хэйд.

— Да я вообще по нему не гуляла, — удивилась я. — Если, конечно, не считать прогулкой путь до тренировочного павильона. А с чего ты об этом заговорил?

— Юному растущему организму, особенно твоему, решительно необходим долгий моцион на открытом воздухе, — игнорируя моё недоумение, продолжил развивать странную тему недопринц.

И вообще, на что это он намекает? В каком смысле растущий? Я же только похудела!

— Сегодня, — совсем сбив с толку, безапелляционно заявил он.

— Что — сегодня? — Я почувствовала, как начинаю закипать из-за нелепости навязанного диалога.

— Самое время тебе познакомиться с дальней частью сада...

Пришлось присмотреться к желтоглазому повнимательнее.

— Ты что, пьян?

В ответ Хэйд лучезарно улыбнулся.

— Поверь мне, Реджи, тебе и в самом деле очень туда нужно...

Конечно, я догадалась, что он не слишком прозрачно на что-то намекает, вот только неприятное чувство, будто меня хотят использовать вслепую, не отпускало. Всё же от этих сумасбродных новых родственничков можно было ожидать чего угодно.

— Ладно. Я подумаю, — желая, чтобы меня побыстрее оставили в покое, проворчала я. — Сейчас мне всё равно некогда, нужно спешить на обед к дядюшке.

— А обеда не будет, — в очередной раз огорошил новостью Хэйд. Причем я уже почти скрылась в своей комнате, устав вести дурацкую беседу на пороге.

— Почему? — пришлось вновь распахнуть было закрывшуюся дверь и выглянуть в коридор.

— Вообще-то у нас тут с самого утра пасется целое стадо врачей. У отца припадок, — без намека даже на малейшее беспокойство, с готовностью сообщил принц.

Я схватилась за сердце, совершенно перестав волноваться о свалившемся таки к ногам одеяле.

— С утра?! — ужаснулась я, терзаясь от чувства вины за то, что у «дедушки» беда, а я то отсыпаюсь, то точу лясы. — Насколько всё плохо?

— Что именно тебя интересует? Не отправился ли он к нашим славным предкам в преисподнюю, где ему, без сомнения, самое место? Или, быть может, не обернулось ли его безумие в этот раз против тебя?

Разговор определенно переставал быть томным.

— Давай обменяемся мнениями на сей счёт попозже, — сильно стараясь удержать себя в руках и не настучать Хэйду по башке, сказала я насколько могла примирительно. Хотя, его ядовитый намек на то, что в этот раз поехавшая крыша Ундера могла дать крен в другую сторону, таки достиг своей цели.

Я искренне переживала за старика, но и страх за свою судьбу продолжал отравлять моё существование. В конце концов, чужое безумие в качестве фундамента нормальной стабильной жизни — так себе основа. Будучи умным человеком, Хэйден это прекрасно понимал и не чурался мне об этом лишний раз напомнить.

Сначала я думала, что ему просто нравится «отрывать мухе крылья» и смотреть, как суетливо в панике она носится. Но затем, после нескольких дней подобных «тренировок», в какой-то момент вдруг осознала, что каким-то волшебным образом почти перестала так

сильно бояться неопределенности собственной судьбы. Видимо, бесконечные попытки раковырять эту занозу, в конце концов, меня с нею примирили.

Однако смириться и наплевать — вещи разные. Потребность как можно скорее нестись к постели больного овладела мною всецело. А то знаю я этих эскулапов, ещё чего доброго залечат моего дедушку до смерти.

— Я могу его увидеть?

На лице Хэйдена проступило удивление. Складывалось такое впечатление, что моё желание навестить больного — нечто противоестественное.

— Понятия не имею. Мне о его состоянии докладывают слуги.

— Всё с вами ясно, господин Уркайский.

Я утомленно вздохнула и, скомканно попрощавшись, поспешила наконец переодеться.

5. Таинственный сад

глава пятая

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

*Встречается такая любовь, что лучше
её сразу заменить расстрелом.*

Фаина Раневская

Пробираясь через заросли не в меру разросшейся живой изгороди, я никак не могла перестать задаваться вопросом: «Какого черта я делаю?» Как назло, весь день моросил дождь и пострадавшие по моей вине кусты изощренно мстили, выплескивая на одежду накопленную влагу.

За минувший месяц в Андалор окончательно пришло лето. Жаркое и солнечное. Поэтому зарядивший с утра вялый монотонный дождик хотя и был очень кстати, но существенно вопрос с порядком утомившем всех зноем не решал. Из-за поднимающегося от земли влажного пара я чувствовала себя посетителем бани.

Волосы распушились и завились мелким бесом. Одежда намочила и противно липла к обильно потеющему телу. Я устала и пришла в крайнее раздражение, но отчего-то с упорством мула продолжала переть сквозь заросли запущенной части сада.

Вообще, факт запустения как-то не вязался с царящим в остальной части поместья строгим, никогда и ничем не нарушаемым порядком. Возникало справедливое подозрение, что в случае с удаленной частью сада, сделано это было намеренно. Наверное, именно это бросающееся в глаза несоответствие и побуждало меня упорно продолжать свою «прогулку».

Сначала, спеша на этаж, где располагались комнаты дядюшки Цвейга, я даже и не помышляла высовывать сегодня свой нос на улицу, особенно учитывая противную морось. Но ближе к вечеру, наконец-то отбив бедного старика от не вызывающих доверия эскулапов, вдруг поймала себя на непонятном беспокойстве. Словно что-то невидимое и настырное толкало меня в спину, побуждая куда-то поспешить. Я даже не сразу осознала, в чем именно дело. Пока, не пройдя в сто первый раз мимо окна в своей спальне, не зацепилась взглядом за тропинку, по которой однажды промчалась та загадочная черная карета. Промчалась и словно растворилась в неизвестности.

Конечно, с того времени любые следы, говорящие о том, что данное передвижное средство было реально, а не привиделось, полностью исчезли. И все же, я вдруг буквально подпрыгнула на месте от острой необходимости наконец-то разрешить для себя эту загадку и понять, куда так стремительно несли черную-черную карету, запряженные в неё черные-

черные кони.

Так я оказалась в этих проклятых зарослях, которые всё не кончались и не кончались. Впору было забеспокоиться и повернуть назад, так как я уже минут тридцать стала сомневаться, что смогу быстро отыскать дорогу назад. Уж точно не с моим топографическим кретинизмом.

Вот только сдаваться, так и не обшарив все дальние рубежи поместья, я теперь точно не собиралась. Раз уж ни превратности погоды, ни многочисленные царапины, ни даже дырка на единственных более-менее сносных штанах не заставили меня повернуть назад, то и риск проплутать в зарослях до ночи вряд ли что-то изменит.

Вообще, по жизни я была человеком малость ленивым и питающим большую тягу к размеренности и комфорту. Большинство вопросов легко решала благодаря чувству юмора и врожденной дипломатичности, как говорится, без лишних телодвижений и надрыва. Но иногда, под воздействием неблагоприятных обстоятельств, я могла превратиться в настоящий таран, впадая в состояние крайнего непримиримого упрямства. Тогда никто не мог со мной совладать, и, уж тем более, теперь меня не остановят омытые дождем заросли.

В конце концов миновав самую дремучую часть сада, я вдруг вышла на расчищенное пространство. Под ногами, благоухая одуряющим ароматом летнего луга, медленно увядала свежескошенная трава. Огибая массив из одичавших слив, вилась узкая грунтовая дорожка. Там, где перемешанная с песком земля, видимо, была наиболее мягкой, даже просматривалась оставленная большим каретным колесом колея.

— Бинго! — проворчала я себе под нос и поспешила выйти на дорогу.

В сапогах противно хлюпало, но хотя бы перестало лить с неба.

Некогда красивый, построенный в романском стиле дом, возник передо мной как-то внезапно. Несмотря на присущий данному архитектурному направлению совершенно особый утонченный романтизм, выглядел он крайне запущенно и неприветливо. В украшенных витражами окнах местами не хватало стекол. Тяжеловесная двустворчатая дверь со следами искусной резьбы едва держалась на массивных проржавевших петлях. Крыши над двумя декоративными башенками по углам здания пестрели дырами и прогнившими кровельными балками. Штукатурка некогда приятного кремового цвета вся покрылась трещинами, плесенью и мхом. Чуть поодаль справа виднелись хозяйственный постройки, как ни странно пребывающие в гораздо более ухоженном состоянии, чем сам дом. Немного в стороне, слева, под кронами молодых дубов стояла криво сколоченная скамейка.

Сама не знаю, отчего я вдруг пригнулась и, стараясь как можно меньше шуметь, нырнула за куст шиповника. Так и сидела, затаившись, ожидая неизвестно чего. Впрочем, не прошло и десяти минут, как моя импровизированная засада принесла первые плоды.

Раздался скрип перетруженного металла, и на поросшее сорняками щербатое крыльцо вышел мальчик. Тот самый, из моего растревожившего душу сна. Он словно в нерешительности замер в дверном проеме, переминаясь с ноги на ногу. В руках его, бережно прижатый к груди, виднелся замызганный одноухий заяц, чья многострадальная правая лапа вот-вот должна была отвалиться, так как держалась на честном слове и остатках гнилых ниток.

Словно радуясь появлению малыша, сквозь облачные прорехи наполовину прояснившегося неба на крыльцо упал сноп солнечного света, отчего поразительно светлые волосы ребенка так и вспыхнули серебром. Почти как новогодняя ёлочная канитель.

Я даже затаила дыхание, до того это было удивительно и красиво.

Вдруг ребенка словно толкнули в спину и, не удержавшись на ногах, он кубарем полетел по ступеням, только чудом не свернув себе шею.

На чистых инстинктах я было кинулась к мальчику, но он проворно вскочил на ноги, вытирая рукавом капающую из носа кровь. Больше всего пугало то, что ребенок не плакал.

На крыльцо с видом владычицы морской вышла тощая морщинистая баба, второй персонаж всё того же сна. Нечего было и гадать — эта гадина и толкнула бедного ребёнка. Она самодовольно скалилась, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как пятилетний мальчик беспомощно пытается остановить кровотечение.

Тогда это и случилось в первый раз. Мой темный потенциал, пробужденный такой лютой, такой яростной животной ненавистью, что стало трудно дышать, вдруг встрепенулся и расправил крылья. Я даже увидела их каким-то странным боковым зрением. Черные и могучие, все в ореоле огненных искр. На ум пришло сравнение с таким ангелом мщения, но в голове тут же прогудело. Нет, не ангел, а феникс — черный феникс. Карающий своих врагов, даже если огонь мщения сжигает и его самого.

И, кажется, феникс избрал свою первую жертву.

Покинув укрытие, я решительным шагом направилась к дому. Уже принявшаяся увлеченно и с азартом травить травмированного ребенка баба настолько увлеклась, что не заметила моего присутствия, пока я с ней не заговорила.

— Ты сгоришь изнутри! Ты будешь гореть столько дней и ночей, сколько оскорблений, унижений, тычков, ударов и издевательств сказала или совершила в адрес этого мальчика! Ты будешь гореть и молить его о прощении, и только слова искреннего раскаяния будут приближать желанный конец агонии!

Мой голос звучал низко и гулко, словно я говорила, прижав к губам металлическую трубу. А в конце жуткой речи, от которой все волосы на теле встали дыбом, я почувствовала, как от солнечного сплетения поднимается такой нестерпимый жар, словно сама лава желает вырваться наружу. Очень быстро это ощущение стало таким острым, что рефлекс буквально заставил меня открыть рот и выдохнуть прямо в лицо онемевшей от потрясения негодяйке.

— Да ты сумасшедшая! — было возмутилась она и тут же осеклась, вдруг схватившись за живот.

Женщина в ужасе вытаращила на меня глаза и, жалобно скуля, убежала куда-то в дом.

В то же мгновение, как вместе с выдохом меня покинул жар, я вновь почувствовала себя собой. Обернувшись к замеревшему в настороженной неподвижности мальчику, я присела перед ним на корточки и постаралась как можно более тепло и открыто ему улыбнуться.

Секрет маленького плачущего приведения был раскрыт. Теперь я точно знала, чей плач ночь за ночью продолжал звать ко мне о помощи.

— Привет. Ты знаешь, один чудесный мальчик очень сильно и упорно звал меня...

— И ты пришла? — невероятно серьезно для столь юного человечка тут же спросил ребенок таким тоном, словно боялся поверить.

— И я пришла — чувствуя, как слезы сами собой так и катятся из глаз, подтвердила я.

В том же месте, где ранее пламенел пожар разрушительной ярости, расцвела любовь — неотвратимая и всё исцеляющая. Как бы дальше ни сложилась моя жизнь, кем бы ни оказался этот измученный ребенок, сердцем я знала — нет на свете силы, способной теперь нас с ним разлучить.

Протянув руку, я терпеливо ждала, когда мальчик решится вложить в неё свою худенькую, если не сказать тощенькую, ладошку.

— А что, госпожа Периза теперь умрёт? — ещё сильнее прижимая к себе потрёпанного зайца, спросил он.

— Крыса она, а никакая не госпожа, — стараясь не пугать ребенка своим гневом в адрес этой недоженщины, как можно спокойнее сказала я. — И по правде, я не знаю, что с ней случится... Но если она и испустит дух, то слёзы лить по ней не стану.

— Я тоже, — наконец взяв меня за руку, согласился мальчик. — Она плохая.

От ощущения тонких хрупких детских пальчиков в ладони щемящая нежность затопила всё моё существо. Я была готова снова расплакаться. Но понимая, что ребенку нужна сильная опорная фигура способного защитить и позаботиться о нём взрослого человека, сдержалась.

— Вот и правильно. Зло должно быть наказано.

Эта незамысловатая истина очень понравилась малышу и он робко улыбнулся.

— Давай присядем? — Медленно, опасаясь напугать его резкими движениями, я поднялась с корточек и указала ему в сторону садовой скамейки.

Поняв по едва заметному кивку, что мальчик не против, повела его под тенистое сплетение дубовых крон, где она и располагалась. Мы уселись, совсем не обращая внимания на влажную после дождя древесину.

— А теперь давай мы с тобой познакомимся, — решила продолжить наше общение, выяснив самое главное.

Вот только от перспективы этого, казалось бы, простейшего и самого, что ни на есть, обыденного действия малыш весь побледнел и затрясся.

— Что случилось, солнышко? Я тебя чем-то напугала?

Мальчик молчал, снова отгораживаясь от мира своим побитым жизнью зайцем. Я задумалась. Вспомнились детали сна, где ребенку внушались всякие мерзости о нём.

— Может, ты не знаешь как тебя зовут, или тебе просто не нравится твоё имя?

Мальчик смотрел на меня во все глаза, то ли с ужасом, то ли с безграничным удивлением. Затем моргнул, да так выразительно, что я тут же поняла — моя догадка верна.

— Это не страшно. Мы обязательно узнаем твоё настоящее имя. А все те гадости, которые тебе говорили, так и знай, неправда. Просто это были гадкие люди, а гадкие люди делают гадкие вещи. И верить им не нужно. Ну а если вдруг узнать твоё настоящее имя у нас по каким-то причинам не получится, не беда! Ты сам выберешь то, которое тебе понравится больше всего. Договорились?

Чем больше я говорила, тем светлее становилось лицо у мальчика. Тень страха постепенно растворялась, а на щеки, по-детскому округлые, даже несмотря на общую худобу, возвращался румянец.

— И я смогу выбрать любое-любое-любое имя, какое захочу? — удивился он.

— Совершенно любое. А собственно, что нам мешает сделать это прямо сейчас? Пускай это будет твоё запасное имя. У меня же их тоже два.

Кажется, удивить ребенка ещё сильнее я просто не могла.

— Целых два?! — воскликнул он, почти подпрыгнув.

— Да, — таинственно протянула я. — Основное — Ада, а домашнее — Реджинальд. Или Реджи, если коротко.

— Но ведь так зовут мальчиков, — не поверил мой маленький собеседник.

Я пожалала плечами и улыбнулась.

— Вот такая я необыкновенная.

Данное объяснение, похоже, полностью удовлетворило малыша. Всё же, несмотря на тяготы своей жизни, он не утратил способность верить в чудеса и всякие волшебные странности.

— Итак, ты уже знаешь, какое запасное имя тебе бы хотелось?

— Тайран, — робко, заикаясь так, словно его горло не желало выпускать на свет эти звуки, тихо-тихо ответил мальчик.

— Тайран, а для родных и друзей — Тай? Правильно? — преувеличенно бодро повторила я, демонстрируя и своё одобрение, и то, как гордо и красиво может звучать выбранное имя.

Дождавшись очередного робкого кивка, продолжила:

— Замечательно ты придумал. С удовольствием буду так тебя называть.

Мы немного помолчали. Я осмелилась прикоснуться к детскому плечу и осторожно его погладить. Как дикий, но истосковавшийся по ласке зверёк, малыш то и дело вздрагивал, но не отстранялся. Словно внутри у него шла борьба между порывом убежать и остаться.

— А ты ещё ко мне придешь? — внезапно спросил он с какой-то невероятно ядовитой обреченной надеждой.

Будто не верил в это, но страстно желал и не знал, как подобное пережить. Мысль о том, что теперь есть на свете человек, который его никогда не бросит, даже не приходила ему в голову.

— А я никуда и не уйду. — Вытерла предательскую слезу, которая всё-таки сорвалась с ресниц. — Я же так долго тебя искала.

— Искала? Меня?! — почти захлебываясь от эмоций, переспросил белокурый ангелочек.

— Именно тебя! — Я старалась звучать как можно убедительнее, потому что говорила чистую правду.

В своем родном мире я уже потеряла одного ребенка, так и не обретя счастье хотя бы раз подержать его на руках. Теперь же, в мире чужом, случилось какое-то невероятное чудо. Я получила шанс позаботиться пускай о рожденном не мной, но душою узанном замечательном маленьком мальчике. И этот шанс я ни за что не упущу!

— Поэтому теперь ты и я — вместе. Куда я — туда и ты, куда ты — туда и я.

— Значит, ты будешь моей мамой? — сделал единственно возможный для пятилетнего мальчугана вывод Тай.

— Только если ты этого хочешь. — Зная, что буду просто раздавлена если он ответит «нет», я всё же сделала то, что была должна — дала ребёнку выбор.

— Я... — голос у него срывался. — Я... — рот кривился в сдерживаемых рыданиях. — Очень хочу.

Сказал и заплакал тоненько, словно заскулил. Я прижала его к себе, сбивчиво тараторя всякие утешительные глупости, уже даже и не пытаясь сдержать поток очистительных слёз.

Рыдали мы под дубом долго. Сидели ещё дольше, так как истощенный переживаниями Тай уснул, свернувшись калачиком и устроив голову у меня на коленях. Я не стала его будить, позволяя малышу подремать и успокоиться.

Пока он сладко сопел, я лихорадочно пыталась придумать план, благодаря которому в особняке Уркайсих появился бы ещё один квартирант. Вот только ребенок не монетка, в

карман его не спрячешь. Да и учитывая, что проживал он на территории приютившего меня семейства, о его существовании явно знали. Я нутром чуяла, что каким-то невероятным образом вытащила из фамильного шкафа Уркайских здоровенный такой скелет.

Конечно, с точки зрения здравого смысла, проживая в особняке ундера на птичьих правах, я не могла давать Таю таких серьезных обещаний. Меня саму в любой момент могли попросить на выход или же и вовсе прикопать где-нибудь под деревцем, благо недостатка в них не было. Но потребность защитить ребенка здесь и немедленно развеивала в прах любые разумные доводы. Поэтому я просто прислушивалась к себе, к той могучей, рокочущей, темной силе, которая так же, как и моё сердце, мгновенно признала малыша, готовая на всё, дабы он больше никогда не знал боли и лишений. Для меня всё было решено.

И все же, как ни крути, придется узнать, кто такой Тай и где его настоящие родители...

6. Ада идёт на штурм

глава шестая

АДА ИДЁТ НА ШТУРМ

В драке с клоунами первым делом бей жонглера.

Даринда Джонс «Первая могила справа»

Когда Тай проснулся, заходить в дом мы не стали. Наверное, и он, и я боялись того, что могли там увидеть. Конечно, не помешало бы раздобыть для ребенка сменную одежду, но перспектива очередной психологической травмы превращала эту задачу не в такую уж и насущную. К тому же, если судить по тем обноскам, в которых малыш находился в данный момент, я сильно сомневалась, что в доме отыщется хоть что-то приличное. В любом случае, если возникнет острая необходимость, я всегда смогу сюда вернуться. Да и узнать, что в конечном счете стало со злобной ведьмой Перизой, тоже вскорости придется.

А пока, взявшись за руки, мы с Таем потопали к особняку. В этот раз я старалась держаться строго каретной колеи, отчего мы вполне быстро да гладко миновали дикую часть сада и, в конце концов, достигли своей цели.

Проникать в дом я решила с черного входа, ведущего на главную кухню. Так меньше шансов наткнуться на кого-нибудь из братьев и старших слуг, давно присягнувших на верность Рэтборну.

Я отчетливо понимала — соваться к кому-то из Лордов, не собрав хотя бы немного информации о маленьком изгнаннике, не самое лучшее решение. Однако, и на это я была готова пойти в случае провала своей разведывательной миссии. Легализовать Тая в своей жизни следовало срочно и любой ценой.

Остановившись возле неприметной двери, я присела на корточки и ободряюще заглянула в испуганно-распахнутые во всю ширь детские глаза.

— Здесь мы с тобой будем жить. Это большой и немного мрачный дом, но в нём ты будешь в безопасности. Я никому не дам тебя обижать. Хорошо?

— Хорошо, — тоненько пропищал Тай в ответ на моё наставление.

— Сейчас мы с тобой пойдем на кухню, где я познакомлю тебя со своими добрыми друзьями. Герардом — он главный повар и немножко волшебник, и его первым помощником Флоком. Флок — самый обыкновенный, но тоже очень замечательный. Ещё там может оказаться посудомойка Козетт, вот она бывает противная, но, по сути, совершенно безвредна. На кухне мы с тобой перекусим и попробуем разузнать хотя бы что-то о том,

откуда ты взялся.

От последней новости малыш ощутимо напрягся, выдавая крайнее волнение касательно сего вопроса. Именно поэтому я решила подготовить его заранее.

— Не нужно так волноваться, Тай. Что бы мы ни узнали, моё отношение к тебе не поменяется. — Я бережно его приобняла, даря ощущение безопасности и опоры.

За время нашего пути мне несколько приходилось нести Тая на руках и теперь он без опаски реагировал на мои прикосновения. Истосковавшийся по материнской ласке, малыш быстро отогрелся, жадно впитывая малейшие крохи внимания и заботы.

— Помни, теперь ты мой любимый сынишка, а я — твоя мама. Мы вместе, и никто нам не страшен.

Про себя же я молилась всем Богам, чтобы это действительно оказалось так.

— И потом, не надо бояться правды. Правда — это просто знание. Оно не может причинить тебе боль, если ты сам этого не захочешь. А ведь мы не хотим?

Тай покачал головой. Слушал он меня как всегда чрезвычайно внимательно.

— Вот и договорились! — Я ободрила его улыбкой. — На кухне нас покормят и, если повезет, даже угостят пирожным. Ты когда-нибудь пробовал пирожное?

Малыш снова отрицательно покачал головой.

— О, это такая вкуснятина! Особенно если его приготовил Герард.

Наше появление на кухне не обошлось без спецэффектов. Помимо главного повара и его помощника на месте оказалась и склочная Козетт. Так её растак! Увидев меня с Таем на руках, посудомойка ничего лучше не придумала, как всплеснув мокрыми руками, закричать: «Ах!». И с грохотом расколотить пару свежeweымытых тарелок.

Тай ожидаемо перепугался и, сжавшись в комочек, доверчиво спрятал лицо в изгиб моей шеи.

Зло зыркнув на бестолковую бабу, я успокаивающе погладила ребенка по хрупкой спинке, на которой ужасающе легко прощупывалась каждая косточка.

— Вот дурная! — прикрыв рукой рот, с глазами, полными неподдельного шока, прошептала Козетт. — Притащила в дом приبلудыша Кармы.

За «приبلудыша» я этой козе все волосенки повыдергаю. А вот за полезную информацию кое-что, наверное, все-же оставлю.

— Бывшей жены старшего? — побуждая Козетт к дальнейшим откровениям, закинула я удочку.

И Герард, и Флок стояли, как громом пораженные, всю гипнотизируя взглядами ребенка на моих руках. Да что, в самом деле, с ними такое?! Не огнедышащего же ящера я к ним сюда привела.

Посудомойка в ответ на мой вопрос лишь утвердительно кивнула, словно больше не могла выдать из себя ни звука.

— Получается, Тай — сын Рэта?

Флок отмер, а услышав, как я назвала главу Тайного Приказа — опустив приставку «господин», и по имени, да ещё и умудрившись его фамильярно сократить — поспешил присесть. Видимо, подобного было достаточно, чтобы ноги перестали его держать.

Гер же свел густые брови и привычным жестом сложил могучие руки на бочкообразной груди. По опыту я знала — эта поза означала активный мыслительный процесс.

От моего предположения Козетт совсем побледнела и стала по стеночке сползать на

пол. Герард её великодушно поддержал, не позволив расшибиться, но поднимать с пола не стал. Мол, полежит и очухается.

— А почему Тай? Его зовут Рокфорд, — таки подал голос Флок.

Карма и Рок, вы только подумайте! Это было до того иронично и нелепо, что я засмеялась. Таю, видимо, стало любопытно, что это меня так веселит и, немного отстранившись, он пытливо заглянул в лицо.

Я поцеловала его в чумазые щечки и погладила по белокурой, нуждающейся в мытье и стрижке головке.

— Ты слышал? У тебя прекрасное первое имя. Рокфорд! Очень грозное.

— Здесь живет мой папа? — выдавая незаурядный ум, вдруг спросил меня Тай.

Из всего произошедшего и сказанного, несмотря на свой малый возраст, малыш сумел выделить самое главное...

Вопрос ребенка снова вверг всех в странное оцепенение. Мне изрядно надоела эта пантомима и, в раздражении вздохнув, я прошла вглубь помещения и усадила Тая на высокий табурет подле обеденного стола.

— Если это и в самом деле так, то мы всё непременно выясним, — обратилась к своему ангелочку. — Тем более, пришли мы с тобой по адресу. Оказалось, что дядя Гер и дядя Флок прекрасно осведомлены.

— Я ничего не знаю! — тут же занервничал Шнурок.

— Поздно, — обрадовала его я. — Ты себя рассекретил.

Первый помощник досадливо поморщился. Он уже достаточно меня знал, чтобы понимать — теперь я с него не слезу, пока не выпытаю все подробности.

— Мама, а почему тетя лежит на полу? — снова подал голос Тай, не сводя горящего любопытством взгляда с живописно раскинувшейся Козетт.

Все, как по команде, посмотрели на посудомойку, которая ровно в этот момент неосторожно приоткрыла один глаз, видимо, в конец устав ждать, когда же о ней вспомнят и начнут уже спасать.

Хранивший до сего момента суровое молчание Герард, неожиданно громко засмеялся. Да так заразительно, что к его хохоту быстро присоединились все, включая не в меру артистичную Козетт.

Не смеялся только Тай, он лишь робко улыбался, но даже эту малость я посчитала добрым знаком. Мальчик был откровенно диковат и до крайности запуган. Очевидно, что положительных эмоций в его жизни было прискорбно мало, поэтому каждая улыбка — победа над всем тем, что от рождения пыталось его уничтожить. Я вновь приобняла малыша, попутно пригладив растрепавшиеся серебристые локоны.

— Мама? — вдруг вспомнив о ещё одном удивительном несоответствии, переспросил отсмеявшийся Герард. — Почему он так тебя называет?

— Потому что теперь, — заявила без тени колебания, — так оно и есть. Я его мама.

— Но... — разинув рот, протянула Козетт, так и оставшаяся сидеть на полу, — что скажут хозяева?

— С этим я как-нибудь разберусь, — демонстрируя уверенность, которую на самом деле совсем не испытывала, отмахнулась я.

— А что же его нянька Периза и одноглазый Брокс? Как ты отбила мальчонку у этой злобной парочки? — продолжала допытываться женщина.

Она была столь же любопытна, сколь и истерична.

— Надеюсь, больше эта ведьма никому не причинит зла, — решила не вдаваться в подробности. — А никакого Брокса там не было. Кто это вообще такой?

— Да много кто, — вмешался в разговор Флок, при этом так кривя лицо, что сразу становилось понятно — некий загадочный Брокс вызывает у главного помощника стойкое отвращение. — Он и сторож, и конюх, и кучер, и охрана. Да вот только натура у него гнилая. С Перизой они сработались прекрасно.

— Брокс плохой, — вновь став белее полотна, усилил и без того нелестную характеристику Тай.

— Одного не пойму, кто приставил к маленькому ребенку столь отборное отребье? — хотелось ещё добавить — скажите мне его имя и я выцарапаю ему глаза.

На кухне снова воцарилась тишина.

— Так, хватить болтать! — не терпящим возражения тоном, уводя с шаткого мостика щекотливой темы, велел всем Герард. — Сейчас я буду вас вкусно и сытно кормить, — пообещал он. — Почесать языком можно и на полный желудок.

— Даже не буду спорить, — тут же капитулировала я.

И в самом деле, сейчас задача номер один — накормить голодного ребенка. Всё остальное подождет.

— А пирожные будут? — вдруг с затаённой надеждой спросил главного повара Тай.

У Герарда аж глаза загорелись. Видимо, он наконец смекнул, что больше всего на свете дети любят сладости. А раз теперь в особняке появился маленький мальчик... Словом, мечта виртуозного кондитера сбылась, потихоньку спрос на его кремовые шедевры рос.

— Конечно, будут, маленький господин. Но сначала отведайте моего лукового супа и мусс из мякоти мускусной тыквы.

— Звучит, как поэма, — почти захлёбываясь слюной, похвалила я. — Только сегодня придется обойтись небольшой порцией.

— Конечно, — тут же понял, отчего я завела об этом реч Гер. — После скудного питания сразу налегать на еду не стоит.

— Я много не ем, — видимо, испугавшись, что мы переживаем, как бы он не объел благородное семейство Уркайских, тоненько, ну точно мышонок, пропищал Тай.

От этого признания, кажется, даже у злорадной Козетт, которая всё же соизволила подняться с пола и пристроиться на стуле, защемило сердце.

— А вот это напрасно, — наблюдая за тем, как Флок, ловко орудуя половником, наполняет тарелки исходящим ароматным паром супом, пожурил Герард. — Такому отважному маленькому господину кушать нужно как следует. Но в любом деле нужен разумный подход. Ты ведь у нас умный мальчик?

Тай смотрел на смуглокожего великана, как на восьмое чудо света, и растерянно молчал. Это выросший в заботе и достатке ребенок, не задумываясь, ответит: «Конечно». Для Тая данный вопрос был мучительным. С одной стороны, ему отчаянно хотелось сказать «Да», с другой — его бесконечное множество раз учили, что он ноль, полное тупое ничтожество. У которого не то что мамы и папы, даже имени нормального нет. Поэтому я решила помочь.

— Разумеется, он очень умный.

Услышав мой ответ, малыш даже как-то обмяк от облегчения.

— Я тоже так считаю, — подхватил Гер, расставляя перед нами угощение. — По глазам

человека сразу видно, глупец он или нет. И вот что я скажу, ты определенно не глупец! А раз так, кормить я тебя буду самолично. Небольшими порциями, но зато часто.

— Это чтобы животик не заболел, — вкладывая в детскую ручку ложку, пояснила я.

Тай держал столовый прибор неуверенно и неловко. Словно прежде он пользовался им крайне редко. Злость на его бывших воспитателей всколыхнулась во мне с новой силой. Негодяи даже ложкой его пользоваться не научили! И это, если верить полученной информации, сын самого Лорда! Я решительно отказывалась понимать, как подобное возможно!

Но мы напрасно опасались, что Тай переест и заболеет. Он оказался очень сознательным и, одолев лишь половину и так небольшой порции, отодвинул её в сторону.

— Всё? — удивился Флок.

Тай кивнул.

— Ты съел совсем мало, — заметила Козетт.

— Может, не понравилась моя стряпня? — обеспокоился Герард.

— Это самая вкусная похлебка на свете, — безыскусно, совершенно не пытаясь польстить, ответил Тай.

Несмотря на то, что его шедевральный суп был назван едой бедняков, я заметила, как глаза главного повара влажно заблестели. Малыш его растрогал, а уж после прозвучавших следом слов Тай совершенно точно отнял у меня почетный статус любимчика.

— Просто я оставил место для пирожных.

Все засмеялись. Разумеется, пирожные тут же были поданы к столу.

Под магию трогательного очарования Тая попала даже зловредная Козетт. После моего сетования на то, что малыш, совсем как я, лишен всякого приличного гардероба, она вдруг заявила, что знает, где взять для мальчика одежду, и вызвалась в течение часа этот вопрос решить. За что тут же была отпущена с рабочего места и благословлена Герардом на подвиги.

Вот Флоку и пришлось взять на себя её работу. Взглянув на гору грязной посуды в раковине, он вздохнул, но ловко приступил к мытью.

Я же, покончив с изысканным ужином, пересаживала Тая себе на коленки и стала слегка его покачивать. Разморенный сытостью и теплом, малыш уже вовсю клевал носом.

На некоторое время Гер вернулся к своим поварским делам, а я, откинувшись на спинку стула, ждала, пока моё сокровище покрепче уснет. Всё складывалось удачно, поэтому я за время отсутствия Козетт собиралась выяснить всё, что касалось мальчика, без лишних ушей, разумеется.

- Пс, — подала я знак, когда Тай стал сладко посапывать.

— Нам не так много известно, — обойдясь без прелюдий, сразу признался Флок.

— И всё же... — настаивала я.

— Расскажи ей, — велел Гер.

Противиться воле начальника, на мое счастье, Шнурок никогда не умел.

— Госпожа Карма — настоящая мать мальчика — почти два года считалась невестой господина Хэйдена. Но затем вдруг рассудила, что гораздо выгоднее стать женой самого старшего из братьев. В то время господин Рэтборн как раз был назначен королём на должность главы Тайного Приказа. Старик брак Кармы и старшего сразу одобрил.

Я не удивилась. Хэйдена дядюшка Цвейг отчего-то недолюбливал сильнее всех прочих

и, вполне вероятно, не упустил бы возможность причинить тому боль.

— Сыграли свадьбу. Женитьба неожиданно хорошо повлияла на Лорда, молодая жена ему очень нравилась. Какое-то время всё было спокойно и шло своим чередом, но затем господин застал Карму в постели... — Флок покраснел и занервничал, то и дело поглядывая на дверь, точно ждал, что вот-вот она распахнется и в неё ворвется Рэт с целью немедленной расправы.

Но в дверь никто не ворвался и Флок продолжил.

— Вскоре после этого выяснилось, что жена господина Рэтборна в положении.

— И Рэт решил, что Тай, на самом деле, — ребёнок Хэйдена?

Флок испуганно кивнул, а затем перевел малость пришибленный взгляд на спящего малыша.

— Хотя Карма клялась и божилась, что Тай — сын Лорда.

— Но он, разумеется, ей не поверил, — без труда догадалась я.

Шнурок снова кивнул.

— А нет ли каких способов узнать это наверняка?

Пускай в Андалоре, конечно же, нет теста ДНК, зато есть магия. Наверняка ушлые маги хоть что-то для подобных случаев, да придумали.

— Конечно, есть, — ответил вместо Флока Герард. — Но Лорд настолько уперся в своё нежелание признать сыном ребенка потаскухи, что отказался проверять.

— Вот ведь осёл, — безо всякого пиетета прошипела я. — Точнее, ослы!

Возмущение так меня и распирало. Как можно из-за потревоженной мужской гордыни отречься от ни в чем не повинного ребенка, обрекая его на такое страшное существование? Пускай даже он нагулянный, в любом случае — родная кровь. Кто бы ни был отцом Тая, он безо всякого сомнения, такая же часть этого безумного семейства.

— Почему во множественном числе? — удивился Флок.

— Потому что принц оказался не лучше Рэта. Иначе отчего он не вмешался в этот беспредел?

- Но, по закону, Тай- сын его брата, — снова пришел в недоумение Флок от моей несообразительности. — Господа и без того едва не поубивали друг друга. Принц пытался доказать, что госпожа всё подстроила, но безуспешно.

— Ничего не понимаю, — окончательно запуталась я, припомнив одну важную особенность. — Разве Рэт не обладает способностью распознавать ложь?

— Об этом ничего сказать не могу. Способности Лордов королевских ведомств — государственная тайна — об этом не принято много болтать.

— Ладно, с этим я разберусь позже, — решила я. — Лучше объясните мне, как так вышло, что Тай оказался в таких ужасающих условиях?

— Почему ужасающих? — не понял Шнурок. — У него был дом и воспитатели. Господин каждый месяц выдавал средства на обучение и расходы. На холодное время года мальчика вывозили в имение на юге, где климат помягче. А то, что он убрал его подальше с глаз, так-то понятно почему...

Теперь уже я вылупилась в немом изумлении. Он что, шутит? Но по выражению вытянутого лица моего собеседника было ясно — Флок в самом деле озадачен.

— И что же, кто-нибудь проверял деятельность этих самых воспитателей?

Шнурок лишь развел руками.

— Посмотри-ка внимательно, — не переставая покачивать спящего мальчика, я указала

на него подбородком. — Похоже, что о Тая хорошо заботились?

Помощник виновато потупился.

— Получается, в целом доме никто не беспокоился судьбой всеми брошенного малыша?

— Получается, что так, — тяжело вздохнув и вытерев руки о фартук, признал уродливую правду Герард.

— Но почему, в таком случае, его не оставили с родной матерью? — я никак не могла смириться с произошедшим, упорно пытаясь отыскать хотя бы крошечный просвет во всей этой дикой истории.

Но кое-что всё же утешало. Видимо можно считать Рэтборна на совсем уж пропащим, раз он потрудились обеспечить Тая жильем и содержанием. Данный факт, пускай лишь отчасти, но искупал непомерную вину упрямого гордеца.

— Госпожа Карма не пожелала сама. Она считала, что этот ребенок сломал ей всю жизнь и стоил выгодного брака.

Призывая себя к спокойствию, мне пришлось на пару секунд стиснуть зубы и прикрыть глаза.

— Если бы я не знала вас, то решила бы, что в этом мире нет ни одного нормального человека! — воскликнула громким шёпотом. — Свою жизнь, как и брак, эта кукушка разрушила сама.

— Кто такая кукушка? — оживился Шнурок, услышав незнакомое название.

Я прикусила язык. Мне следовало лучше следить за тем, что говорю. А то неровен час, выдам своё иномирное происхождение.

— Это такая птица, которая подкладывает свои яйца в гнёзда других пернатых, чтобы самой не растить своих птенцов, — пояснила я, делая вид, что не спроста знаю больше остальных.

В конце концов хозяйский я племянник или нет?

— На моей родине её называют *курхата*, — помогая выкрутиться без потерь, весьма кстати сообщил Герард. — Но у меня к тебе, моя варлийская булочка*, тоже есть вопрос, — уводя разговор в сторону от орнитологии, вдруг выдал Гер. — Ты уже придумала, как оставить Тая подле себя?

Как это не удивительно, но у меня был план. Он стал вырисовываться, пока мы всё дальше и дальше удалялись от злополучного садового домика. Идея моя, в общем-то, не отличалась особой оригинальностью: я просто решила попытаться повторить свой собственный опыт «прописки» в особняке Уркайских.

— Думаю, что покажу Тая ундеру, — ответила Герарду.

— И под каким же соусом? — видимо, имея в виду, как я собираюсь объяснить появление мальчика перед дядюшкой Цвейгом.

— Сначала я послушаю, какую историю расскажет нам его Безумие.

Учитывая, что, в случае со мной, даже изобретать ничего не пришлось, и, с легкой руки сумасшедшего мага, я вдруг превратилась в Реджинальда, был смысл попытаться провернуть подобное снова.

— Надеюсь, дядюшка всё придумает сам, а нам останется лишь кивать да соглашаться.

— Хм, — обхватив свой выдающийся подбородок пальцами, задумчиво сказал Гер, — а это может сработать. К тому же, к тебе ундер в самом деле привязался и даже стал

прислушиваться. Вот уж не думал, что безумие может превратить монстра в человека.

— Точно, — хохотнул Флок, вставая из-за стола и возвращаясь к прерванному занятию. — Обычно всё случается наоборот.

Закатав рукава, помощник удрученно вздохнул и снова загремел тарелками.

Через пару минут на главную кухню вернулась Козетт. В руках она несла какой-то тюк и выглядела очень собой довольной.

— Вот, — водрузила она поклажу в центр дубового, тщательно отскобленного стола, — здесь пара штанишек, три сорочки, чулки, гетры и даже курточка!

— Где ты их достала?! — удивился Шнурок, обрадованный возвращением посудомойки. Едва женщина перешагнула порог, как он поспешил вытереть руки о фартук и отойти подальше от раковины. Он так скоро отбежал в сторону, словно боялся навеки прилипнуть к грязным тарелкам.

— Ну-у, — внезапно замялась посудомойка, — моя младшая сестрица служит белошвейкой у госпожи Казармин, а у той два сына — чуть старше мальчишки.

Она махнула рукой в сторону Тая.

— Так вот. Госпожа иногда велит выбросить старые детские вещи. Но сестра их чинит и отдает мне. А я уже отношу одежду старьёвщику.

Все понимали, что старьёвщику Козетт относит вещи не за просто так... Получается, что посудомойка, несмотря на свой неуживчивый, желчный характер, взяла и решила добровольно наказать себя на деньги.

— Это очень благородно с твоей стороны, Козетт. Спасибо. — Вложив в голос всю свою признательность, поблагодарила я её.

С Козетт мы совсем не дружили, и до сего момента едва могли друг друга терпеть, поэтому сказанные мною в её адрес добрые слова, вызвали у посудомойки смешанные чувства: с одной стороны ей польстила моя похвала, но с другой — она явно была не готова, сменить стиль нашего общения.

— Да ладно... Чего уж там, — нахмурившись, пробурчала она себе под нос и, отвернувшись, загремела посудой.

От шума проснулся Тай. Весьма кстати. Прежде чем идти на поклон к ундеру, его следовало искупать, приодеть и подровнять ему волосы. А времени, меж тем, у нас оставалось в обрез: день закончился, и уже во всю правил вечер.

— Ну что, передохнул? — спросила я малыша, с умилением наблюдая, как он зевая, трет кулачками заспанные глаза.

— Хочешь посмотреть, где ты теперь будешь жить?

— С тобой? — опасно уточнил он.

Вздохнув, я про себя спросила, как скоро наступит тот момент, когда Тай перестанет бояться, что близкие люди снова оставят его на произвол судьбы.

— Конечно, со мной. Разве ты забыл? Куда ты — туда и я, куда я- туда и...?

— Ты, — тут же подхватил он.

Я улыбнулась и чмокнула его в прехорошенький нос.

Что-то хлюпнуло. Я подняла голову и не поверила своим глазам. Козетт старательно натирала медную кастрюлю, а плечи её мелко-мелко тряслись.

Неприятная, недобрая, сухая, как старая подошва, Козетт, похоже тихо плакала, роняя слезы в мыльную пену.

— Во истину, — стянув с головы красную поварскую косынку, протянул ошеломленный

Флок, — и чудовище может стать человеком.

Пробраться до моей комнаты незамеченными нам не удалось. На хозяйском этаже мы наткнулись на «переделанную» фею. Впрочем, она никак не нас не отреагировала, а лишь сдержанно поклонилась, сопроводив движение красивой головы изящным приседанием. От этих лишенных души и даже подобия собственной воли кукол меня всякий раз пробирала суеверная дрожь.

Достигнув конечной цели, я заперла на ключ дверь и, усадив Тая в одно из кресел, побежала наполнять ванну. Пока вода набиралась, распотрошила тюк с вещами, с радостью обнаружив, что вся одежда либо подходит по размеру, либо идёт чуть на вырост. Самое главное, что она оказалась чистой и мастерски подштопанной. Белошвейка — сестра Козетт — явно знала своё ремесло.

Вот только когда дело дошло до самого купания, малыш вдруг наотрез отказался лезть в воду. На все мои расспросы он лишь ещё больше замыкался и молча мотал головой, а потом и вовсе захныкал. Пришлось мне самой, раздевшись до сорочки и панталон, лезть в воду и разве что не изображать то ли дельфина, то ли кита. Если бы не острая необходимость защитить Тая от угрозы возвращения в ужасающие условия садового домика, вопрос с купанием я бы временно отложила. В конце концов, влажная тряпочка с мылом вполне могла бы избавить от самой вопиющей грязи. Однако красивые, чистые и нарядные дети всегда вызывают гораздо больше симпатии, чем чумазые заморыши. Я отчаянно боялась сплеховать и из-за какой-нибудь мелочи упустить шанс обеспечить малышу покой и безопасность. Поэтому купания всё же было не избежать.

По счастью, если один лезть в ванну Тай категорически отказался, то сделать это со мной за компанию после долгих колебаний согласился. Я отчетливо видела животный ужас в его глазах, когда он, дрожа всем своим худеньким тельцем, опасно опускался в воду. Внутри у меня всё сжималось от боли за этого маленького отважного человечка, но внешне я безостановочно болтала всякие глупости, пытаюсь как-то унять детский страх. Спустя минут десять подобной трескотни Тай заметно успокоился и даже стал похихикивать над моими попытками пошутить. Дальше дело пошло на лад.

Через час чистенькие до скрипа и одетые с иголки, мы стояли перед дядюшкой Цвейгом. Начиналась самая рискованная часть моего плана.

— Так-так-так, — протянул старик, с немалым удивлением разглядывая нашу колоритную парочку. — И кто это у нас? Кого ты ко мне привел, Реджинальд?

Я чуть не заплакала от досады, сильно рассчитывая, что ундер, сам придумает устраивающий всех ответ. Конечно, это была бы большая удача, но как бы я ни надеялась на подобный исход, а запасной вариант на случай осечки придумала.

— Ну как же так, дядюшка? Неужто вы не узнали? Видимо, мальчик сильно подрос с того раза, когда вы виделись в последний раз.

— Может быть, может быть... — Старик напряженно задумался.

Мне казалось, ещё немного и я увижу, как натужно скрипят шестеренки в его повредившейся голове.

— Проклятая память! — с досадой воскликнул ундер, и я даже на мгновение устыдилась своей вынужденной лжи. — Так всё-таки кто он? Я что-то никак не припомню.

— Это Тайрин, ваш любимый и единственный внук. Гордость и надежда. Только сегодня вечером вернулся из южного поместья, куда вы его отправили для укрепления

здоровья.

Я намеренно подчеркивала высокую ценность ребенка, как бы подсказывая старику, как к тому следует относиться.

— Он что-же, болен? — скривил рот дядюшка Цвейг.

Болезных он не любил. Я бы даже сказала — презирал.

Но к подобному вопросу я тоже была готова и успела сочинить ответ, так же призванный поднять рейтинг Тая в глазах крайне амбициозного главы семейства.

Ещё ранее на занятиях с Каспаром мне удалось узнать, что, как правило, магия пробуждается у мальчиков подросткового возраста. К тому же, подобное почти всегда происходит благодаря катализатору, роль которого зачастую исполняет злополучный ревейн. Но иногда, а вернее будет сказать, крайне редко, сильный дар заявляет о себе гораздо раньше. И хотя обретение магии в раннем детском возрасте и служит доказательством несомненного могущества рода, подобное событие скорее стресс, чем радость. Если, конечно, ребенка, в котором пробудился дар в семье любят. Мощная магия в чем-то сродни электричеству. Неокрепшие тело и разум — как провод, лишенный изоляции. Не всякий ребенок может пережить раннее обретение силы. Однако если уж пережил, ценность его взлетала до небес. Такие дети в Андолоре были на перече́т и все они находились под опекой короны.

— Ни в коем разе, дядюшка, — поспешила возразить я. — Просто дар крайне рано пробудился в мальчике и ожидаемо сильно истощил, в силу малого возраста, неокрепший организм.

Лагала я об это сознательно. Риск, что меня уличат был невелик, так как нередко после дебютного проявления магических способностей ребенок ещё несколько лет мог никак не проявлять их повторно. Считалось, что эта пауза необходима для успешного слияния и восстановления.

— Неужели?! — обрадованно оживился дядюшка Цвейг.

Иногда его взгляд становился настолько мудрым и осознанным, что я пугалась: «А вдруг его безумие отступило?»

— Что ж, — довольно изрек он. — Подойди сюда, мой мальчик.

Ундер изобразил свою фирменную улыбочку, которая заставляла нервничать и бывалого головореза Ланзо. Но молодчина Тай даже не вздрогнул. Он отпустил мою руку, за которую держался всё это время, и спокойно подошел к старику.

— Здравствуйте, дедушка, как поживаете? — точно так, как я учила, спросил он у него.

Застав меня врасплох, старик неожиданно прослезился.

— Теперь хорошо, мой мальчик, теперь хорошо...

С дядюшкой Цвейгом мы провели не меньше часа. После утреннего приступа старик выглядел слабее чем обычно, однако внезапное обретение магически одаренного внука (да простит меня Бог за эту ложь во спасение!) так его воодушевило, что он тут же загорелся идеей организовать для Тая самую лучшую игровую комнату.

Это очень меня удивило, так как по фрагментам своего недавнего сна я уже знала, в какой строгости и аскетизме ундер предпочитал воспитывать собственных сыновей. Вряд ли у братьев Уркайских было множество игрушек. Даже в случае со мной, всё содержимое учебных комнат обуславливалось исключительно практической пользой. До своего безумия все виды праздных развлечений глава семейства считал лишним и причиняющим лишь вред.

Сомневаюсь, что будь ундер в своем уме, я бы смогла донести до него простую истину — лучше всего ребёнок развивается не за партой, а именно в игре.

Ещё будучи в положении, мечтая стать образцовой матерью, я изучила целую тонну книг и пособий, почерпнув из них множество полезной информации. Например, что для маленьких детей очень важна обогащенная стимулирующими предметами среда. Конечно, в отсутствие привычных игрушек ими могут быть и палочки с камушками, но, как по мне, лошадок, корабликов, оловянных солдатиков и плюшевых медведей ничто не может заменить.

Быть может, изрядно сойдя с ума и временами впадая по этой причине то в чудачество, то в откровенное детство, дядюшка Цвейг и сам был не прочь погрузиться в мир мальчишеских забав. А возможно, просто побитый жизнью, дышащий на ладан одноухий заяц Тая, которого малыш так и таскал за собой повсюду, разбудил в старике приступ щедрости.

Теперь же вся наша троица находилась в предвкушении обещанных перемен. Ундер обещал устроить Таю не только игровую, но и отдельную спальню, примыкающую к ней. Последнему я не слишком обрадовалась, так как подозревала, что после выпавших на долю мальчика испытаний, остаться на ночь одному в большом мрачном доме ему вряд ли будет по силам. Но и отговаривать старика от данной идеи не стала, понимая, что дети растут, и Таю в любом случае вскоре понадобится собственная комната.

Попрощались с дядюшкой Цвейгом мы очень тепло. В порыве благодарности, забыв, что старик воспринимает меня в роли молодого мужчины, я даже поцеловала его в дряблую морщинистую щеку. Поцеловала и от ужаса замерла, ожидая, что или впаду в немилость за ненадлежащее для Уркайского поведение, или же вовсе вдруг предстану перед ундером тем, кто я есть на самом деле — упитанная ни разу не леди за тридцать. К счастью, ни того, ни другого не случилось. Старику ласка, похоже, пришлась по нраву.

Будучи душевно сухим и изрядно ожесточенным, он за всю свою жизнь мало кому дарил сердечное тепло, и, соответственно, мало от кого его получал. Теперь же, на закате своих дней, бывший грозный вояка просто впитывал те драгоценные крупички доброты, которыми отчего-то решила вознаградить его жизнь.

Я прекрасно понимала — он был откровенно плохим человеком, но для меня с самых первых дней стал ревностным ангелом-хранителем. В родном мире я была одинока и опустошена. Андолор подарил мне семью. Пускай странную, травмированную и местами откровенно безумную, но я была готова клясться на крови, что какой бы несовершенной она ни была, это самая лучшая семья во всей Вселенной!

Хорошо, что ночных рубаш для сна у меня оказалось несколько. Одну из них, обрезав снизу и подвернув рукава, я приспособила Таю вместо пижамы. Очень не хотелось укладывать на чистое бельё замызганного зайца, но сынишка отказывался без него ложиться спать. Пришлось закрыть глаза на грубое попрание гигиены. Полностью довольный своей победой, малыш сладко уснул, едва его светловолосая головка коснулась подушки.

Я же прилегла на другой край кровати, благо она была достаточно просторной, чтобы на ней без неудобств могли разместиться и трое взрослых. Меня сон сморил также быстро. Хотя, укладываясь, я никак не могла избавиться от беспокойства, вызванного грядущими разборками с законным отцом мальчика. Только чудом получалось избегать его до сих пор, но вряд ли моя удача продлится долго.

От громкого стука, казалось, затряслись даже стены. Я слетела с кровати, словно самый главный черт в преисподней ткнул меня в зад раскаленными вилами. Оглянулась на Тая, но он лишь потревоженно заворочался, так и не проснувшись. Подозревая, что оглушающий стук вот-вот повторится, я рванула к двери.

На пороге стоял разъяренный главный Лорд-экспедитор Тайного Приказа его Высочества, Рэтборн Уркайский собственной персоной. Он пребывал в таком ледяном бешенстве, что его беснующаяся магия словно просачивалась сквозь поры, оседая на бледной до белизны коже тончайшей корочкой инея. Серые глаза посветлели и стали отливать голубым. Резные ноздри раздувались, как у исходящего пеной дикого жеребца.

Мне сделалось так страшно, что я всерьез подумывала описаться. Или упасть Лорду в ноги и молить о пощаде. Или завопить: «Караул, убивают!», и попытаться спастись бегством. Все эти сценарии и ещё куча других пронеслись в моей голове буквально за секунду, а затем я взяла себя в руки, вспомнив, что — а вернее, кто — поставлен на карту.

— Теперь страшные сны мучают тебя? — намекая на то, что Рэтборн устроил весь этот грохот дабы просто напроситься ко мне на ночевку, сладким голосом протянула я.

Конечно, сбивая с толку готового все крушить на своем пути мага, я сильно рисковала, но в сложившихся обстоятельствах было просто необходимо как-то перехватить инициативу. Я ещё и встала так, чтобы распутившийся ворот ночной рубашки как бы невзначай сполз, обнажая гладкое плечо.

Не без тайного злорадства отметила, как Уркайский проследил за движением нежно голубого батиста. Вправду, этот скрытый мужской интерес не избавил его от привычки говорить людям гадости.

— По какому праву ты, безродная приживалка, вмешиваешься в то, что тебя не касается?! — наконец, верный своей манере макать всех неугодных мордой в отборные помои, на повышенных тонах потребовал он ответа.

Быстро оглянувшись и убедившись, что ребенка этот ор не разбудил, я подалась вперёд и, практически вытолкав опешившего Лорда в коридор, вышла следом, плотно притворив за собой дверь.

— Зачем так орать?! — рассерженно, громким шёпотом возмутилась я.

Не знаю, как бы развернулись события, если бы поднятый Рэтборном шум не пробудил любопытство у тех братьев, кто в эту ночь ночевал в особняке. Подобное происходило не так уж и часто. Как оказалось — абсолютно у каждого из них имелись собственные дома или холостяцкие квартиры.

Под крышей родового гнезда мужчины, как правило, собирались либо руководствуясь собственной прихотью, либо по приказу отца. Более менее постоянно в особняке проживали только Рэт да Хэйдэн.

— Какого демона? Что это за грохот? — вальяжно протянул Каспар, выглядывая из спальни, расположенной всего лишь через две двери от моей собственной.

Возглас удивления сам собой сорвался с моих губ. Почему этот похотливый инкуб ночует так близко от меня?!

Учитывая чрезвычайную увлеченность Каспара слабым полом, в моменты нашего с ним общения мне приходилось постоянно держать оборону. От слуг я едва ли не первым делом узнала, где расположены его комнаты, и всё время своего пребывания в особняке старалась держаться от них подальше. А теперь вдруг выясняется, что он ночует чуть ли не под боком!

Заметив мой фривольный наряд, состоящий из растрепанных волос и длинной тонкой ночнушки с ослабшим воротом, Каспар плотоядно сверкнул выразительными очами цвета жженого сахара. Конечно, до гипнотизирующей красоты элегантного хищника Хэйдена ему было далеко, но породистость резких брутальных черт и мужская харизма легко искупили этот недостаток.

В целом, Каспар мне даже нравился, но вот расслабляться рядом с ним явно не стоило. Не успеешь и глазом моргнуть, как уже — раз! — и на девятом месяце беременности. Не удивлюсь, если по Андалору бегают целые толпы его маленьких бастардов. В общем, в каком-то смысле Каспар был персонажем даже поопаснее скорого на расправу Ланзо.

— Вот это пассаж! Занятная встреча, — ухмыльнулся наш непрошенный свидетель. — Хотя, если бы сей живописный пейзаж случился без тебя, братец, я был бы рад куда больше.

Под внимательным взглядом обжигаяще порочных глаз мне сделалось ужасно неудобно и я стыдливо натянула съехавшую с плеча ткань обратно.

— Возвращайся в свою комнату, у нас с Реджи приватный разговор, — практически прорычал Рэт, явно делая над собой усилие, чтобы не затолкать брата в его спальню силой.

— А теперь мне стало совсем интересно, — отказываясь прислушиваться к голосу разума, как ни в чем не бывало продолжил Каспар свой монолог, — чем же наша невозможная Реджи сумела так взбесить самого невозмутимого и бесчувственного Лорда королевства?

— Ты оглох? — спросил брата Рэтборн, вдруг сделавшись именно таким, каким его только что тот описал.

И хотя Каспар не входил в число моих любимчиков, всё же зла я ему не желала. Поэтому, предвидя грядущее кровопролитие, на свой страх и риск попыталась сбавить накал:

— Каспар, — обратилась я к нему, и, убедившись, что весь фокус внимания вновь сосредоточился на мне, как можно более проникновенно попросила: — Нам и в самом деле очень нужно поговорить наедине.

Моя незамысловатая просьба произвела неожиданный эффект. Взгляд мужчины смягчился и будто бы даже просветлел.

— Ты в этом уверена, Реджи? По-моему, Рэтборн не в себе от гнева и может запросто в приступе ярости свернуть твою прелестную шею. Признаться, меня бы это сильно огорчило. — Он вдруг хлестко посмотрел на исходящего ледяным паром Рэта и явно угрожающе закончил: — Настолько, что я мог бы нечаянно вызвать его на магическую дуэль...

— Вот это поворот — пробормотала я себе под нос, потрясенная тем обстоятельством, что сластолюбец Каспар, похоже, только что угрожал Рэту кровной мстью, если тот вздумает мне навредить.

— Что, променял брата на приبلудную девку? — снова прорычал Лорд-экспедитор, и мне до нестерпимости захотелось его пнуть прямо под великолепный зад.

— Идем, — отрывисто приказал он и, схватив меня за предплечье, потянул дальше по коридору, в сторону своих владений.

Я видела, как Каспар, было, шагнул следом за нами, но я покачала головой, прося его не вмешиваться.

От места, где мы с Рэтборном соприкасались кожа к коже, расходилось уже знакомое, только теперь изрядно возросшее тепло. Мягко пульсируя, оно словно подстраивалось под ритм взволнованно стучащего сердца, беспрепятственно проникая в каждую клеточку,

сладкой тяжестью оседаая в самом низу живота.

Учитывая, что подобные ощущения у меня возникали исключительно при прямом контакте с этим невозможным неандертальцем, я решительно отказывалась верить, будто эффект односторонний...

Постепенно в душе крепла наивная, но, тем не менее, твердая уверенность — ничего дурного Рэт со мной не сделает.

7. Курица не птица

глава седьмая

КУРИЦА НЕ ПТИЦА

Курица не птица, баба не человек.

русско-народная поговорка.

Правда, стоило двери его комнаты захлопнуться за моей спиной, как тревога и опасения черным удавом вновь заворочались в груди. Может, всё же следовало остаться там, где Каспар в любой момент был готов прийти на помощь? К слову сказать, от последнего обстоятельства я всё ещё пребывала в глубоком шоке.

— Итак, жду объяснений, — наконец, разжав тиски своей хватки, потребовал отчета о проделанной диверсии Рэт.

При этом он словно против воли скользнул взглядом вниз, на несколько секунд подвиснув в том месте, где вершинки груди натянули тонкое полотно. Мне сделалось и смешно, и неловко. Сложив руки перед собой, я попыталась хоть как-то прикрыться.

— Что именно вы желаете услышать, мой господин?

Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что общаюсь с Лордом без привычного для него заискивания. Но эта раздражающая манера «хватать и тащить» сейчас изрядно меня обозлила. Быть может, прежняя Ада и поостереглась бы столь вопиющего сарказма, но пробудившийся во мне «властный мятежный дух» породил храбрость, временами граничащую с агрессией.

На словах «мой господин», несмотря на то, что они едва не сочлились ядовитым елеем, темные зрачки Рэтборна блеснули хищным азартом. Сейчас, глядя на меня, он словно не мог определиться: то ли придушить сразу, то ли сначала поиграть, а придушить позже.

— Зачем ты притащила в дом этого детёныша потаскухи? — наконец выдал он, видимо, вспомнив, зачем мы вообще здесь собрались.

У меня аж дыхание в горле застряло от такой лютой несправедливости.

— Это вы сами притащили в дом потаскуху! — чувствуя, как черный феникс вновь расправляет свои невидимые крылья, завелась я. — А вот ребёнок — это просто ребёнок. И в том, кем была его мать, да и отец... — я окинула идиота презрительным взглядом, намеренно перейдя с ним на «вы», — малыш не виноват! Вы что же, решили наказать младенца за то, что его мать — бесчувственная дура? Вы не подумали о том, что он и так уже жестоко наказан судьбой, родившись у женщины, неспособной любить собственное дитя? Да что в самом деле с вами не так?! Вы раньше казались мне небезнадежным, но после того, как я обнаружила вашего же сына грязным, истощенным, со следами побоев...

— Небезнадежным? — мрачным, обдающим арктическим холодом тоном, переспросил Лорд.

Отчего-то из всего мною сказанного он зацепился только за это.

— Да, небезнадежным! Хотя, не буду спорить, вы очень стараетесь внушить всем

окружающим идею о своей полной отмороженности.

— Даже не знаю, — задумчиво протянул Рэтборн, разглядывая меня с каким-то плотоядным интересом, — почему я продолжаю участвовать в этом бездарном фарсе...

— Очень хороший вопрос, — согласилась, внезапно ощутив, каким тяжелым и вязким сделался воздух в комнате.

Всем нутром ощущая, что сейчас самое время переходить к слезным мольбам, я затолкала в дальний угол гордость и попросила:

— Рэт, пожалуйста, позволь мальчику остаться со мной.

Он молчал, гипнотизируя своими непонятного цвета глазами мучительно долго. Словно проверял на прочность. А затем всё-таки вынес вердикт:

— Нет, — жестко, так, чтобы не возникло и капли сомнения по части неотвратимости принятого решения, припечатал Рэт. — Но раз ты так мило просишь, считай, что я к тебе прислушался и впредь лично прослежу, чтобы к Рокфорду относились надлежащим образом. Его также будут хорошо кормить и обучать. Завтра с утра собери ребенка в дорогу и передай моим людям.

— Ты что, — слыша оглушающий рёв темного пламени, в ужасе спросила я, — хочешь Тая куда-то увезти?

— В военный интернат для мальчиков, — таким тоном, словно отправляет малыша на курорт, соизволил пояснить лорд. — Правда, как правило, туда принимают детей семи лет, но для меня сделали исключение.

— Когда только успел? — поразила я, до сего момента считавшая, что о моих маневрах глава Тайного Приказа узнал совсем недавно.

— Связи и маг-почта творят чудеса, — чувствуя себя на коне, заметил Рэт. — Если распоряжения ясны, можешь возвращаться в свою комнату. Утром, до начала занятий жду тебя в кабинете, объяснишь, что случилось с воспитательницей мальчишки. Ступай.

Он разве что рукой не махнул, выпроваживая меня из спальни.

— Нет, — в точности повторяя его недавний, исключаящий любые возражения тон, громко сказала я.

— Нет? — недобро прищурился Рэтборн.

— Если хочешь, чтобы я молча постояла в сторонке, пока ты собственными руками калечишь собственного сына, то спешу огорчить — я этого делать не стану.

— Значит, мне придется напомнить, где твоё настоящее место, — на глазах наливаясь бешеной яростью, пообещал Лорд.

— И каким же образом? Будешь издеваться и надо мной тоже?

Что-то внутри так и побуждало к открытому столкновению. Я видела, как сжимает мощные кулаки Рэт, по которым змеится морозный узор белесой брони. Одно стремительное движение — и обжигающие льдом руки снова сомкнулись на моих плечах.

— Знай своё место! — процедил он сквозь зубы вроде бы негромко, но я на мгновение словно оглохла.

— Спасибо, мне и тут хорошо! — едва придя в себя, практически выплюнула ему в лицо.

По коже и тонкой ткани ночной рубашки стал расплзаться магический иней, слегка царапая пока ещё слабыми укусами холода. В ответ на это угрожающее прикосновение магии, что-то темное, густое и жаркое заворочалось во мне. Ужасно зачесались лопатки, и

каждое ребро стало ломить столь сильно, что заныли зубы.

Вдруг всё обернулось так, что остужающая хватка на плечах пришлось очень кстати. Спину прострелило болью, и я выгнулась дугой, буквально повисая на руках Рэта.

— Что с тобой? — нахмурился он и даже, кажется, обеспокоился.

— Не знаю, — только и успела сдавленно прошептать, когда второй аккорд боли прошил спину вновь.

А затем как-то совсем уж неожиданно пришло облегчение и чувство приятной невесомости. Я часто заморгала потяжелевшими веками, наблюдая, каким потрясенным сделалось лицо моего невозможного противника. Он смотрел куда-то мне за спину и, кажется, не мог отвести глаз.

— Что там? — слегка заплетающимся языком, точно находясь под градусом, спросила я и хихикнула. — Привидение увидел?

— Можно сказать и так, — сухо ответил Рэтборн, явно очень стараясь вернуть себе прежнюю невозмутимость.

Весьма кстати вспомнилось, что я ужасно боюсь призраков и, прикрываясь этим уважительным предлогом, вдруг взяла, да и прижалась к Уркайскому.

— Прогони его, — практически приказала, впечатавшись щекой в твердую грудь.

— Демон знает что! — выругался Рэт, кладя широкие ладони мне на талию.

У меня все силы ушли на то, чтобы не замурлыкать от удовольствия. С новым напором вернулась прежняя необъяснимая тяга и всё тело буквально запылало от потребности раствориться в тепле и мощи обнимающего меня мужчины.

— Как давно в тебе пробудился Черный феникс? — спросил он, шевеля дыханием волоски на моей макушке.

— Курица — не птица, женщина — не человек, — вместо ответа процитировала я старую бородатую земную шутку.

Или не шутку. В Андалоре это высказывание легко сошло бы за правду.

— Ты как всегда болтаешь глупости, — с нотками легкого раздражения заявил Лорд. — Причем здесь курица?

— Ну как же? — Закрыв глаза и чувствуя, как меня качает на волнах удовольствия, я начала разглагольствовать: — Ты ведь считаешь всех женщин безмозглыми курицами, а тут тебе беру, да и попадаюсь я. Аж целый феникс. Улавливаешь иронию?

Рэт хмыкнул и, кажется, обнял меня крепче.

— Не отсылай Тая, — снова попросила и затаила дыхание, наивно мечтая, что моё заветное желание так легко и просто исполнится.

— Хорошо... Не стану, — неожиданно согласился Рэтборн, но так устало, словно давно вел кровопролитное сражение и проиграл.

А может быть мне это всё придумалось — столь ошеломительной оказалась победа.

Вскинув голову и чуть отклонившись, я заглянула в его глаза. Прочитав в них подтверждение столь важному обещанию, привстала на цыпочки и... И поцеловала!

Красивые жесткие губы сначала лишь едва ощутимо дрогнули. Снова немного отстранившись, я опять посмотрела на Уркайского. Он казался камнем, скалой, безжизненной негибаемой скульптурой из стали, и лишь одинокая жилка на шее, сейчас судорожно пульсирующая, выдавала его истинные чувства.

Я решительно вновь потянулась к нему, вся охваченная острой нуждой и упрямством.

В этот раз Рэт встретил меня на полпути.

Жадный, голодный, уводящий из-под ног землю поцелуй сотряс и перевернул всё моё мироздание. Кто же мог знать, что этот твердолобый солдафон так виртуозно целуется?

Наша стихийная, яростно пылающая страсть, покрывающая всё больше предметов в спальне инеем и черными подпалинами, стремительно набирала обороты. Мы целовались как сумасшедшие. Незаметно для себя роняя вокруг осколки странно сплетающейся магии. Оставляя на коже метки и сталкиваясь зубами. Не знаю, как бы далеко всё зашло, если бы вдруг в головы двух благородных господ не пришла гениальная идея пойти меня спасать.

«Бум!» — раздался оглушительный удар, и дверь с ехидной птицей затряслась.

В спальню Рэтборна совершенно точно кто-то ломился. Мы отскочили друг от друга, и Рэт с совершенно озверевшим выражением раскрасневшегося лица метнулся к выходу.

От нового удара дверь разразилась характерным древесным треском, и я схватилась за щеки, боясь даже представить, что сейчас будет...

Рэт успел повернуть ключ до того, как дверное полотно разлетелось бы в щепки. На пороге, все какие-то растрепанные и встревоженные, стояли братья Уркайские, Каспар и Хэйдэн собственной персоной. Выражение их лиц, то ли ошалелое, то ли ошеломленное, в другой раз обязательно бы позабавило меня, но не сегодня. Слишком уж взволнованной и обескураженной произошедшим я себя сейчас ощущала.

Наверное, если бы кто-нибудь заснял этот момент на видео, то со стороны моё собственное выражение лица оказалось бы точно таким же, как и у братьев-спасателей. Тут же на ум пришла мысль о Чипе и Дейле, которые, как известно, всегда спешили на помощь. Немного истеричный смешок слетел с губ, когда я представила Каспара в красной гавайской рубашке, а Хэйдена — в шляпе Индианы Джонса.

Но ехидную птеродактелеподобную птицу на украшавшем дверь резном медальоне было действительно жалко. Я к ней уже как-то привыкла. Поэтому, убедившись, что ночнушка более-менее меня прикрывает, ринулась проверять, не пострадала ли пернатая.

То, что в сложившихся обстоятельствах лучше было бы отсидеться в стороне, до меня дошло с большим опозданием. Рэт как раз вопрошал братьев о том, какого демона они решили, что им можно врываться в его спальню в два часа ночи? И это ещё цензурный перевод.

— Да ты, верно, шутишь?! Удивительно, что весь дом до сих пор сюда не сбежался, — возмутился Каспар, пытаясь через широкое плечо старшего родственника разглядеть, всё ли со мной в порядке.

Честно говоря, чувствовала я себя прекрасно и даже как будто слегка навеселе. Похоже, Рэтборн действовал на меня как стакан ядерного самогона, причем настоящего на мухоморах. Я снова глупо хихикнула, представив этот коктейль. А назывался бы он «Самоугоночка от Ёжки».

Да что же со мной такое?! Я потрясла головой. Почему в голову лезут всякие глупости, словно я и в самом деле пьяна? Ведь не пила же ни капли! А после Реврейна и вовсе убеждена: спиртное — зло!

— Что ты имеешь ввиду? — тем временем соизволил спросить Лорд, выпуская на своих братьев изрядную порцию пробирающего до костей холода.

Каспар толкнул локтем как всегда более сдержанного и наблюдательного Хэйдена, словно желая передать тому эстафету. И в самом деле, дверь ломали вдвоем, а отдуваться пока приходилось одному.

— Просто вы так стонали... — ожидаемо выдал недопринц, и я, не выдержав, захохотала, зажав рот кулаком.

Зато Рэту, похоже, было совсем не до смеха. Каспар тоже не оценил шутки красавчика и зло на того посмотрел.

— Нас накрыла такая волна магического отката, что с потолка штукатурка посыпалась. Неужели вы этого не ощутили? Словно мы оказались в эпицентре инициации какого-то до одури сильного мага.

— Ещё оставался вариант, что это ты таки решил размазать Рэджи по паркету. Всей своей мощью, — вдруг добавил Хэйд, и я поняла, что он не меньше Каспара испугался за мою сохранность.

— Какие вы ми-и-илые, — протянула я, протискиваясь между косяком и Рэтборном в сторону своих защитников с четкой целью обнять и расцеловать каждого.

Судьба невезучей птицы была тут же мною позабыта.

Однако маневр не удался и я была бесцеремонно остановлена ухватившим меня за талию Лордом. Последнее, кстати, изрядно удивило наблюдающих за нашими трепыханиями мужчин. То, что Рэт ведет себя странно и совершенно для себя нетипично, я понимала даже в своем не совсем вменяемом состоянии.

— Мама! — вдруг раздался детский взволнованный голосок из противоположной части коридора. — Мама, ты где?

Я принялась ожесточенно вырываться, и Рэт наконец-то меня отпустил. Вновь поправив распустившийся ворот, поспешила навстречу своему сынишке.

— Мама? — практически хором удивились Каспар с Хэйдом, но я даже не стала на них оглядываться.

Подхватив на руки своего озябшего детёныша, тут же над ним заворковала:

— Ну чего ты, мой хомячок, испугался?

— Не очень, — охотно ответил Тай, разглядывая мужское трио. — А кто такой хомячок? — очень заинтересовался он, снова переключив свое внимание на меня.

Пришлось даже немного затормозить, чтобы объяснить ему, что это за живность такая.

— Хомячок — маленький пушистый и очень шептун домашний питомец. Почти такой же хорошенький, как и ты.

Тай пару раз озадаченно моргнул и вдруг выдал:

— А можно мне завести себе такого?

— Конечно, можно! — пообещала я, причем понятия не имея, водятся ли вообще на Притэе такие звери.

Но за ту робкую улыбку, которой тут же осветилось лицо моего малыша, я была готова не то что достать этого хомяка из-под земли, но и самолично его наколдовать. А что?! Ада — создательница хомяков, чем не вклад в развитие магического животноводства? Интересно, кстати, тут есть такое?

В общем, вопросы множились, а ребенок устало зевал. Следовало поспешить уложить его спать.

— Никаких хомяков в этом доме! — долетел до нас категорический отказ Рэтборна.

— Это что за дядя? — Тай как-то сразу сжался, но всё же, пересилив испуг, спросил.

— Этот тиран — твой папа, — как можно мягче, но не погрешив против истины, ответила я.

Скрывать от мальчика правду было глупо и недальновидно. Рэтборн за одну ночь не

переменится, поэтому пока тянется длительный процесс перевоспитания, Таю придется как-то к нему привыкать и желательно не бояться. А для этого, прежде всего, мне самой следует показывать пример доверия и смелости в общении с ним.

— Не обращай внимания, — посоветовала я громким шёпотом, так, чтобы все меня услышали. — Мы его уговорим.

— Ничего подобного, — возразил Лорд.

— Уговорим, уговорим, — не сдавалась я, унося ребенка обратно в спальню. — Тем более, что твоя мама — лучший в мире уговорщик!

Поддавшись порыву, не иначе, я вдруг резво развернулась, поймала взгляд хмурого, как старый сыч, Рэта и многозначительно ему подмигнула.

У главного Лорда-Экспедитора Тайного приказа нервно дернулся глаз.

Утром, распахнув глаза, первым делом я увидела самую чудесную на всем белом свете картину. Распластавшись на кровати в позе звезды, сладко посапывал мой Тай. Его нежные серебристые локоны чуть подвигались у затылка, а на по-детски округлых щечках сиял легкий румянец. Замызганный заяц скатился выше к изголовью, а пуховое одеяло сбилось у ног, обнажив забавные, чуть курносые пальчики с короткими розовыми ноготками.

Мальчик источал такие умиротворение и покой, что несколько минут я просто любовалась, впитывая в себя эти драгоценные мгновения внезапно свалившегося на меня счастья.

Затем, стараясь не разбудить отсыпаящееся и набирающее сил чадо, осторожно выбралась из кровати и побежала принимать водные процедуры. Стрелки на циферблате показывали десятый час утра. Отчего-то сегодня меня снова никто не поднял спозаранку на каждодневные обязательные экзекуции, которые в особняке Уркайских было принято называть уроками.

Я буквально кожей ощущала незримое дыхание скорых перемен. Это обстоятельство и приятно волновало, и тревожило. Теперь, когда мне было что терять, хотелось завернуться в осторожность как в кокон, чтобы ни единым своим поступком не навредить тому, кто мне дорог.

Впрочем, врать себе не было смысла. Робкую серую мышку здесь бы давно прижали к ногтю. Так что повоевать мне ещё, без сомнения, придётся. И тут крылся большой подвох. Пробудившаяся магия оказалась мощной и строптивой сверх всякой меры. Мне срочно требовался наставник, способный научить самоконтролю. Да и в принципе не мешало бы разобраться, на что вообще способен мой черный феникс.

В ванной, скинув с себя ночнушку, я вдруг обнаружила две здоровенных прорехи. Они шли вдоль всей спины и, вполне вероятно, при движении в них даже могли выглядывать ягодицы. К счастью, на ночь я напяливала панталоны. Спать без трусов в этом роскошном дурдоме, полном непредсказуемых мужиков, мне не советовал здравый смысл.

Задумчиво повертев испорченную вещь и так и не придя к разумному объяснению, — ну не крылья же, в самом деле, у меня прорезались? — я отбросила ночнушку в сторону и залезла в ванну. Впереди нас с Таем ожидал новый день, и я была полна намеренья посвятить его тому, чтобы обустроить малыша на новом месте с максимальным комфортом.

И пусть только кто-то попробует мне в этом помешать.

— Мама, — едва я вышла из ванной, в очередной раз огорченная скудностью и неудобством своего гардероба, позвал меня Тай.

— Да, мой ангелочек, — тут же отозвалась я, приземляясь на кровать и обнимая малыша.

Он довольно хихикнул, доверчиво прижавшись к моему боку.

— А когда мы пойдем за хомячком? — взял быка за рога маленький аристократ.

Что ни говори, а хватка у него была отцовская.

— Как только я узнаю, где они продаются и раздобуду для этого денег, — озвучили я свой план на данный счет. — Поэтому вставай, умывайся, чисти зубки, надевай свой новый костюмчик. У нас с тобой много дел. Только сразу хочу предупредить — я здесь, как и ты, человек новый и не очень образованный. Обычно по утрам братья твоего папы учат меня всяким премудростям. Истории, географии, основам и происхождению магии... И много ещё чему другому. А значит, нам с тобой нужно решить, с кем ты будешь находиться всё то время, когда я не смогу быть рядом.

Слушающий меня с большим любопытством Тай на последних словах ощутило закаменел. Я ободряюще погладила его по плечу и прижала к себе крепче.

— Не бойся, мой хороший, теперь ты у себя дома. Здесь живет твой дедушка, который, по-моему, тебя уже немножко полюбил. Здесь живет твой папа, о-о-очень важный господин. Никто не посмеет тебя и пальцем тронуть с таким отцом. Затем, не забывай Герарда и Флока! Они вообще самые славные ребята на свете. Даже Коззет и та оказалась не без души. Все они в случае необходимости с радостью за тобой присмотрят. Ты не останешься один.

— А ты надолго уйдешь? — немного успокоившись, робко спросил Тай.

— На три-четыре часа. Скажи, ты умеешь определять время? — Я вдруг сообразила, что для ребенка его возраста время может быть весьма абстрактным понятием.

Но Тай, меня удивив и обрадовав, не без гордости кивнул.

— Умею. Я и читать умею и считать до тысячи.

— Ничего себе! Да ты у меня просто гений! — Я сгребла малыша в охапку и звонко чмокнула в нос. — Самый умный мальчик в Андолоре — и достался мне.

— Ты правда так думаешь? — поразив серьезностью тона, тихо спросил Тай, пряча глаза.

Каждый раз, когда на него нападала эта противоестественная робость надломленной детской души, у меня в груди всё буквально холодело.

— Конечно, правда, сыночек. Твоя жизнь началась тяжело, ты попал к плохим людям. Но теперь всё обязательно наладится. Даже лучше. Мы с тобой сами всё наладим. Вот этими самыми руками. — Повертев перед его носом своим ладонями, я взялась за его собственные.

— И вот этими мозгами. — Постучала указательным пальцем сначала по своему виску, а потом по его. — И вот этим сердцем.

Худенькую ручку к груди Тай приложил уже сам.

— Совершенно верно. — одобрила я. — Запомни, сыночек, сердце так же важно, как ум или решительность.

— Я запомню, мама, — пообещал Тай так торжественно, словно дал нерушимую клятву.

— Вот и договорились. А теперь — подъем! Сам себя хомяк не достанет.

Но прежде, чем решать вопрос с домашним питомцем, мне пришлось заглянуть на аудиенцию к самому Лорду-экспедитору. Приказание явиться в его кабинет настигло меня на кухне, куда я привела Тая, чтобы позавтракать. Мальчика пришлось оставить под присмотром Герарда. Правда, каждый, похоже, этому только обрадовался. Не нужно было

даже гадать — впереди Тая ждала очередная дегустация новых сладостей.

Преодолев несколько лестничных пролетов, я поднялась на нужный этаж. Шумно вздохнув и стараясь слишком сильно не краснеть, постучала в дверь кабинета.

— Входи, — тут же раздалось повелительно.

— Добрый день, — поздоровалась, войдя и замерев напротив здорового письменного стола, как всегда заваленного кипами бумаг.

Но представший взору хаос был обманчив. Я-то знала, что на самом деле здесь повсюду царил четкая, отлаженная годами система.

— Присядь, — Рэт кивнул на одинокий стул с подлокотниками.

— Ты сделал перестановку? — не смогла не поддеть, удивившись такой невиданной прежде заботе о посетителях.

Помнится, в прошлый раз присесть мне никто не предлагал, да и сделать это было не на что.

— Нам нужно обсудить множество важных моментов, — никак не комментируя мой вопрос, сказал Рэтборн.

Тон его речи обдавал арктической стужей и намекал на полное подчинение. Словно черт из табакерки, внутри меня тут же вспыхнула искра протеста. Да что же это такое?! Почему у меня на этого мужчину такая бурная реакция?

Призвав себя к рассудительности, я сделала самое покладистое выражение лица, на которое только была способна. И было бы совсем хорошо, если бы ещё получалось не вспоминать постоянно наш ночной поцелуй. Поцелуй, от которого пол под ногами превращался в бурлящую лаву.

— И что же это за моменты? — светским тоном, в свою очередь, поинтересовалась я.

— Сегодня в семь тридцать в старом садовом коттедже при невыясненных обстоятельствах скончалась воспитательница Рокфорда, — тут же вывалил шокирующие известия Лорд. — Ты ничего не хочешь мне по данному поводу сообщить? — невозмутимо поинтересовался он.

Я смотрела на него во все глаза, отчаянно сражаясь с внезапным головокружением. В ушах стоял пронзительный птичий крик. Мой черный феникс праздновал победу. У меня же радоваться смерти, пускай и откровенного ужасного, человека как-то не получалось. Неужели и в самом деле исполнилось то, что я обещала воспитательнице-садистке? Неужели это я — причина её мучительной смерти?

— Я не знаю, что тебе на это сказать, — ответила тихо.

— То есть, у тебя даже нет предположений, каким образом женщина медленно истлела изнутри? Под утро ко мне прибежал кучер, умоляя что-то сделать. Это была тяжелая смерть. Она так страдала...

— И что же ты? Помог ей?

Глава Тайного Приказа намеренно меня провоцировал, освещая всё больше жутких подробностей.

— Нет, — сухо констатировал он. — Она довела мальчишку до неподобающего состояния. Ей платили — и платили хорошо — совсем за другое.

— И поэтому ты дал ей умереть? — не поверила я своим ушам.

— Именно. А ещё потому, что снять метку черного феникса не могу даже я. Ты очень, чрезвычайно, можно сказать чудовищно сильна, — наконец подошел Лорд к самому

главному.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — удивилась я.

И в самом деле, мне было очень важно понять, отчего Рэтборн выкладывает такие козыри. Не думаю, что в его интересах сообщать о моих выдающихся возможностях. Если и существовало в этом мире то, что он ценил превыше всего, то это была сила. Сила, которая порождает власть. Как раз такая, которой, по странному стечению обстоятельств, обладала я.

— Затем, — он склонил голову набок и посмотрел на меня чуть насмешливо, — что я хочу, чтобы ты научилась ставить подобную метку осознанно и незаметно.

— Но зачем?! — невольно повторила свой вопрос.

— У моей страны множество могущественных, грязно играющих противников. И внутри, и за её границами...

Взгляд Рэтборна пылал, и в этот момент я как никогда остро осознала, что ундеру Уркайскому удалось таки вколотить в своего старшего отпрыска буквально фанатичную преданность своему делу.

— Ты — единственная на Притэе женщина, наделенная магией. Причем магией высшего порядка. Никто и ни при каких обстоятельствах не заподозрит в тебе столь страшную угрозу. Поэтому я выправил для тебя официальные документы и распоряжением от сегодняшнего дня назначил служащей Тайного Приказа. А точнее, боевого подразделения, которым командует Ланзо.

У меня буквально волосы встали дыбом от обрисованных перспектив. Сомнений не было — Рэт собирался слепить из меня тайного киллера на службе короны.

— Нет! — решительно отвергла я подобную судьбу. — Я не стану никого убивать по чужому приказу.

— То есть, ты собираешься это делать по собственному велению души? — откровенно веселился Лорд. — Как сделала это сегодня ночью?

— Сегодня ночью я никого не убивала! — снова возмутилась, уже готовая вслух напомнить, чем мы с ним вместе не так давно занимались.

— Разве? Суд вряд ли с тобой согласится. По законам Андолора, раз твоя магия прикончила воспитательницу, виновна именно ты.

— Значит, теперь ты будешь угрожать мне судом? Но тогда вся твоя ловкая комбинация с секретным убийцей провалится. Вся Притэя узнает о моих способностях и весь план потеряет своё главное преимущество, — перешла я в наступление, не желая так легко сдаваться.

— Отчего же? В суд я тебя тащить не планирую. К тому же, как у главы Тайного Приказа, у меня есть право приговаривать и приводить приговор в исполнение без посредников.

От последнего замечания меня пробрал холодный пот. Получается, что обличенный столь безграничной властью, Рэтборн держал мою жизнь в своих руках, и лишь от его милости зависело, что со всеми нами станет. Но сильнее всего я переживала вовсе не за себя...

— Ты не понимаешь. Ну какая из меня убийца? С Перизой всё вышло случайно. Наверное, от сильного потрясения феникс впервые проявил себя и буквально завладел сознанием. В обычном состоянии мне и таракашку прихлопнуть жалко.

— Вот поэтому я буду тебя тренировать, — «обрадовал» Лорд. — Для начала следует

раскрыть твой потенциал и понять его особенности. В Магическом Классификаторе Эропса есть упоминания о семерке класса феникс, но они очень скудны и невняты. Нам лишь предстоит с этим разобраться. Думаю, это будет увлекательно.

— Увлекательно?! — Я практически подпрыгнула на стуле. — Если ты о доступных мне способах сеять вокруг разруху и смерть, то уж прости, но ничего увлекательного я в этом не вижу. И между прочим, разве я согласилась?

— Согласилась, — без тени сомнения заявил Рэт. — Если ты хочешь оставить при себе мальчишку, то ты «согласилась».

8. Хомяк любой ценой

глава восьмая

ХОМЯК ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

— *Как я тебя узнаю?*

— *На мне будет груз прожитых лет и сандалики.*

Самой не верилось, но со дня моего престранного переноса в Андалор прошёл почти месяц. И всё это время я ни разу не покидала приютивший меня особняк. Сначала тяжеловесный и мрачный дом семейства Уркайских казался самой настоящей темницей, в которой мне было суждено бесславно стинуть. Но, пообжившись, я с удивлением для себя даже стала находить в нём что-то уютное и романтическое. Видимо, причиной того была моя страстная любовь к фильмам «Сонная Лощина» и «Призрак дома на холме». А может, просто люди, обитавшие под этой крышей, своей заботой и добрым отношением примирили меня с действительностью. Недаром ведь говорится, что истинный дом там, где твоё сердце.

Теперь же, когда на повестке дня стоял выезд в город, неприветливые каменные стены особняка вдруг превратились для меня в надежное и несокрушимое укрытие.

Однако новые реалии, в которых мне суждено было пройти краткий курс ассасина и стать первой на Притэе магически одаренной женщиной-убийцей, вносили свои коррективы. После ожесточенного торга в кабинете Рэтборна, я таки сумела вытребовать для себя некоторые свободы. Но самое главное, что Лорд подписал со мной договор, согласно которому никто не смел решать судьбу Тая без моего участия. Я настояла, чтобы договор был магический.

После, я полдня приходила в себя, прокручивая в голове наш изматывающий разговор и пытаюсь предугадать, как теперь наша с Таем жизнь будет складываться дальше. Очевидно, что следовало выходить из подполья и как-то вписываться в мир за периметром особняка.

Мне давно требовалась нормальная одежда, да и загоревшийся идеей домашнего питомца сынишка едва ли не каждый час пытался узнать, ну когда же наконец я добуду ему хомяка?

Поэтому на следующий день с самого утра я принялась за сборы и поиски сопровождающего. Первый в истории выезд попаданки в город явно не следовало проводить в одиночестве. И хотя у меня наконец-то были документы, выправленные на красивое имя Ады Реджины Верольской, и даже деньги на карманные расходы, все же порядков, царящих в столице Андолора Доминике, я не знала от слова совсем. Возникали серьезные опасения, что мой мужской наряд может быть неправильно понят и спровоцирует нежелательные реакции горожан.

К репутации в Андолоре относились трепетно, и ставить на неё несмываемые пятна по глупости я уж точно не собиралась. Поэтому в сопровождающие мне был нужен кто-то

авторитетный и грозный, обладающий своеобразным чувством юмора и питающий ко мне странное расположение. Такого человека я знала лишь одного и, по удачному стечению обстоятельств, сегодня он как раз ночевал у папочки под крылом...

Шел третий час наших шатаний по магазинам. Впереди всё ещё маячило посещение портового рынка, где я собиралась сотворить чудо и отыскать для своего мальчика обещанного хомячка. Или кого-то, хотя бы отдаленно его напоминающего.

Взять с собой Тая за покупками в первый раз я не решилась, посчитав, что для начала мудрее провести разведку. Поэтому малыш остался в особняке под присмотром родного деда, который с упоением играл с ним в солдатики, попутно объясняя правила военной тактики боя. Было очевидно, что эти двое нашли друг друга.

— Не понимаю, почему мы не могли подобрать тебе что-нибудь из обмундирования моего подразделения? — ворчал Ланзо, лениво пережевывая печенье, которое ему любезно предложила одна из молоденьких продавщиц, работающая в модной лавке некой портнихи Урелии Кларк.

Мое желание пошить для себя женский вариант мужской одежды по индивидуальным меркам никакого отклика у мужчины не находило. Как истинный солдафон, он считал все эти хлопоты пустой тратой времени.

— Мне надоело втискивать свои телеса в штаны, скроенные для плоских мужских задниц! — выкрикнула я ему из примерочной и тут же прикусила язык, услышав едва ли не предобморочный ах продавщицы.

Ланзо зычно заржал. Он чрезвычайно веселился, когда я в порыве эмоций начинала вести себя так, как здесь было не принято. По крайней мере, для женщин.

Честно говоря, нравственный эталон Андолорских красавиц вгонял меня в уныние. Худосочные, бледные, кроткие и тихие, как мышки. Возникало ощущение, что в этой стране вели целенаправленную селекцию с целью устранить из женщин всякие зачатки сильного характера. Поэтому мой громкий уверенный голос, четкая постановка задач и простота в общении у многих поначалу вызывали самый настоящий ступор.

Это ужасно меня раздражало. В голове снова стали всплывать всякие глупости насчет какой-нибудь маленькой революции. Ну не могут же здесь и в самом деле все барышни без исключения шарахаться от собственной тени?

— Совершенно правильный подход, — грудным сопрано почти пропела влившаяся в примерочную как каравелла женщина. — Позвольте мне представиться — Урелия Кларк, владелица данного швейного салона.

Я практически с детским восторгом уставилась на высокую, чрезвычайно крупных форм женщину, с ярко-рыжими, а точнее, цвета молодой морковки волосами, собранными на макушке в высокое и кудрявое нечто. Отлично сидящее по фигуре темно-зеленое повседневное платье с изумительной красоты кружевом на белом отложном воротничке смотрелось и удобным, и дорогим, и, вне всяких сомнений, респектабельным.

— В армии отвратительные портные, и, уж совершенно точно — мужские пропорции бесконечно далеки от женских, — авторитетным, не терпящим возражений тоном сообщила она.

— Ада Верольская, — в свою очередь представилась я и добавила: — Но друзья зовут меня Реджи.

— Чрезвычайно, ну просто чрезвычайно рада знакомству, — несколько театрално заверила Урелия, каким-то чудом не растеряв при этом искренности. — Девушки вашей изумительной комплекции крайне редко заглядывают в мой салон, — безбожно польстила она мне и тут же озадачилась: — Но отчего вы желаете пошить брюки?! Я могла бы предложить вам чудесные платья. Шерстяные костюмы для деловых визитов и совершенно потрясающие *минизетки*.* Сшить брюки, да ещё и по мужскому военному образцу — такой заказ у нас, признаться, впервые.

— Таково пожелание моего опекуна. Быть может, вы о нём слышали? Ундера Уркайского, — пояснила я, надеясь, что о дядюшке Цвейге, а также о его помешательстве здесь все наслышаны, и очередная причуда теперь уже его подопечной вполне впишется в данное обстоятельство.

— Ну, разумеется! — тут же заверила меня мидресса Кларк.

Мидрессами здесь называли состоятельных буржуа, которые не так давно выделились в Андалоре как отдельный социальный класс. Развитие маго-паровых технологий шло полным ходом и, памятуя об истории родного мира, я предвидела грядущие перемены в привычных устоях местного патриархального общества. И Урелия Кларк с её нетипичной внешностью и яркой манерой себя подавать показала мне этакую «первой ласточкой». К тому же, ей принадлежало прибыльное предприятие и она с полным правом могла себя называть деловой женщиной. Впрочем, я всё же спешила с выводами. Не удивлюсь, если и у неё имелся поручитель мужского пола.

— В таком случае, мои швеи отошлют вам самый лучший ансамбль с учётом всех важных нюансов! — придя в радостное возбуждение, сообщила Урелия. — Ты закончила с мерками? — обратилась она к девушке, которая предыдущие полчаса обмеряла меня портновской лентой, прикусив от старания нижнюю губу.

Теперь же брюнеточка тихо стояла в сторонке, наблюдая за нашим с её хозяйкой знакомством. На вопрос мидрессы Кларк она лишь утвердительно кивнула и тут же куда-то удалилась, повинувшись непринужденному жесту Урелии.

— Вы уже определились с образцами тканей?

— В некотором роде, — ответила, с ужасом вспоминая кипы предложенных мне ранее отрезков, видимо, из которых я должна была представить уже готовые изделия.

Поначалу это даже вызвало у меня интерес, но, спустя сорок минут некончающегося перелистывания и раздраженного бухтения Ланзо над ухом, весь запал иссяк. Как оказалось, заказ одежды в швейной лавке совсем не то же самое, что покупка новой кофточки в магазинах масс-маркета. Данная процедура вполне могла растянуться на весь день, чего я себе позволить никак не могла. Ведь теперь дома меня с нетерпением ждал чудесный пятилетний мальчик.

Поэтому было решено ограничиться штанами, парой простых белых рубашек и курткой им в комплект. Остальное же я планировала поискать в готовом виде. Но, похоже, моя новая знакомая придерживалась иного мнения.

— Ах, эти хронические скромницы снова не сделали свою работу! — всплеснула мидресса Кларк пухлыми руками с приметным нежно-розовым маникюром.

Боги! Здесь делают маникюр! Я обязательно должна после узнать, кто, где и сколько это стоит!

— Пойдемте со мной, я помогу вам определиться, не тратя драгоценное время. Как понимаю, одежда нужна вам как можно раньше?

Она приподняла брови, как бы намекая на несуразность моего нынешнего наряда. Краска смущения тут же обдала щёки. Вспомнились наши шатания по магазинам и вполне однозначная реакция некоторых зевак. По счастью, Ланзо в качестве сопровождения блестяще справлялся с ролью устрашающего пугала. Шептаться — шептались, но на что-то большее отважиться никто не смел.

— Если честно, то ещё вчера, — не стала я отнекиваться.

Портниха хихикнула, а затем, словно спохватившись, с самым серьезным видом кивнула.

— Первые обновки будут доставлены вам уже сегодня вечером. Разумеется, за срочность нужно будет доплатить.

— Разумеется, — согласилась я и, решив на всякий случай уточнить этот момент, выглянула из-за занавески, отделяющей примерочную от торгового зала и спросила: — Мы же доплатим за срочность?

— Если эта адова пытка тряпками продлится не дольше пятнадцати минут, тогда да. Причем весьма щедро, — тут же отозвался Ланзо.

Услышав его ответ, который больше походил на рык попавшего в капкан оборотня, Урелия лучезарно улыбнулась и, подхватив меня под локоток, повела к витрине, заваленной образцами.

— Пятнадцать минут и ни секундой больше! — пропела она решительно, но я, если честно, сильно сомневалась в том, что мы управимся так быстро.

— Навестите меня как-нибудь, я буду рада продолжить наше знакомство, — прощаясь с мидрессой Кларк ровно по истечении заявленного времени, сказала я, чем, кажется, совершенно всех ошарашила.

— Благодарю, это так неожиданно и любезно. Но будет ли уместным мой визит? — вдруг заволновалась Урелия, явно не привыкшая, чтобы её клиенты из высших слоев общества демонстрировали своё желание иметь с ней отношения, выходящие за рамки деловых.

— Конечно, будет. Я познакомлю вас со своим сынишкой, ему пять.

— У вас есть сын? — не сдержала удивления портниха. — Но разве вы замужем?

Она посмотрела на мои руки, сначала на одну, затем на другую и, не увидев там непременно атрибут законного брака, растерялась окончательно.

Дело в том, что в Андалоре мужчины и женщины, состоящие в браке, носили пару особых обручальных колец, по одному на каждый безымянный палец. В случае, если муж или жена испускали дух, оставшийся супруг снимал кольцо с правой руки, и тогда все могли понять, что перед ним человек вдовый. Как, собственно, поняла и я, глядя на левую руку Урелии.

Иметь же ребенка вне брака считалось жутким позором. И рассказывать о подобном никто не спешил, в отличие от меня. Я же на оборот, о том, что у меня теперь есть сын, хотела кричать с каждого перекрестка.

— Вот такая я неординарная, — внезапно развеселившись, ответила мидрессе. — Сын есть, а мужа нет.

Мы с Ланзо внимательно следили за сменой эмоций на выразительном округлом лице портнихи. Я — с целью понять, не ошиблась ли в выборе будущего друга, а вот что пытался увидеть Уркайский... Да кто его мрачную душу разберет?

— Непременно вас навещу, — в конце концов, заверила мидресса Кларк. — И, если

позволите, прихватчу с собой Матильду — мою дочь. Ей месяц назад исполнилось семь, думаю, это не слишком большая разница в возрасте для совместных игр.

— Конечно, позволю! Это прекрасная идея, — обрадовалась я перспективе обеспечить приятной компанией не только саму себя, но и Тая.

Если дети подружатся, решится важный вопрос общения сынишки со сверстниками.

— Тогда я вам напишу, — разулыбавшись, сказала Урелия, — и мы выберем удобную для всех дату.

На том мы и простились, весьма довольные друг другом.

— Куда теперь? — устроившись в маго-паровом экипаже, спросил Ланзо, неспешно натягивая кожаные перчатки.

— В портовый рынок. За хомячком! — ответила и испуганно ойкнула, когда от резкого старта экипажа, выплунувшего облачко белесого пара, меня резко отбросило в сторону.

— Чертов драндулет! — выругалась я, вызывая новую порцию мужского веселья.

**Минизетка — так в Андалоре называются дамские костюмы для занятий верховой ездой, а также для прогулок на механизированных маго-паровых повозках.*

У портового рынка, как оказалось, имелось название, весьма звучное — «Фортуната», и был он крупнейшем на всем западном побережье Андалора. А также самым шумным, непредсказуемым и местами зловонным.

Вдоль мощеной пристани, со стороны доков тянулись ряды торговцев рыбой. На противоположной стороне начинались прилавки тех, кто промышлял живым товаром. В основном здесь продавали животных, экзотических и не очень, но случалось наткнуться и на людей. Точнее, рабов, с тонкой вязью непонятных символов на груди между ключиц у тех, что подороже, или же с куда более грубым клеймом полумесяца на скуле или висках — что подешевле.

Рабство как явление, особенно узаконенное, разумеется, вызывало у меня яростное отторжение. Наткнуться на вереницу сгорбленных под гнетом отчаянья и бесправия людей, прогуливаясь между клеток с райскими птичками, — это, я вам скажу, не только потрясение, но и настоящее испытание. Осознание невозможности исправить столь вопиющую несправедливость грызло меня изнутри. Но и в самом деле, что я могла сделать, если и сама весьма сильно зависела от чужой милости?

Андалор, особенно его столица Доминика, безусловно, был особым образом прекрасен, и если уж влюблял в себя, то бесповоротно. Но обратная его сторона, где угнездились работорговля и уничижительное отношение к женщинам, делала эту любовь горькой.

Я понимала, что утопала в несбыточных мечтах, но боже мой! Как же мне хотелось суметь всё исправить!

В увиденном торге живыми людьми, утешало лишь одно — Андалор не приветствовал торговлю детьми. Но стоило мне только порадоваться данному обстоятельству, как глаза зацепились за что-то яркое.

Потрясающей глубины, вспыхивающая на солнце практически алым, рыжина одного из рабов на продажу. Я против воли к нему пригляделась, тут же ощущая, как ворочается в груди, разбуженная сильными эмоциями, темная мощь моего феникса.

В кучке «дешевого товара» на перевернутой старой бочке сидел высокий, невероятно

тощий паренек, по возрасту застывший между детством и юностью. Его тонкое красивое лицо со следами побоев и истощения уродовала воспалившаяся метка. Она пламенела на виске и явно болела, пока на неё упорно пыталась присесть какая-то назойливая муха.

— Стой! — Я вцепилась в руку Ланзо точно сражающийся за свою жизнь камчатский краб.

— Что ещё? — с обманчивой ленцой поинтересовался Уркайский, хотя, будучи очень сильным магом, наверняка прекрасно ощущал идущие от меня токи темной энергии.

— Давай его купим, — стараясь подавить волнение, а вместе с ним усмирить и рвущегося на свободу феникса, запальчиво прошептала я.

— Кого? — удивился он.

— Того парня. Рыжеволосого, — стараясь быть незаметной указала кивком.

— Ты полагаешь, он сойдет за хомячка? — Довольный собственной остротой, Ланзо сверкнул белозубой улыбкой.

Да что такое с этим мужиком?! Раньше он был серьезным и хмурым, теперь вон лыбится и к месту, и нет.

— Хомячок у нас всё ещё впереди, — не стала я его обнадеживать. — Но рыженького нужно забрать.

— Как ты это делаешь, Реджи? — спросил с хитрым прищуром.

— Что именно? — я насторожилась.

— Как всего за пару секунд ты от умоляющего «Давай его купим» дошла почти до приказного «Рыженького нужно забрать?».

Теперь уже нахмурилась я. Мгновение подумала, а затем мысленно махнула рукой и просто пожала плечами.

— Ты что, не видишь? Это же ребенок! Как можно быть такими бесчеловечными?

— Торговля подданными стран, с которыми королевство находится в состоянии войны — законна и закономерна. Казна не может содержать такое количество пленных. Продать их тем, кто готов их кормить, гораздо гуманнее, чем просто убить, — просветил меня Ланзо и тут же добавил: — Хотя, будь я на месте пленных, предпочел бы смерть.

— Я тоже, — согласилась, ничуть не кривя душой, и Уркайский как-то по-особому на меня посмотрел.

— Вот и рыженький, разве ты не видишь? — указала на парня, то и дело сжимающего кулаки, видимо, от бессильной злобы.

Что-то предпринять он бы все равно не смог — мешали кандалы и особая блокирующая любые магические проявления пыльца. Она наносилась на инструменты для клеймения и буквально вплавлялась в кожу вместе со знаком их вечной неволи.

— Наверняка, он тоже предпочел бы смерть, — прошептала я, даже на расстояние ощущая ту невероятную силу духа, которая так явственно в нём угадывалась. — Бедный ребёнок...

В порыве острой жалости, я прижала руки к груди, всеми силами сдерживая слезы. Черный феникс всё так же рвался на волю, но, кажется, у меня получалось его усмирять. Впрочем, особо торжествовать пока было рано.

— По нашим законам, в шестнадцать юноша уже не ребенок, а полноценный мужчина, — вновь озвучил бытующие в Андалоре реалии, Ланзо. — Например, я в шестнадцать уже проходил службу в армии и принимал участие в пятьдесят шестой военной кампании.

Слово «военной» прозвучала так глухо, точно каменный мешок, в который ты попал, с характерным звуком кто-то сверху замуровал неподъемной крышкой.

— Вот видишь, — решила я на это надавить, — какая это напрасная жестокость. Сражаться должны зрелые, хорошо подготовленные люди. А не мальчики. Какими бы взрослыми они себя ни считали. Не знаю, отчего этого никто не понимает! — В порыве эмоций я всплеснула руками. — В наших силах сделать так, чтобы судьба этого рыжика сложилась не так трагично.

— Ты что, Реджи, сейчас пожалела меня? — вдруг напрягся Ланзо, услышав что-то своё и перейдя на низкий угрожающий шёпот.

Я тут же смекнула, что со своей сердобольностью завела наш разговор совсем не в ту сторону, в которую было нужно. Пытаясь это как-то исправить, шумно вздохнула, отчего с трудом упакованная в тесную рубашку пышная грудь тут же пришла в движение. И хотя Ланзо и наполовину не был так похотлив, как Каспар, «магия больших сисек» действовала на него ничуть не хуже. Переключившись, мужчина несколько остыл. Я же поспешила закрепить успех.

— Там, откуда я родом, есть поговорка: «Когда любят, тогда жалеют».

— То есть, ты признаешься мне в любви? — В голосе Ланзо звучал скепсис, смешанный с удивлением.

— В небольшой, — пришлось показать размер на пальцах. — Как к старшему брату, — решила смягчить отказ грубой лестью. — Но она, без сомнения, возрастет, если мы заберем рыженького домой...

Я вылупилась на Уракайского не хуже кота из Шрека, молитвенно сложив перед собой руки.

Через пять минут Ланзо с напором бойцовского питбуля сбивал цену, которую ушлый торговец, чем-то неуловимо похожий на крысу, тут же заломил, стоило пройдохе увидеть, что его товаром заинтересовался маг-вельможа.

Первое, что сделал рыжеволосый едва состоялась сделка по его выкупу, — это плюнул мне под ноги.

— Вот они, Реджи, первые плоды благодарности, — не на шутку развеселившись, прокомментировал поступок Ланзо.

Однако, его, казалось бы, расслабленное насмешливое настроение вовсе не помешало главному головорезу королевства схватить парня за горло и как следует придушить.

— Ещё раз посмеешь выкинуть что-нибудь подобное, и я оторву тебе голову. Ты меня понял?

Рыжий молчал, упрямо сжав побелевшие губы. Он даже не пытался освободиться и, кажется, был вполне доволен тем, как развиваются события.

— Что ты делаешь?! — всполошилась я, постучав мага по руке. — Ты что, забыл? Мы его спасаем, а не хотим доконать. К тому же, мальчик провоцирует нас намеренно. Вероятно, он больше не желает быть ни чьим рабом... — пришлось намекнуть на наш недавний разговор.

Уркайский как бы нехотя разжал свою железную хватку, и я незаметно перевела дыхание.

В конце концов, все мужчины в этом семействе были малость психи или, как минимум, себе на уме. Нельзя было исключать варианта, что в ответ на дерзость пареньку бы просто

свернули шею. Что мой новый «родственник» на подобные выходки горазд, я не сомневалась ни минуты.

— Здравствуй, — решила я начать знакомство с рыженьким по всем правилам и канонам хорошего воспитания. — Меня зовут Ада, а этого скорого на расправу человека — Ланзо.

— Домн Уркайский, — тут же поправил меня последний, видимо, не желая, чтобы какой-то клейменный раб обращался к нему по имени. — Господин тоже сойдет, — добавил он, глядя на подростка волком.

Новость о том, что мужчина, купивший его, по праву носит статус мастера оружия, неожиданном образом взбудоражила парня. В его взгляде вспыхнули и тут же погасли жадный интерес и острая тоска.

— А как твоё имя? — устав ждать, поторопила я юношу.

Было видно, что внутри рыжеволосого идет какая-то внутренняя борьба.

— Эльмар, — наконец выдал он и, словно бросая нам вызов, вскинул упрямый подбородок.

— Очень красиво, — ничуть не покривила душой, — и тебе подходит. Предлагаю поскорее прогуляться до портовой конторы и решить вопрос вот с этим...

Я указала на кандалы-блокираторы, самые дешевые и неудобные из тех, которые только можно было встретить. Сделанные из плохо обработанного, с зазубринами и в пятнах ржавчины металла, они обхватывали запястья и лодыжки Эльмара. Разумеется, кожа под ними быстро истиралась до кровавых ссадин.

По правилам рыночного торга, все сделки на живое разумное имущество, во избежание разного рода мошенничества, надлежало заверять у особого чиновника, который заседал в портовой конторе. Там же с раба, в зависимости от желания владельца, можно было снять и «браслеты».

— А затем подыщем тебе какую-нибудь одежонку попримечнее.

— Интересно, и кто за всё это будет платить? — тут же разрушил мой идеальный план Ланзо.

— Во-первых, у меня есть личные средства, которые выделил мне Лорд, — напомнила я. — А во-вторых, если уж взялся делать доброе дело, то глупо останавливаться на полпути.

— Не понимаю, о чем ты тут щебечешь, — деланно притворился недоумевающим Уркайский. — Никаких добрых дел я не совершал.

— Совершал, — тут же возразила я в ответ и, похлопав по плечу, посоветовала: — Смирись, ты добрый.

Наша пикировка сильно озадачила Эльмара. Он выглядел до забавного растерянным, переводя взгляд с одного на другого. В какой-то момент парень окончательно залип на моей нескромной персоне, взирая то ли с восхищением, то ли с ужасом. В целом, я могла предположить причину такой реакции. Он так же, как и все остальные, кто имел счастье или несчастье пообщаться со мной более десяти минут, заметил совершенно не свойственную для местных женщин манеру себя держать и одеваться. Ну и, конечно же, его озадачивала реакция Ланзо, который, похоже, только приветствовал столь скандальное поведение и даже умудрялся получать от него удовольствие. Всё это вместо того, чтобы приструнить и потребовать послушания.

Спустя примерно час, мы наконец-то разделались со всеми бюрократическими

вопросами, избавили Эльмара от кандалов и даже умудрились его приодеть. Выбор одежды на развале у старьевщика был небогат, однако, кое-что всё же подобрать удалось.

Парень, как и ожидалось, оказался с характером. Он словно стремился бросить вызов целому миру. Это отражалось даже в одежде. Темно-красная рубаша, в которую он вцепился, словно клещ, и не успокоился, пока я ему её не купила, лишь подчеркивала весеннюю зелень его глаз и дерзкую яркость огненной шевелюры. Изрядно потертые, но всё ещё добротные кожаные штаны, едва он их надел, тут же обозначили прекрасное сложение, несмотря на худобу рослого жилистого тела. Непонятного цвета буро-черная куртка с нашитыми на неё металлическими пластинами, сильно смахивала на рокерскую косуху, и стоило только Эльмару её на себя натянуть, как он стал похож на лихого и очень опасного человека.

Даже унижительная рабская метка на его виске не мешала парню гордо расправить плечи и посмотреть на всех свысока. С нескрываемым удивлением, я вдруг обнаружила себя в компании не одного, а сразу двух зазнавшихся павлинов.

Лучше бы я купила хомячка...

— Почему у вас нет дворецкого? — удивилась я, когда нам отворила дверь очередная зазомбированная и лишённая души фея.

Она была столь прекрасна, что ошеломленный её красотой Эльмар практически утратил дар речи, во все глаза разглядывая прекрасное видение в форменной одежде служанки богатого дома.

— А зачем? — вернул вопрос Ланзо. — Модифицированные феи прекрасно справляются с большинством обязанностей.

— На мой взгляд, просто жутко, что первый, кто тебя встречает, когда тыходишь в дом, — это, по сути, убитое и противоестественным образом оживленное создание, — с готовностью пояснила. — Пусть даже в обычном своем состоянии оно не больше, чем чудовище с ангельским лицом.

— Девушка мертва?! — поразился Эльмар, наконец вспомнив, что надо дышать.

— В некотором смысле, — огорчила я рыжеволосого.

Парень тут же с явственной тревогой оглядел парадный холл дома, в который попал. Я легко могла представить себя на его месте, ведь ещё совсем недавно сама точно так же с любопытством и опасением рассматривала те же самые декорации.

— Мама! — прозвучал тонкий детский голосок, и я удивленно заозиралась по сторонам, пытаясь понять, откуда он доносится.

Из-за массивной квадратной колонны, подпирающей сводчатый потолок, выглянул Тай. Было видно по отразившемуся в его глазах нетерпению, как велико у малыша желание подбежать ко мне и узнать, привезла ли я ему долгожданного питомца.

Взяв из рук Ланзо накрытую платком громоздкую клетку, я поставила её на пол и сдернула плотную ткань, открывая Таю содержимое.

— Фыр-фыр-хрюм, — тут же издало фиолетово-сизое пушистое нечто и плоскими своими необычайно круглыми влажными глазами уставилось на сынишку.

— Мамочка, — прижав ладошки к груди, с придыханием прошептал Тай, медленно подходя к клетке словно замороженный. — Это хомячок?

— Королевский хомар, — торжественно объявила я выдуманную в пути породу. — Для своих — хомячок.

Этого самого пресловутого хомячка лучше всего могли охарактеризовать строки

Пушкина: «Не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка». И как ни смешно это звучало, но сего зверя я также спасла от неминуемой расправы. История «рождения», если можно так сказать, королевского хомара носила совершенно случайный характер, отдающий сильным алкогольным душком, вседозволенностью и господской скукой. Мясник, продавший мне на рынке новоявленного хомяка, рассказал вот какую историю.

Свой скотный двор он держал в небольшом городке в двадцати километрах от Доминики. Так вот, с некоторых пор в тамошний трактир взяли моду навещать богатенькие сынки из столичного института магических наук. Там они из раза в раз напивались так, что если назвать их свиньями, это страшно бы оскорбило этих не лишенных благородства животных.

Разумеется, по пьяни студиозисы регулярно вводили в убыток то одного, то другого жителя городка, да только жаловаться на них управителю всё одно особого толка не было. Всем недовольным быстро затыкали рты напыщенные и ушлые *адвакторы*, работающие на знатные семьи беспредельщиков.

Вот и накануне ночью в трактире случилось кутить будущим выпускникам с факультета магических трансформаций. В каком винном угаре тем пришла идея подправить экстерьер мирно спящего на полу у дубовой стойки трактирного кота, вряд ли кто угадает. В результате, с бедным животным случились такие страшные метаморфозы, что на свет появилось прежде никем не виданное нечто.

Трактирщик, давний приятель мясника, несмотря на род деятельности был человеком столь же набожным, сколь и суеверным. Оставлять у себя в доме результат наверняка незаконного магического эксперимента он не пожелал. Удавить рука тоже не поднялась. Измученный зверь так жалостливо смотрел на него своими огромными глазами...

Вот так и вышло, что прознав о том, что приятель наутро отправляется в порт на «Фортунагу» торговать мясом, трактирщик упросил того забрать бывшего кота с собой. Мясник упираться не стал. Животное оказалось смиренным и вполне могло сгодиться если не на мясо, то хотя бы для изготовления каких-нибудь модных безделушек.

Дело в том, что вследствие магических вмешательств, теперь тельце «кота» покрывали стоящие дыбом и нежнейшие, словно пух, тонкие пёрышки. Если не прикасаться к зверьку руками, издалека даже могло показаться, что это такая длинная и густая шерсть. Причем отличалась она и совершенно умопомрачительной яркой расцветкой. Синий, фиолетовый, зеленый плавно перетекали друг в друга, к концу пышного длинного хвоста начиная отливать золотом. Такое изысканное оперение было редкостью даже для экзотических птиц. На него и делал ставку предприимчивый мужчина.

Словом, случись нам пройти мимо, попал бы бедный зверёк какой-нибудь моднице на шляпку. По счастью, ни к кому на шляпку новоявленный хомячок не желал. Просидевший смиренно полдня в темной клетке, он вдруг принялся издавать столь громкие и столь странные звуки, что я побежала на них точно гончая, напавшая на след.

Стоило мне только увидеть бархатистую, усыпанную золотыми крапинками мордочку с длинным курносом носом, оканчивающимся подвижной черной «пуговкой», с круглыми умными глазами цвета жженого сахара и пятипалыми лапками, как я уже точно знала — вот он, питомец для Тая. А то, что зверёк, как и было обещано ребенку, оказался небольшим (размером с ананас) и чрезвычайно пушистым, окончательно решило вопрос в пользу покупки.

— А он теперь правда мой? — встав совсем близко и чуть ли не уткнувшись носом в прутья клетки, все никак не мог поверить своему счастью Тай.

— Правда, — с улыбкой ответила я и погладила малыша по шелковистой макушке.

— А он не кусается? А как его зовут? А можно мне его потрогать? — посыпался на меня град возбужденных вопросов.

— В общем, так, — прервал этот поток Ланзо. — Я отправляюсь обедать. На сегодня с меня хватит.

И, развернувшись на каблуках, поспешил ретироваться из нашей немножко сводящей с ума компании.

— Постой, — окликнула я его и поспешила нагнать.

— Что ещё тебе от меня надо, Реджи? — насмешливо протянул он, и я чуть было не передумала его благодарить.

Нет, до чего же надменные морды у моих родственничков! Так и хочется отвесить щелбан, чтобы спеси стало хотя бы на грамм поменьше. Если бы в этом мире продавались открытки с надписью «Будь проще и люди к тебе потянутся», то я закупила бы их оптом и дарила братьям Уркайским при каждом удобном случае.

Но вместо этого, я с выражением крайней признательности на лице ухватила за его руку, стиснула, а затем, привстав на цыпочки (как следует так привстав), поцеловала Ланзо в гладко выбритую щеку.

— Спасибо, без тебя бы я точно не справилась.

— Что здесь происходит? — внезапно раздался от дверей наполненный громом и молниями голос старшего из братьев.

Я вздрогнула, как нашкодившая школьница, и, медленно повернувшись, наткнулась на пылающий ледяным огнем подступающего бешенства взгляд Рэта. На шаг позади него стоял красавчик Хэйдэн и, кажется, безмерно веселился. Вот только отчего-то Ланзо было совсем не до смеха...

И уж точно непонятно отчего я вдруг почувствовала себя неверной супругой, захваченной с поличным на месте любовного преступления.

— Папа, смотри, кто у меня теперь есть! — очень вовремя воскликнул радостно Тай и без всякого страха достал из клетки своего нового питомца.

Я несколько напряглась, вдруг обеспокоившись смирностью животного, но, похоже, хомяку Тай пришёлся по душе.

Рэт бросил на ребенка мимолетный взгляд и едва заметно кивнул. Из меня словно весь воздух выпустили, так я страшилась что Рэтборн обидит ребенка своей реакцией. От облегчения я незаметно перевела дыхание и, наконец, отцепилась от Ланзо, после чего тот тут же поспешил удалиться.

— А это ещё что за раб? — указав в сторону притихшего и побледневшего паренька, спросил Лорд Уркайский.

— Это не раб, а Эльмар, — возразила я и, понимая, что нужно сразу сознаваться во всех своих преступлениях, смиренно попросила: — Можно он будет жить с нами?

Ответ Рэтборна я просто не разобрала, так громко хохотал над моей просьбой Хэйдэн.

Пока «принц» семьи Уркайских на всю катушку развлекался за наш счет, я потихоньку закипала, мечтая зарядить в красавчика чем-нибудь увесистым.

Рэтборн явно плохо реагировал на происходящее, воспринимая всё как насмешку. А меж

тем, на кону стояло благополучие Тая и моего новоявленного подопечного Эльмара. Что стану делать, если Рэт откажет тому от дома, я пока боялась даже предположить.

— Если мальчишка раб, то ты не должна спрашивать. Как его хозяйке только тебе решать, где будет находиться приобретенная собственность, — всё ещё посмеиваясь, проинструктировал Хейден.

Я не была столь оптимистично настроена, прекрасно понимая, чьей воле в этом доме всё на самом деле подчинялось. К тому же, моё «владение» Эльмаром, если опираться на местные законы, также зависело от воли поручителя-мужчины. Среди женского пола в Андолоре иметь хоть какое-то существенное имущество и распоряжаться им в редких случаях могли лишь вдовы. Коей я, известное дело, не являлась.

— Если кто-то в этом балагане хочет, чтобы раб остался, то спросить меня всё же придется, — вновь натянув маску непошибаемой надменности, с чувством собственной исключительной значимости заметил Лорд-экспедитор.

Теперь уже стукнуть по голове чем-то тяжелым мне хотелось Рэтборна. То, с каким царапающим сердце презрением он назвал Эльмара рабом, я едва ли могла выносить.

— Тай, ангел мой, беги пока, поиграй с хомячком в детской. Нам с твоим папой нужно кое-что обсудить, — предложила как можно более беззаботно и доброжелательно, увидев, что мальчика явно тяготит и пугает компания неясно отчего спорящих взрослых.

Возможно, мне только казалось, но каждый раз, когда Рэтборн слышал, как Тай или я называли его отцом, буквально на мгновение что-то неуловимо менялось в выражении его глаз. Вот и теперь я заметила эту тень перемен, втайне надеясь, что Лорд наконец-то начинает потихоньку оттаивать в сторону собственного ребенка. Пускай сам даже и не верил в их истинное кровное родство.

По счастью, дважды уговаривать малыша поиграть с пушистым питомцем не пришлось. Он, как и все в холле, чувствовал растущее напряжение и едва ему дали повод, был только рад убежать туда, где интереснее и спокойней.

— Жду тебя в малой библиотеке, — игнорируя Хейдена и Эльмара, точно генерал на плацу, приказал мне Рэт.

На что «Принц» снова выдал свою фирменную усмешку. Однако, на старшего брата это не произвело никакого впечатления. Чеканя шаг каблуками своих начищенных до блеска сапог, Рэтборн скрылся в недрах особняка.

— Мог бы его не дразнить, — понизив голос до шепота, возмутилась я, едва шум шагов стих.

— Это спорное утверждение, — вовсе не собираясь осторожничать, весьма довольный собой, возразил Хейден. — На мой взгляд, ты отлично справишься с этим самостоятельно.

— Тем более! — продолжала наступление. — Зачем тогда подливать масло в огонь? Хейд пожал плечами, как бы отвечая: «А мне так больше нравится».

— Хорошо, раз уж ты решил не пройти мимо и всячески поспособствовал нашему с Лордом тесному общению... — понимая, что в дальнейших препирательствах просто нет смысла, я поспешила воспользоваться ситуацией, — проследи, пожалуйста, за тем, чтобы Эльмара проводили на кухню и как следует накормили. Сделаешь?

— Сделаю, — на удивление легко согласился «принц». — Но при одном условии.

«Кто бы сомневался!» — воскликнула я про себя и изобразила заинтересованность.

— Ты подробно расскажешь мне о вашем с братом разговоре, — озвучил Хейд.

— Как я понимаю, во всех пикантных подробностях? — не удержалась от ехидства.

— Да, лучше, чтобы пикантных подробностей было побольше.

Скопировав его недавний жест, я пожала плечами.

— Договорились. Тогда вы на кухню, а я — в логово дракона.

9. Ошибка ледяного Лорда

глава девятая

ОШИБКА ЛЕДЯНОГО ЛОРДА

Любовь — это срок с постельным режимом.

Малая библиотека, в отличие от главной, располагалась в краевой башне западного крыла и отличалась уютной камерностью. А ещё эта комната носила отпечаток женской руки и данным признаком сильно выбивалась из перечня остальных помещений родового гнезда Уркайских.

Я задрала голову, разглядывая высоченные потолки и выставленные вдоль них книжные стеллажи из дерева цвета липового мёда. Те делились на ярусы с пандусом, куда можно было подняться по крутой кованой лестнице с ажурными перилами. Два больших, но узких, в красивой фигурной раме окна обрамляли темно-желтые шторы с набивным рисунком в виде мелких цветочных букетов. Рядом стоял кофейный столик и два также желтых мягких кресла с массивными спинками. По центру лежал круглый голубой ковер, а над ним, сверкая сотнями хрустальных подвесок, висела потрясающей красоты и размера люстра.

Ближе ко входу справа располагался камин, сейчас за ненадобностью не растопленный. А неподалеку от него стоял письменный стол на гнутых ножках.

В простенках, не занятых стеллажами, висели небольшие полотна с изображением разных сортов роз и один-единственный портрет молодой светловолосой женщины. Она держала на руках щенка и робко улыбалась.

Эта улыбка ошеломила, я без труда её узнавала, ведь это она навечно запечатлелась в моем сердце. Так тепло и безмятежно всегда улыбался Тай. И если бы я не знала, как на самом деле выглядит его биологическая мать, то решила бы, что именно она и смотрит на меня с портрета.

За спиной шире распахнулась полуоткрытая дверь, и в библиотеку вошел Рэтборн. Каким-то чудом я опередила его, придя на пару минут раньше. Он заметил мой интерес к изображению, но никак его не прокомментировав, обошел стол и устроился за ним. К моему удивлению, здесь также лежали какие-то бумаги, которые Рэт по-хозяйски сложил в стопку и отодвинул на край.

— Что это за женщина? — понимая, что если не спрошу, то вся изведусь от любопытства, поинтересовалась я у Лорда, прежде чем тот принялся бы меня отчитывать.

— Моя мать, — сухо ответил он, хотя мог просто проигнорировать вопрос.

— Ну вот же! — взволнованно воскликнула, упираясь ладонями в стол и наклоняясь к Уркайскому. — Вот доказательство, что Тай твой сын! Тот же разрез глаз, их цвет, форма бровей, оттенок волос... А самое главное — выражение лица, улыбка. Да он копия своей бабушки!

Лорд-экспедитор неторопливо поднялся и, скопировав мою позу, наклонился вперед.

— Ты снова лезешь в то, что тебя не касается. Рокфорд — сын потаскухи, по ошибке ставшей моей женой, и её любовника, к несчастью, моего брата. Точка. Пять лет назад я не вышвырнул мальчишку на улицу лишь потому, что не желал, чтобы имя рода полоскали на

каждом углу сплетники.

Если я думала, что очевидного сходство мальчика с его родной бабкой окажется достаточным, дабы убедить Рэта в том, что он ошибается, то сильно просчиталась.

Несправедливые жестокие слова жгли мою душу, и я разрывалась между желанием устроить грандиозный скандал или проявить мягкость, чтобы дать Уркайскому время отпустить болезненное прошлое.

Интуитивно я знала — нужно лишь немного времени и совместного общения, чтобы Рэтборн привязался к мальчику и наконец-то прозрел.

Победил здравый смысл. Я смогла усмирить жаждущее расправы крылатое чудовище внутри себя. Как только злость на Лорда-экспедитора за мерзкие слова схлынула, оставляя после себя привкус пепла на языке, я вдруг заметила, каким напряженным и уставшим выглядит Рэт.

— Ладно, отложим этот разговор до лучших времен, — сказала примирительно. — Ты как то неважно выглядишь. Быть параноиком по должности, наверняка, крайне утомительно. Думаю, тебе нужно как следует отдохнуть, расслабиться.

Конечно, я понимала, что веду себя дерзко. Однако, это не отменяло искреннего беспокойства за этого твердолобого упрямца.

Наши с ним более чем странные взаимоотношения пока не слишком-то располагали к открытому проявлению заботы. Я очень боялась его холодности и пренебрежения. Увы, но в своей неуместной иррациональной симпатии я уже зашла так далеко, что знала — оттолкни он меня сейчас, станет по-настоящему больно.

— Расслабиться? — то ли зло, то ли насмешливо протянул Рэт, и внезапно разделяющий нас стол с грохотом отлетел в сторону, а я оказалась прижата к высокому крепкому телу главы Тайного Приказа.

Что ни говори, а такого поворота я совсем не ожидала.

— Что ж, — в каком-то шальном безумии почти прошипел он, выдыхая прямо в мои округлившиеся от изумления губы: — Давай расслабимся!

Лорд резко наклонил голову, целуя так яростно, точно желая заклеить, поставить на мне нестираемую печать принадлежности. К своему стыду, я не была против. Да что там, я практически выпрыгивала из своего нелепого наряда, всячески приветствуя подобный исход. Мы так отчаянно вцепились друг в друга, обмениваясь ласками, точно два боксера ударами, что одежда буквально трещала, а воздух плыл, обжигая поочередно то холодом, то жаром.

— Что ты делаешь? — задыхаясь от самых потрясающих в своей жизни ощущений, простонала я, когда Рэт принялся покусывать мочку моего уха.

— Молчи, — отрывисто приказал он, явно не намеренный прерывать своё увлекательное занятие.

— Нет, в самом деле, — чувствуя, как теряю всякую связь с реальностью и изо всех сил сопротивляясь этому, не сдавалась я, — ты же хотел... Хотел...

Поражая скрытой в мышцах силой, он подхватил меня под ягодицы, практически вынуждая обвить его ногами. Мы врезались в одну из книжных полок, и несколько книг, видимо, возмущенных нашим непочтительным к ним отношением, свалились прям нам на головы. Думаете, это кого-то отрезвило? Ха!

— Хотел, — снова прохрипела я, и, почувствовав интересным местом свидетельство очень сильной мужской заинтересованности, возмутилась: — Я не об этом!

— А я об этом, — возразил Рэт, сгребая в кулак мои волосы и снова впиваясь в рот жадным поцелуем.

Негодяй играл грязно. От шквала затопившего меня удовольствия, на ногах, словно сами собой, поджались пальцы. Я стремительно капитулировала, утешаясь одним — очевидно, что Рэтборна так же, как и меня, уже очень давно терзало сильнейшее иррациональное желание, неистребимая потребность прикоснуться к объекту своей неуместной страсти. В эту ловушку мы попали оба.

— Передайте старшему повару, что на ужин я хочу получить утку с бурсуайским соусом, — где-то на периферии сознания проскрипел хорошо знакомый старческий голос.

Похоже, он доносился из холла вблизи библиотеки. Уютного местечка, ставшего в данной момент гнездом разврата.

Буквально за секунду до того, как дверь в библиотеку отворилась, Рэт каким-то чудом нашел в себе силы поставить меня на ноги и спешно отпрянуть. Сделав какой-то невоспроизводимый жест рукой, он заставил перевернутый стол и все разлетевшиеся в разные стороны бумаги послушно вернуться в прежнее положение. Так что лишь наш растрепанный и изрядно ошалелый вид мог свидетельствовать о едва не свершенном чувственном преступлении.

— А, и ты здесь, — наткнувшись взглядом на старшего сына, протянул ундер Уркайский как всегда с некоторым пренебрежением.

Затем внимательно осмотрел взъерошенную меня и недобро прищурился.

— Он тебя обижает? — тут же принялся пытливым выспрашивать, явно готовый в случае нужды прийти на помощь своему «племяннику».

— Нет, дядюшка, — пригладив волосы и поправив одежду, поспешила заверить я. — Мы просто...

В голове, как назло, было пусто, что в бидоне, и какие-либо стоящие мысли приходиться на ум просто отказывались.

— Отрабатывали упражнения в рамках предмета «Магия противодействия», — своим привычным, замораживающим все вокруг тоном, спас положение Рэт.

— Как?! — удивился старик. — Неужели, мой мальчик, ты продвинулся уже так далеко?

Лорд нахмурился. Думается, ему не слишком-то по душе было видеть, как собственный, пускай и давно лишившийся рассудка, отец с такой теплотой относится к какому-то самозванцу. А точнее, к самозванке, которая не то что родством, даже полом не вышла. Сердце кольнуло незваное чувство вины.

И хотя своего сбрендившего самоназванного дядюшку я обожала, понять его поразительную нелюбовь к собственным детям никак не могла.

— Да... — кивнула я, надеясь поскорее закончить этот нелепый и неловкий разговор. — Кое в чем продвинулась...

— В таком случае, — радостно воскликнул старик, — думаю, самое время начать выводить тебя в свет. Где поднос со свежими приглашениями? — без паузы, требовательно спросил он у Рэтборна.

— На каминной полке, — сухо ответил тот и кивком головы указал на искомое.

— Прекрасно, прекрасно, — забормотал себе под нос ундер и поспешил к плоскому золоченому подносу, на котором возвышалась горка из каких-то разноцветных карточек.

— Вот! Вот оно! Прием для особо важных персон. Не больше полусотни гостей. Салонный вечер герцогини Симоны Трындычевской.

Услышав столь говорящую фамилию, я чуть было не прыснула от смеха. Я так развеселилась, что некоторое время позволяла себе пребывать в блаженном заблуждении на счет того, как этот самый первый выход в свет будет осуществляться. Даже несмотря на тот постоянный фарс, в который за последний месяц превратилась моя жизнь, я и в страшном сне не могла себе представить, что уже совсем скоро буду вынуждена явиться в публичное место в костюме мужчины и вести себя соответственно: отзывать на насмешливое «сударь» или «господин», пить крепкие напитки и вальсировать с девицами на выданье... Ах, да! Я забыла самое главное — опасную игру в шпиона. В неё меня цинично заставит играть совсем отмороженный Лорд, в которого я имела неосторожность влюбиться.

— Изучи это сегодня вечером, — едва дядюшка Цвейг шаркающей походкой вновь оставил нас наедине, приказал Рэт, беря с полки книжку и кидая её мне в руки.

Многочисленные тренировки дали о себе знать, и я без труда поймала этот бумажный «снаряд». На вид самый обычный, весьма тонкий, с серым, изрядно потертым переплетом томик. «Тайное искусство. Сборник запрещенных магических приемов», — прочитала на его обложке и в непонимании уставилась на Лорда.

— Это же незаконно.

— Для всех, кроме особых служащих Тайного Приказа, — не стал отпираться его глава.

— Зачем мне это?

Отрывисто поправив сбившийся шейный платок, Рэтборн вопросительно выгнул бровь.

— Ты забыла, что с некоторых пор числишься в рядах Гэнмортис?

Забудешь тут! Я задумчиво повертела в руках издание, за владение которым легко можно было обзавестись погремушкой в виде кандалов.

— Дальше теории самых базовых магических понятий Каспар меня не обучал. История, география, генеалогия, физкультура, — так я называла почти каждодневные изматывающие тренировки с Ланзо, — основы магических правил и конфигураций. С этим все понятно. А ещё со светским этикетом, стихосложением и танцами. Кстати, по поэзии у меня твердое «отлично». Хэйден, должно быть, гордится своей ученицей. — Я рассмеялась, вспомнив наши с ним занятия по данному предмету. — Да ты и сам всё прекрасно знаешь, так как, подозреваю, самолично составлял расписание... Так вот, в нём нет ни одного практического занятия по магии. Честно говоря, до сих пор не верится, что всё это чародейство — реальность. Там, откуда я родом, нет ровным счетом ничего волшебного.

По понятным причинам, мне приходилось избегать упоминаний о другом мире. Да и Рэтборн вовсе не стремился разузнать о нём побольше. Данному факту я очень удивлялась, так как новость о подобном попаданстве, без сомнения, была сенсационной и лично у меня, на месте Лорда, вызвала бы настоящий шквал вопросов. Но Рэт совсем не спешил проявлять своё любопытство. Интересно, почему?

— Что ты хочешь этим сказать? — сложив руки на широкой груди, спросил Уркайский.

Я пожалала плечами, так как заметила, что с некоторых пор этот ничем не примечательный жест в моем исполнении очень его заводит.

— Только то, что сказала. Кстати, твоё упорное стремление превратить меня в головореза, ужасно нервирует. Неужели в королевстве они в таком дефиците?

Крылья породистого мужского носа затрепетали, а ноздри раздулись.

— Мы уже имели подобный разговор. — Голос Уркайского звучал непреклонно. — Я не имею привычки повторять дважды. Ты — единственная женщина с магическим даром, и я

намерен воспользоваться данным преимуществом.

Заворочавшейся внутри меня хищной темное силе очень не понравились слова о том, что её хотят использовать. В наших отношениях с Рэтборном страсть и ненависть вообще с завидной регулярностью сменяли друг друга. Честное слово — это или любовь до гроба или вечная война.

— Хочешь и дальше оставаться при мальчишке и превращать мой дом в балаган — будешь послушной девочкой и станешь делать всё, что я скажу.

«Видимо, война», — подумала я и прищурилась.

Бешенство за столь отвратительный шантаж клокотало где-то в груди, уже готовое выплеснуться на виновника и будь что будет. Но в последний момент здравый смысл взял верх. Я склонила голову набок и как следует присмотрелась к провокатору. Плечи расправлены, спина прямая, словно отлита из стали, взгляд пронзительный и напряженный. Кулаки сжаты. Но самое главное то, как тесно с некоторых пор на нём сидят брюки...

Понимающая улыбка заиграла на моих губах.

— Как пожелает господин, — томным голоском протянула я и, покачивая бедрами, — а мне было чем покачивать, — проплыла мимо Рэта к выходу из библиотеки.

Взявшись за ручку двери, кинула дерзкий взгляд через плечо и добавила:

— Прикажете Каспару провести для меня экзамен?

Помахала в воздухе книженцией.

— Нет, — почти прорычал Лорд, чем выдал себя ещё больше. — Я сам тебя проэк... — он прочистил горло, — проэкзаменую. Завтра. Утром. Здесь же.

Не отрывая от меня горящего взгляда, Рэт описал рукой небольшой круг, как бы сообщая, что проверка знаний будет проводиться в этой самой комнате.

— Во сколько господин желает, чтобы я явилась? — спросила и как бы невзначай прикусила уголок губы.

По полу пробежала тонкая дорожка инея, краем задевая мой сапог. Словно своенравная магия Лорда стремилась хотя бы так прикоснуться к предмету его желания.

Мы оба несколько секунд таращились на свидетельство этой бесспорной диверсии, а затем одновременно случилось две вещи: Рэт шагнул навстречу, а я малодушно убежала, громко хлопнув дверью.

— Папа сильно на тебя ругался? — наглаживая хомяка, обеспокоился Тай, когда позже тем же вечером мы встретились с ним в нашей спальне и уже готовились отойти ко сну.

К слову, гордо мною нареченный королевским хомаром неведомой породы зверь, за время, проведенное в компании с сынишкой, прекрасно освоился, всячески демонстрируя полное довольство жизнью и покладистый характер. Его накормили, затем закупили, выяснив попутно, что водные процедуры этому иномирному хомяку весьма по душе. Следом животинку начесали, отчего ворсинки нежнейших перышек распушились ещё сильнее, превратив его в совершенно круглый шарик. Только длинный пестрый хвост забавно торчал точно антеннка.

Теперь же хомяк сидел у Тая на коленях и откровенно балдел от поглаживаний, на которые маленький хозяин совсем не скупился.

— Он же не заставит нас выкинуть Фру-фру на улицу? — тут же последовал очередной вопрос.

— Фру-фру? — переспросила я.

Тай утвердительно кивнул.

— Он так смешно фырчит. Вот я и подумал, что Фру-фру хорошее имя. Тебе нравится?

— Фру-фру — отличное имя и в самом деле очень ему подходит, — одобрила я выбор и посмотрела на хомяка. — Ты согласен, Фру-фру?

— Фру-фру, — ответил пушистик и, упав на спину, подставил под щедрую детскую ласку свой живот.

Глядя на это, мы с Таем рассмеялись.

— Так что папа? — не сдавался малыш.

— Все в порядке, не беспокойся. Благополучию нашего дорогого Фру-фру ничего не угрожает. Папа просто хотел дать мне вот эту книжку.

Я указала на прикроватную тумбу, где в ожидании своего часа лежал серый томик. Откровенно говоря, он был такой тонкий, что больше напоминал брошюру.

— Так что сегодня у нас вместо сказки на ночь — учебник по магии, — решила я совместить приятное с полезным. — Клади Фру-фру в его корзинку и забирайся под одеяло.

Тай с явным сожалением устроил питомца на ночь в его просторной клетке, где для хомяка было сооружено настоящее царское ложе. Фру-фру деловито обнюхал мягкую подстилку и тут же с комфортом уместился. Мы последовали его примеру, погасив свет и устроив головы на пышные подушки.

На тумбе теплым желтым светом горел одинокий светильник, разумеется, производящий световую энергию не от центральной электропроводки, а от самой, что ни на есть, банальной магии. Протянув руку, я взяла лежащую рядом книжку и, перелистнув форзац, быстро пробежалась глазами по тексту. На вид ничего криминального.

— Следящее заклинание. Магические вектора и варианты конструкций. Сфера применения, — прочитала вслух и краем глаза посмотрела на Тая.

Мальчик, умильно сложив ладошки под щечку, с задорным блеском в умных глазах слушал меня с самым внимательным видом. Удивительный всё-таки мне достался ребенок. Сердце уже привычно наполнилось особой щемящей нежностью.

— Следящее заклинание, — заставляя себя сосредоточиться на тексте, прочитала я, — делится на несколько видов и нередко входит в состав заклинания, передающего не только место-положение объекта наблюдения, но и звук. Считается запрещенным в большинстве развитых государств Притэи и разрешено к использованию только служащим особых ведомств с уровнем дара не ниже шести. Важно знать, что для лиц с уровнем дара ниже шести, попытка создать подобное заклинание может окончиться необратимым выгоранием.

Неожиданно чтение увлекло меня. Я опасалась, что представленные в книге вектора и схемы окажутся слишком мудреными и совершенно недоступными для моего понимания, однако, новая непривычная информация воспринималась поразительно легко. словно я полжизни потратила на обучение всевозможным магическим премудростям.

Тай крепко уснул ещё где-то на разделе о пологе невидимости и благополучно проспал все остальные, надо сказать, весьма занимательные главы. Я же засиделась над книжкой далеко за полночь, повторяя пальцами необходимое для активации магических схем некое подобие буддистских мудр. Здесь они назывались *райсы*. Азарт от вырисовывающихся перспектив захватывал. Неужели совсем скоро я и в самом деле начну магичить?!

В итоге я и сама не заметила, как задремала. Утро, как это водится после бессонной ночи, наступило неожиданно и весьма экстремально. Громкий вопль, коим оказалась странная смесь воя и петушиного крика, заставил нас с Таем буквально подскочить на

постели.

Как оказалось, верещал Фру-фру. Столь радикальным способом он подавал нам знак, что ждет кормежки и, что совсем уж меня удивило, похоже, требует его выгулять, отказываясь справлять нужду в стоящий рядом лоток.

— Ты кто? — хмуро разглядывая это горластое чудовище, спросила я его, пытаюсь продрать воспаленные от недосыпа глаза. — Собака или порядочный хомяк?

Вместо ответа Фру-фру будто бы презрительно фыркнул и снова издал свой оглушительный вопль.

— Мама, почему он так кричит? — заволновался Тай.

— Лично меня больше всего интересует другое. Намерен ли он так орать каждое утро? — Тяжело вздохнув, поплелась натягивать на себя одежду. — Который сейчас, кстати, час?

— Семь пятнадцать, — тут же с готовностью ответил сынишка и, достав хомяка из клетки, утешающе прижал его к своей груди.

Я застонала от досады. Учítывая то, как начинается мой день, страшно представить, какие сюрпризы преподнесет вечер и проклятый прием, от которого никак не отвертеться.

В дверь постучали.

— Одевайся, — бросила я на ходу, направляясь её открыть. — Фру-фру нужно сводить на прогулку.

За дверью обнаружился Эльмар. Он стоял, всклокоченный со сна, в явно наспех натянутой одежде, однако совершенно не утративший того особого ореола превосходства, который всегда окружает знатных и могущественных мужчин. Я хорошо знала, о чем говорила, так как ярчайший образчик одного из них так же находился здесь, на шаг позади парня.

Оба — и Эльмар, и Рэт — выглядели то ли встревоженными, то ли озабоченными.

— Что за ужасные звуки доносятся из твоей комнаты? — потребовал отчета в свойственной ему властной манере Лорд.

— Я думал, что кого-то пытаются, — признался Эльмар и, видимо, убедившись в обратном, развернулся и скрылся в соседней спальне, где не так давно ночевал Каспар.

Учítывая, что все единогласно сочли рыжего моей персональной заботой, поселить его также решили в соседней комнате. Я и не думала возражать — Эльмару явно требовался пригляд. Чутьё подсказывало, что этот гордец с рабской меткой на породистом лице — мастак наживать себе неприятности. С завистью посмотрев ему вслед, я на ощупь собрала распущенные волосы и заплела их в косу. Подозреваю, что везунчик, в отличие от меня, отправился досматривать свой сон. Вообще замашки у парня были совсем не босяцкие, он явно привык спать до полудня.

— Мы готовы, — прерывая наши с Рэтом молчаливые гляделки и мои размышления, сообщил появившийся в дверном проеме Тай.

Его Высочество королевский хомяк забрался малышу на плечо и взирал оттуда на всех с видом истинного превосходства. Я невольно улыбнулась.

Рэтборн смотрел на сына с холодным, совершенно непроницаемым лицом. Под этим взглядом Тай заметно стушевался и побледнел.

«Нет, — подумала я, — так дело не пойдет».

— А мы ведем Фру-фру на прогулку, — положив свою руку на свободное плечо

мальчика, я бережно его приобняла. — Приглашаем тебя присоединиться.

Честно говоря, я действовала на удачу и совсем не ожидала, что надменный, несмотря на ранний час одетый с иголки, Лорд соизволит ответить согласием.

Мы вышли на заднее крыльцо, откуда вымощенная камнем тропинка вела прямо в розарий. Здесь же находились небольшой фонтан и увитая плющом тенистая беседка. Пожалуй, моё самое любимое место на всей прилегающей к особняку территории.

Фру-фру что-то зафырчал и стал переминаясь на лапках. Тай, будто бы понимая забавный язык своего питомца, осторожно спустил его на мраморные ступени и хомар, словно и в самом деле отлично вышколенный пес, послушно засеменил рядом. Достигнув подножия лестницы, зверек вдруг снова заверещал на всю округу и веером распустил яркий многоцветный хвост. Сходство с павлином вышло просто потрясающее и я расхохоталась, уткнувшись лбом в крепкое плечо шагавшего рядом главы Тайного Приказа.

Рэт на мгновение замер. Казалось, что он вот-вот отстранится, оскорбленный столь вопиющей фамильярностью, но нет. Он так и остался стоять, служа мне этакой живой подпоркой, ожидая, пока моё безудержное веселье не прекратится.

Этот поступок столь сильно не вязался с его обычным поведением, что я выпрямилась и с удивлением посмотрела на Рэта. И вновь его лицо совершенно ничего не выражало. И всё же, поступок говорил сам за себя.

— Я прочитала твою книжку, — решила завязать беседу.

— Прекрасно. После прогулки проверим, как ты усвоила материал.

— В библиотеке? — уточнила на всякий случай.

— В библиотеке, — подтвердил Рэт, и от меня не укрылось, каким мрачным предвкушением сверкнули его глаза.

Тело тут же наполнили приятное волнение и толика страха. Я понимала, как сильно увязла в своих неуместных чувствах и как больно мне будет выбираться из этого омута, если Рэтборн надумает подтвердить свою репутацию расчетливого бессердечного палача.

— Мама, мама! — громко позвал Тай и замахал руками, активно меня подзывая.

Я поспешила на зов.

— Что случилось, мой хороший?

— Фру-фру забрался в кусты и не хочет вылезать, — пожаловался Тай, и в самом деле не на шутку встревожившись.

Сегодня он впервые за долго время расстался со своим замызганным плюшевым зайцем, видимо, перенеся привязанность с игрушечного питомца на питомца живого и настоящего. К Фру-фру малыш относился очень серьезно и трепетно, поэтому сейчас хоть и старался изо всех сил не плакать, но глаза предательски блестели.

— Я думаю, нам нужно просто подождать и он сам от туда выберется, когда захочет есть.

— А если с ним что-то случится? Если он застрянет? Или кто-то на него нападет? — тут же атаковал вопросами Тай.

Привыкший к постоянным несчастьям, что прежде сыпались на малыша как из рога изобилия, он просто не мог поверить в то, что все благополучно разрешится само собой.

— Эх, — не скрыла огорчения, — нужно было сразу подумать о поводке.

— К тому же, неизвестно, как долго ваш хомяк решит отсиживаться в розах, — заметил Рэтборн. — Нас ждут дела и я не намерен терять своё время.

От этих слов Тай заволновался ещё больше. Всё выглядело так, будто взрослые сейчас

уйдут, бросив его один на один с проблемой.

— Лично я никуда не спешу, — поджав губы, объявила я и, понимая, что обдеру себе все — и лицо, и руки — решительным шагом направилась к кустам.

— Ай! — с досадой воскликнула, схватившись и уколотившись о первую же ветку кустарника.

— Это мардигарская черная красавица, — обхватив меня за плечо и вынуждая отойти в сторону, сообщил Рэт. — Она знаменита не только крупными цветами редкого темно-фиолетового цвета, но и чрезвычайно длинными острыми шипами.

Не понимая, к чему Лорд клонит, я смотрела, как Уркайский достает из кармана своего камзола тонкие кожаные перчатки и не спеша их надевает.

Ярость, густо замешанная на жгучей обиде, разъедала меня изнутри. Я неслась по просторному холлу второго этажа, не замечая, что оставляю за собою след из темных подпалин. Случилось то, о чем так настойчиво меня предупреждал здравый смысл.

Проклятому отмороженному Лорду очень быстро наскучило играть в благородство. Даже очередное свидание в библиотеке, разумеется, почти сразу переросшее в страстные поцелуи, не помешало ему сделать то, что он сделал.

— Сегодня на приеме будет присутствовать Эктор Озарийский, — велел явившейся на зов служанке подать нам чай и закуски, внезапно сообщил Рэт.

Подходил к концу второй час нашей приватной встречи. От взаимных ласк кружилась голова, и я с превеликим трудом держала себя в руках, не позволяя Уркайскому пойти дальше. В конце концов, убедившись в моей непреклонности, которая, кажется, порядком его удивила, Рэтборн временно отступил. Однако, по тому голоду, которым горели его странно-серые глаза, становилось ясно — уже очень скоро попытки добиться моей полной капитуляции возобновятся. Под этим многообещающим взглядом у меня внутри всё сладко сжималось и замирало.

А пока Лорд решил вернуться к делам насущным и проверить, как я усвоила новые знания. Минут сорок мы потратили на то, чтобы превратить хотя бы часть теории в практику. Тому, как легко мне давались сложные магические формулы, нельзя было не удивиться. Словно я и магия были просто созданы друг для друга. К концу увлекательного занятия, которое пролетело как один миг, мне уже были доступны основные приемы любого уважающего себя шпиона. Забавно, что следящее заклинание называлось «глаз», а передающее на расстояние звук — «ухо». Соединенные же вместе, они почему-то превращались в «комора».

Был ли Рэт доволен моими успехами, понять было сложно. В какой-то момент он снова будто бы отдалился, возведя между нами невидимую прочную стену. Я старалась относиться к подобным качелям с пониманием. Вряд ли следовало ожидать, что такой противоречивый ожесточенный человек, как он, в одно мгновение превратится в кого-то куда более открытого и стоворчивого.

Вот только того, что последовало дальше, я ни ожидать, ни понять, ни уж тем более простить не могла.

Мы сели перекусить, и Рэтборн завел злосчастный разговор. Если бы я знала, к чему всё это приведет, то сразу бы выплеснула содержимое своей чашки в его наглую физиономию.

— Он — подданный соседствующей с нами на востоке Тарквинии, — продолжил Лорд. — Если быть точным, двоюродный племянник месяц назад коронованного Маринуса

третьего. До недавнего времени, по данным разведки, Тарквиния готовила вторжение на Андалор. С приходом нового монарха обстановка резко изменилась. По крайней мере, они хотят, чтобы мы так считали. Эктор весьма близок к королю, хотя это и не афишируется. Он сильный маг и раскрыл всех, кого я пытался внедрить в его окружение.

Под ложечкой противно засосало от дурного предчувствия.

— По понятным причинам, — намекая на местные особенности половых различий, заметил Рэт, — некоторую беспечность он проявляет лишь в отношении женщин. Причем, предпочтения его весьма далеки от общепринятых идеалов.

Я снова удостоилась многозначительного взгляда, только в этот раз трепета он не вызывал. Глупое сердце отказывалось признавать надвигающуюся катастрофу.

— Тебе надлежит сделать всё, чтобы понравиться Озарийскому. Собственно, особо и делать-то ничего не придется, ты полностью в его вкусе. А уж с твоим поразительным талантом очаровывать даже самых недоверчивых, добиться того, чтобы он пожелал с тобой уединиться, будет не трудно.

— И для чего мне стремиться остаться с ним наедине? — не своим голосом поинтересовалась я.

Рэтборн, разумеется, тут же уловил моё отношение к происходящему, но даже и не подумал хоть как-то смягчить нанесенный им удар.

— Очевидно, чтобы навесить на него «комора». Для этого я тебя и готовил.

— Но разве он не почувствует магического воздействия? — не смогла скрыть своего недоумения.

— Совершенно точно — не сразу.

Делая вид, что приняла к сведению, отрывисто кивнула.

— А что мне делать, если он пожелает сделать наше знакомство более близким?.. — задала я решающий, проясняющий всё между нами вопрос.

Глава Тайного Приказа посмотрел на меня долгим давящим взглядом. На мгновение в груди даже вспыхнула робкая надежда, что сейчас он возьмет и отменит своё ужасное решение. Вспыхнула и погасла.

— В таком случае, ты сделаешь все, что нужно для дела, — с нажимом ответил он и напряженно замер, явно ожидая моих бурных протестов.

Но я не собиралась доставлять ему такое удовольствие и, медленно поднявшись с изящного, обтянутого набивным шёлком кресла, молча проследовала к выходу.

— Ты всё уяснила? — прилетело мне вослед, как контрольный выстрел в голову.

— Будь уверен — всё, — изо всех сил сдерживая рвущегося на свободу темного феникса, ответила, не оборачиваясь и, даже как следует не хлопнув дверью, вышла.

Снова я от него сбежала, только в этот раз совершенно раздавленная.

Теперь же, спеша в свою комнату, я, как безумная, то улыбалась, то остервенело вытирала с лица предательские слезы.

— А чего ты, собственно, дурочка, ожидала? — ища уединенное место подальше от этого мерзавца, спрашивала саму себя. — Все, в кого ты влюбляешься, рано или поздно тебя предадут.

Перед глазами, как назло, навязчиво всплывал момент, как Рэт, весь такой до невозможности благородный и красивый, с длинной царпиной на лбу, в безвозвратно испорченной одежде выносит из зарослей колючего кустарника спасенного Фру-фру и

вручает его в руки счастливому Таю. Как горят восторгом и восхищением глаза моего сынишки, как на мгновение смягчается линия вечно напряженного мужского рта. Словно Рэт впервые искренне хотел сказать ему что-то ободряющее...

Эта бередящая душу картина никак не желала меня оставлять. Отчего я начинала плакать и злиться ещё сильнее, пока, наконец, не прибежала в садовую беседку. Рухнув на деревянную скамью, закрыла лицо руками и глухо завывала не хуже пресловутого Фру-фру.

Живущая во мне хищная птица мщения всё яростнее рвалась на волю, искушая обещанием немедленно покарать жестокого обидчика. Это отрезвило. Каспар на своих лекциях не раз и не два рассказывал мне о магах, сломленных собственной силой. И хотя после очередного крушения моих наивных надежд мысль поддаться своей второй темной сущности казалась вполне себе выходом, все же мне было ради кого жить и сражаться. Едва это понимание оформилось в сознании, как на смену горькой опустошенности пришла спасительная злость.

— Что ж, драгоценный мой Лорд Уркайский, это была ваша большая, — тоном киношного злодея почти прошипела я, — очень большая ошибка.

10. Так себе Золушка

глава десятая

ТАК СЕБЕ ЗОЛУШКА

*Пуля очень многое меняет в голове,
даже если попадает в задницу.*

Аль Капоне

Комплекты новой, сшитой по моим меркам, одежды, как и было обещано, доставили ещё вчера. За пару часов до приема, который я про себя почему-то упорно называла балом, принесли и первое платье для выходов и дневных визитов. Вот только нарядиться я в него не могла, а должна была втиснуть свои изрядно схуднувшие, но всё ещё весьма сдобные тела в парадный мужской костюм, исполненный по военному образцу. Он состоял из тонких, весьма нескромно всё облегающих светлых брюк, высоких, до зеркального блеска начищенных сапог, кипенно-белой сорочки с высоким воротником, украшенным пышным жабо, и обильно расшитого золотым шнуром да вензелями удлиненного камзола темного винного цвета.

Моему коварному плану, который я замыслила, желая проучить надменного Лорда, этот наряд вполне себе подходил. Разве что камзол был длиннее, чем нужно, закрывая одну из самых стратегически важных частей моей выдающейся фигуры.

Вообще, надо отдать должное регулярным тренировкам, режиму питания и жиросжигающим свойствам пробудившейся магии, выглядела я теперь весьма и весьма недурно. Однако, похоже, настало время вспомнить своё ремесло и наконец превратить симпатичную пышечку в роковую красотку.

Оглядев себя с ног до головы в зеркале, я оценила фронт предстоящих работ и с азартом истинного Пигмалиона принялась за дело. Тай очень удачно что-то увлеченно строил из кубиков в детской под присмотром Эльмара, в компании дедушки и хомяка, с которым сынишка теперь был просто неразлучен.

Разумеется, Эльмар сопротивлялся идее сделать из него няньку для хозяйского сына, но после обещания взять его с собой на тренировку к беспощадному Ланзо позволил себя

уговорить. Так я убивала сразу двух зайцев — давала парню возможность восстановить силы, а также занимала его время, пока не придумаю какое-нибудь более полезное для юноши его возраста дело.

Я распахнула створки монструозного гардероба. Вот и настал звездный час чемоданчика с многочисленными профессиональными принадлежностями всякого уважающего себя стилиста, который по чистой случайности перекочевал вместе со мной в памятный день на Притяю.

Совсем позабытый хозяйкой, он сиротливо ожидал в шкафу своего эффектного появления, спрятанный за пуховиком и валенками. Пристроив своё сокровище на низкий кофейный столик, я раскрыла его, с тоской взирая на любимый утюжок для волос. К великому сожалению, розеток тут ещё не придумали и мне его совершенно не к чему было подключить. Впрочем, на ум тут же пришла злорадная идея воткнуть вилку кое-кому кое-куда. Глядишь, и ток появится.

Но не время было предаваться кровожадным фантазиям. На повестке дня проблемой номер один значился вопрос, как выходить из положения по части совершенно безобразно отросших темных корней? На задворках сознания ворочалась смутная мысль, что, возможно, где-то на самом дне чемоданчика мог завалиться тюбик блонда с оксидом. По счастью, до того момента, как меня свалила чернейшая из депрессий, я имела привычку держать про запас пару упаковок своей излюбленной краски.

— Боже, пускай мне повезет, — на мгновение истово взмолилась, скрестив пальцы на удачу. — Бинго! — воскликнула и принялась танцевать дикий африканский танец, словно первый воин племени, добывший по меньшей мере антилопу.

Когда я отыскала самое главное, такая мелочь, как отсутствие кисточки и перчаток уже вряд ли могла меня остановить.

Итак, с приведением головы в порядок всё на мази. Значит, самое время доработать свой костюм. Все женщины в моей семье шили. Я, пожалуй, освоила это ремесло не так хорошо, как мама, однако с иглой и ниткой все равно дружила.

Камзол, в котором мне предстояло выйти сегодня в свет, был скроен с отрезной талией. Поэтому мне ничего не стоило отпороть нижнюю часть и аккуратно подшить верхнюю. Таким нехитрым образом камзол превращался в эффектный укороченный жакет, который выгодно подчеркивал и грудь, и бедра. В сочетании с узкими светлыми брюками, заправленными в высокие сапоги, образ получался и приличный, и вызывающий одновременно. Тот самый подстегивающий воображение любого гетеросексуального мужчины вариант, когда всё вроде бы прикрыто, но отчего-то так и манит.

На Земле — теперь моя прошла реальность казалась не больше, чем сном о прошлой жизни — я никогда не испытывала недостатка в поклонниках. Но как-то враз навалившиеся невзгоды надолго отбили интерес к кокетству. Мужчинам я не доверяла. Боль от потери желанного ребенка каждый день разъедала душу подобно кислоте. Казалось, я никогда с этим не справлюсь, не выберусь из той липкой трясины, в которую угодила. Однако, всё каким-то немыслимым чудом переменялось. Возможно, это мама с небес своею любовью вымостила для меня тропинку к свету. Теперь у меня был Тай. Я, без сомнения, была очень нужна несчастному гордецу Эльмару, спятившему ундеру, да и ожесточенным братьям Уркайским, по сути, тоже.

Поэтому, посмотрев на себя в зеркало, хитро улыбнулась. Похоже, пришла пора вспомнить прежние женские таланты и немного встряхнуть местное светское болотце.

Как мне удалось заметить во время своего путешествия по столице, местные знатные девушки и женщины постарше имели примечательные, отличающие их от простолюдинок пластику, манеру говорить и двигаться. В этом крылась своя особая магия, которую было бы не лишним перенять.

Я долго тренировалась по вечерам в отсутствии свидетелей и в итоге добилась кое-каких успехов. Впрочем, то, что получилось у меня, все же несло отпечаток привычных для родного мира и времени повадок. Так что прекрасным лебедем, по местным меркам, я, пожалуй, так и не стала, зато вполне могла сойти за причудливую райскую птичку. Необычную и привлекательную. А то, что эта птичка иногда превращается в смертоносного темного феникса, предлагаю считать маленькой пикантной особенностью...

Словом, к сборам я приступила с рвением и даже в приподнятом настроении.

Окраска волос заняла немногим больше часа. Коррекция бровей — минут пятнадцать. Я даже умудрилась сделать маску для лица, смешав в равных пропорциях мед, яичный желток, сметану и овсяную муку. С прической и макияжем пришлось повозиться дольше всего. Зато в итоге, собрав свой образ воедино, едва не запрыгала от радости.

Такой Рэтборн меня ещё не видел, и я страстно желала, чтобы этот хронический женоненавистник, окончательно растерял свои напыщенность и невозмутимость. Предпочтительно, в то же мгновение, как только узрит роковую красотку в моем нескромном исполнении.

— Поторопитесь, сударь, вас уже ждут, — вслед за деликатным стуком в дверь спальни донесся голос служанки.

— Вот тебе и сударь, — пробормотала я, ещё раз придирчиво рассматривая себя в отражении.

Если бы год назад кто-то сказал, что я сочту свои далекие от модельного изящества формы красивыми, то я ни за что бы не поверила. До своей полноты, так же, как и многие, я была жертвой устоявшихся стереотипов, считая, что женщина весом более семидесяти килограммов быть привлекательной ну ни как не может. Однако, минувшие недели, проведенные в поместье Уркайских, что-то сильно во мне изменили. Теперь, несмотря на все свои мнимые несовершенства, я себе по-настоящему нравилась. Может, причиной тому был Тай, заполнивший собой болезненную пустоту в моем сердце, а может, безумный дядюшка Цвейг, взявший нас под свою ревностную опеку. Или же дело было в той удивительной волшебной силе, которая пробудилась во мне и временами была через край. Так или иначе, но вниз по парадной лестнице я спускалась весьма довольная собой.

— Кхе-кхе, — прокашлял, завидев меня, престарелый ундер.

Вместе с сыновьями он стоял внизу, в холле и внимательно изучал своего липового племянника, которого собирался впервые вывести в свет. Вот тут-то я и занервничала, внезапно обеспокоившись, что безумие старика отступит и он, наконец, опознает во мне женщину. Но, к счастью, волновалась я зря.

— Это что же? — удивился самый старший из Уркайских. — Теперь молодые знатные мужчины одеваются для высоких визитов так?..

Первым отмер золотоглазый Хэйден, глазающий на меня безо всякого стеснения и потрясенно, и насмешливо. Впрочем, изрядно ошарашенными выглядели все. И Ланзо, и Каспар, и даже Волкер, который точно крот из норы, наконец-то вылез из своих мрачных лабораторий. Рэт стоял дальше всех, наполовину скрытый тенью от соседней колонны.

Однако, даже через разделявшее нас расстояние я ощущала, насколько напряженным он был. Словно хищный зверь, затаившийся в засаде и не спускающий глаз со своей добычи.

Я загадочно улыбнулась и пожала плечами.

— Реджи у нас модник, отец, — с усмешкой пояснил «принц».

— Вот и молодец, — тут же одобрительно проскрипел ундер. — Хороший камзол порою не менее мощное оружие, чем заклинание.

— Полностью с вами согласен, дядюшка, — медленно спускаясь по лестнице, чувствуя, как струятся по плечам схваченные высоко на затылке подвитые волосы, почти что промурлыкала в ответ. — Вы обеспечили меня прекрасными учителями. — Я стрельнула глазками в сторону Каспара, которого новый образ своей ученицы, очевидно, чрезвычайно раззадорил. — И они доходчиво объяснили, что первое впечатление возможно произвести лишь раз и оно должно быть верным.

Ундер польщенно хмыкнул и горделиво раздул грудь, то и дело утвердительно кивая.

— Кстати, Реджи, — заявил он. — Я прежде не замечал у тебя столь знатной шевелюры. Ею ты тоже, должно быть, пошел в меня. — Старик погладил себя по безупречно отполированной лысине. — Остается лишь надеяться, что время тебя пощадит и твоя нынешняя прическа не превратится в мою теперешнюю.

Удивив всех собравшихся, в ответ на отцовское заявление вдруг легким тихим смехом разразился Волкер. Ундеру это веселье явно по нраву не пришлось, но комментировать он его не стал. Лишь с недобрый прищуром посмотрел на сына и, поджав губы, заковылял к выходу. Младший явно пользовался расположением большим, чем остальные братья. Впрочем, спутать его с любовью вряд ли было возможно.

Все потянулись на крыльцо к поданным экипажам. Оказалось, что по этикету на все статусные светские мероприятия считалось хорошим тоном прибывать на колясках, запряженных лошадьми. Самоходные же мобили, несмотря на их бешеную популярность и практичность, считались для этих целей недостаточно роскошными.

Я уже было переступила порог особняка, как крепкая мужская рука обвила мое предплечье и резко потянула назад. Входная дверь тихо хлопнула прямо перед носом, меня бесцеремонно развернули, и я оказалась лицом к лицу с разъяренным Лордом.

— Как ты выглядишь?! — прошипел он, буравя выцветшими от сдерживаемого гнева серыми глазами.

Я задрала подбородок и дерзко уточнила:

— Сногшибательно?

Ответить на мой выпад Рэтборн ничего не успел. Входная дверь снова приоткрылась и в образовавшемся проеме зазвучал голос Хэйдена:

— Вряд ли хорошая идея провоцировать феникса на магический всплеск.

Я растерянно оглянулась, понимая, что видеть нас принц ну никак не может. Однако, похоже, подобная мелочь совсем не помешала ему догадаться о попытке старшего брата меня отчитать.

— Отец уже начал дергаться, так что отложите свои разборки до возвращения домой, — рассудительно посоветовал он.

Рэт резко выдохнул сквозь стиснутые зубы и разжал руку.

— Схватишь меня ещё раз и я тебя поцелую... — пообещала злему, как тысяча чертей, Лорду и, развернувшись на каблуках, поспешила покинуть особняк.

— Спасибо, — шепнула на ходу улыбающемуся Хэйдену и похлопала его по плечу.

Настроение у меня было просто распрекрасным.

Однако, когда мы ждали своей очереди в образовавшейся на подъезде к особняку герцогини пробке, меня вновь одолел мандраж. Всё же склонностью к эпатажу я никогда не отличалась. А то, что наряд Реджи-поневоле вызовет настоящий скандал, сомневаться не приходилось.

Едва мы уселись в карету, как Рэтборн превратился в ледяную глыбу, лениво и равнодушно рассматривая меняющиеся пейзажи за окном. Он демонстративно отказывал мне даже в крупицах своего внимания, делая вид, что свалившаяся ему на голову самозванка просто перестала существовать.

В приступе бессильной злости я сжала кулаки, а потом повыше задрала нос, решив отплатить главному Лорду Тайного Приказа той же монетой.

В карете нас ехало четверо — кроме меня и Рэта старый ундер и Хэйд. Ундер дремал, что внушало определенную тревогу, уж больно сильно он сдал за последнее время, всё меньше бодрствуя и всё больше отдыхая. Хэйден, зеркаля старшего брата, также поглядывал в окно. Однако, его цепкий, полный лисьего коварства взгляд то и дело возвращался ко мне.

По иронии, вести непринужденную беседу в этой компании могла только я. Но мой единственный компаньон спал, Рэт изображал немое, а Хэйден в присутствии отца вообще избегал подавать голос. Подозреваю, по причине того, что принца ундер недолюбливал особенно рьяно. Я искренне сожалела об этом. Пожалуй, из всех сыновей рода Уркайских, золотоглазый вызывал у меня наибольшую человеческую симпатию и сочувствие.

Жаль, что тогда, под воздействием вина истины, мне не удалось разглядеть его магическую суть. Теперь подобные видения не пугали. Очевидно, так в измененном восприятии реальности проявлялась магия каждого из нас. Ещё неизвестно, как на тонком плане выглядела бы я сама.

На ум пришло заклинание из недавно проштудированного учебника, не столько запретное, сколько считающееся неприличным, нарушающим личные границы магараистократа. Сделалось так любопытно, что я не слишком-то вежливо уставилась на Хэйда практически в упор.

Губы, словно сами собой, беззвучно прошептали формулу, и пальцы, затянутые в белые мужские перчатки, едва заметно изобразили необходимую фигуру. В то же мгновение я вынужденно зажмурилась от ударившего по глазам яркого теплого света.

Прекрасное лицо принца словно облили жидким золотом. Оно растекалось, заполняя собой каждую впадинку, очень быстро превратившись в непроницаемую грозную маску. Остриженные чуть ниже плеч светлые волосы мужчины удлинились практически до талии и рассыпались по плечам, точно он был не человеком, а сказочным эльфом. Вечерний костюм темно-синего цвета внезапно обратился старинными золотыми доспехами. Теперь его сильная изящная рука опиралась вовсе не на трость, а на здоровенный палаш с символом бескрылого дракона, свернувшегося кольцом внутри солнца.

— Что такое? — всполошился дядюшка Цвейг, словно кто-то толкнул его под бок, вырывая из крепкой дремоты.

Концентрация моя нарушилась, и, ойкнув, я накренилась, будто под хмельком, тут же утратив способность видеть сокровище.

Зато скучающее выражение с лица обоих братьев слетело как по волшебству. Теперь и Рэт, и Хэйден смотрели на меня волками. Я изобразила раскаяние, машинально прикусила

нижнюю губу. Взгляд Лорда скользнул по моему рту и заметал молнии ещё сильнее. А вот Хэйд о чём-то напряженно задумался, медленно покачав головой.

— Всё в порядке, дядюшка. Мы почти приехали, — нарушая порядком надоевшую тишину, сообщила я ундеру. — Ну наконец-то! — ворчливо воскликнул старый маг и поправил платок, завязанный красивым причудливым узлом на морщинистой шее.

Несмотря на заявленную неформальность светского приема в городской резиденции герцогини Трындычевской, не обошлось без громогласных объявлений церемониймейстера. По заведенному порядку он сообщал о появлении того или иного высокопоставленного гостя или же целого семейства, как было в нашем случае.

Сначала, стоило нам оказаться на верхней части лестничной площадки, как по небольшому, роскошно оформленному залу, находящемуся на один длинный пролет ниже, пронесся легкий ветерок ленивого любопытства. Но стоило худому и высокому седовласому слуге в нарядной ливрее огласить имена статусы и титулы моих приемных родственничков, следом добавив многозначительное «с племянником», как интерес собравшейся публики возрос многократно. А уж после того как все распознали во мне женщину, внимание к нашей компании и вовсе сделалось практически неприличным.

Сколько я не готовилась к подобному эффекту, а он все равно застал врасплох. Не знаю случайно ли, или то была запланированная акция, но, спускаясь по лестнице, я почувствовала, как по правую руку встал Ланзо, а по левую — Хэйден. Словно два несокрушимых безмолвных телохранителя.

Первым шел ундер. На пол шага позади него Рэтборн. Я со своей неожиданной группой поддержки следом, Каспар чуть позади, а Волкер, подтверждая статус волка одиночки, замыкал наше весьма эффектное шествие.

— Очередные причуды, ундера? — донесся до меня шепот одного из вельмож, который, не слишком-то таясь, обсуждал «племянника» с изящной темноволосой красавицей, буравящей меня неожиданно тяжелым взглядом.

Она что-то ответила, прикрывшись веером, но что именно, разобрать не удалось. Учитывая очевидно недобрый интерес незнакомки, я сделала себе пометку к ней приглядеться. А ещё к окружающим меня мужчинам, так как чутьё подсказывало — без притязаний сердечного толка здесь точно не обошлось. В конце концов, братья семейства Уркайских являли собой яркий образец завидных женихов, особенно учитывая то немаловажное обстоятельство, что каждый из них до сих пор оставался холост.

Не прошло и получаса, как я убедилась в своих умозаключениях.

После череды обязательных знакомств и представлений, меня довольно быстро окружила стайка девиц на выданье. К удивлению, они с готовностью приняли предложенные правила игры, откровенно говоря, не слишком интересуясь моим специфическим положением. Парочка даже изъявила желание потанцевать руководствуясь единственной целью — воспользоваться "дружбой" Реджи и подобраться поближе к предмету своих матримониальных планов.

Вновь навалились переживания по поводу приписанной мне шутовской роли. Я чувствовала себя безвольной марионеткой, в руках ветреного кукловода, который вручал управляющие ваги* то одному, то другому. Спасибо черному фениксу, той вечно бунтующей части меня самой, совершенно не склонной к каким-либо пораженческим настроениям. Я быстро встряхнулась, возвращая себе бойцовский настрой.

Танцевать так танцевать! Почему бы и нет?! Кто сказал, что именно я должна быть источником информации для начинающих юных интриганок? Скорее уж наоборот...

Нужно отдать должное Хэйдену, вальсировать он научил меня прекрасно. А, учитывая командирский характер, вести в танце также не составляло труда. В партнерши я выбрала себе высокую, худую до прозрачности девушку, рыженькую и белокожую. Её переносицу и скулы покрывали золотистые веснушки, которых она явно очень стеснялась, злоупотребляя пудрой. Аристократку звали рия* Бетани, от остальных она отличалась бойкостью и болтливостью. Коими я и не замедлила воспользоваться.

— А что, к вам в уважаемом семействе Уркайских и в самом деле относятся как к мужчине?

Мы не успели сделать и круга по залу, как из уст Бетани прозвучал этот нескромный вопрос. Цели откровенничать с едва знакомым человеком я не имела, но для наведения справок следовало сломать первый лед. Поэтому ответила:

— По большей части, да.

— Но вы же женщина! — не удержалась от приглушенного восклицания девушка.

— Скажите это дядюшке, — я пожала плечами и улыбнулась так, точно не видела в этом ничего особенного.

— Простите за назойливость, — снова замялась партнерша по танцу, — но вы и в самом деле их родственница?

Было не трудно догадаться, что вопрос не праздный. Девушка пыталась оценить, насколько серьезной я являюсь для неё соперницей.

Вряд ли кто-то мог не заметить, что, рассредоточившись по залу, братья Уркайские не спускали с меня глаз, то ли оберегая, то ли имея иные скрытые мотивы.

Честно говоря, не паялился на нас с Бетани только ленивый. Я привлекала внимание вызывающим нарядом, Бетани тем, что рискнула встать со мной в пару. Надеюсь, столь дерзкий поступок не будет стоить девушке репутации.

— В самом деле, — утвердительно кивнув, ответила я на вопрос, — но очень дальняя.

Бетани постаралась не выдать своего недовольства, её тонкие брови буквально на секунду сошлись на переносице.

— О, — демонстративно кинув взгляд куда-то в сторону, вдруг выдохнула она, — похоже вы покорили нашего блистательного и недоступного посла из Тарквинии! Он так на вас смотрит...

Я перевела взгляд в указанную сторону и практически обалдела.

Передо мной стоял... Я зависла, подбирая подходящее сравнение — дракон в овечьей шкуре. Впрочем, эта самая шкура никак с ним не вязалась и сползала, точно истлевший покров.

В некоторых едва уловимых чертах Эктор Озарийский чем-то напоминал Каспара. Такой же темноволосый, холеный, с насмешливым прищуром разноцветных глаз. Но если многомудрый дамский угодник из семейства Уркайских был похож на лощеного хитрого лиса, то посол на его фоне казался матёрым огнедышащим ящером — созданием агрессивным и, что самое главное, совершенно этого не скрывающим.

Его одежда отличалась простотой и мрачностью. Но не была лишена аутентичности, так как скроенный по последней моде кафтан явно пошили из шкуры какой-то редкой антрацитово-черной рептилии. Данное обстоятельство само по себе бросало вызов царящим

среди андалорской знати устоям и делало его сходством с драконом в моих глазах почти пугающим.

Даже Рэт, с его склонностью к повседневной одежде лаконичных траурных цветов, не пренебрегал правилом посещать свет в костюме, отражающем его высокий статус.

Перед внутренним взором на мгновение возник образ его крупной, внушающей трепет фигуры в тройке цвета светлой стали, с большим вкусом украшенной серебряным шитьем и витыми шнурами. Из груди, растревоженное сим видением, едва не вырвалось глупое восторженное придыхание. К счастью, я вовремя себя одернула.

Однако, ради любви к истине следовало отметить, что сам Эктор легко мог составить конкуренцию предмету моих влажных фантазий.

Озарийский стоял у застекленных распахнутых дверей, которые, по всей видимости, вели на террасу, крутил в пальцах тонкую сигару и жадно меня разглядывал. От этого откровенного заинтересованного взгляда я почувствовала, как вот-вот начнут заплетаться ноги.

— Вот это экземпляр, — протянула под нос, побуждая себя вновь сосредоточиться на танце.

Моя партнерша понимающе хихикнула.

— Он месмерон, — будто это что-то должно было пояснить, сказала она. Но, видя моё замешательство, догадалась. — Вы не знаете, что это означает.

Я уклончиво промолчала, рассчитывая, что это побудит девушку продолжать.

— Мес-меро-низм — не очень уверенно, по слогам, тут же произнесла она оправдывая ожидания, — особая разновидность ментальной магии. Владеющие ей умеют внушать симпатию, располагать к себе и побуждать на уступки.

— Очень удобное свойство для дипломата, — заметила я и тут же временно позабыла про Озарийского, заметив среди кружащихся на паркете ту, о ком хотела бы порасспросить.

— Вы, случаем, не подскажете, кто вон та темноволосая рия в фиолетовом?

Бетани даже не пришлось искать глазами объект моего любопытства. Гостей по местным меркам на прием герцогини собралось не много и только одна из дам была в приметном фиолетовом платье.

— Ах, вы верно тоже отметили этот изумительный наряд госпожи Лиры Свирской. Жаль незамужним риям полагается носить только пастельные тона.

В глубине души я понимала страдания Бетани, учитывая её тип внешности, бледные размытые цвета украшали девушку не слишком. Зато глубокие спокойные оттенки пошли бы ей несомненно гораздо больше.

— И в самом деле, ансамбль замечательный, — решила подыграть, дабы не вызвать подозрений своей очевидной заинтересованностью. — Так госпожа замужем?

Тут звуки легкой приятной мелодии смолкли, и мы с Бетани, соблюдая все полагающиеся церемонии, друг другу раскланялись.

— Да, — вспыхнув щеками от смущения, но упорно играя на публику, ответила рия, — замужем и пользуется большим успехом в свете. Честно говоря, на прошлом дворцовом маскараде её провозгласили первой красавицей королевства.

Как Бетани ни старалась, а скрыть ноток досады в голосе ей так и не удалось.

— Её супруг, казначей его величества, давно уже в годах, но для молодой жены ничего не жалеет. К сожалению, в последний год его одолели частые хвори. Поэтому госпожа Свирская всё чаще выезжает одна. Говорит, муж не желает, чтобы она отказывала себе в

невинных радостях достойного общения.

Всё ясно, подумала про себя, муж хиреет, а молодая почти вдова времени даром не теряет.

Я нашла глазами скучающего в компании незнакомых молодых мужчин Хэйдена с Каспаром и решительно двинулась в их направление. Тонкая, затянутая в шелковую перчатку ладошка рии, согласно диктату придворного этикета, невесомо покоилась на сгибе моего локтя. Чувствовала я себя при этом полной дурой, однако выбирать не приходилось. Отсиживаться робкой молью в тени, значит признать полное поражение. А капитуляция вовсе не то, чего жаждала моя пылающая праведным гневом душа после недавних событий в библиотеке.

Когда до Бетани дошло куда я её веду, она разве что не подпрыгнула от удовольствия. И в самом деле, от братьев Уркайских не убудет, а девушка явно заслуживает чтобы её смелость хотя бы отчасти окупилась. К тому же, под прикрытием её компании мне было проще как бы невзначай разглядывать зал и интересующих персон. В частности, эту самую Балалайку, то есть Лиру которая, не теряя времени даром, уже успела завести разговор с кем бы вы думали? С моим Рэтом! Причем, негодю кажется нравилось внимание темноволосой светской львицы, по крайней мере, слушал он её крайне внимательно.

Удушливая черная ревность острыми когтями вцепилась в мое сердце. Феникс взволнованно заворочался, посылая по телу импульс тяжелой вязкой магии. Я не на шутку испугалась неконтролируемого всплеска, поэтому поспешила хоть как-то себя отвлечь. Любопытные, далекие от почтительности взгляды мужчин, стоящих подле моих названных родственников, очень этому помогали.

Впрочем, как только Хэйдет с Каспаром уловили общий настрой своих приятелей, так тут же дали им понять, что никаких оскорбительных намеков в мой адрес не потерпят. Выглядели они при это до того внушительно, что игнорировать их посыл никто не посмел.

— Господа, — соблюдая порядок, обратился к присутствующим Хэйд, — позвольте вам представить нашу кузину, рию Аду.

Я как можно более величественно кивнула головой, не имея возможности изобразить приличествующий случаю книксен. Все же, выполнять подобные па, будучи в упакованной в тесные облегающие брюки, не лучшее решение.

— А это моя подруга рия Бетани, наверняка многие с нею уже знакомы — в свою очередь представила я девушку, обилие белил на лице которой совершенно не справлялись с отчаянно ярким румянцем на её округлых щеках.

Затем в игру вступил Каспар, он быстренько представил нам каждого, и мужчины, как и полагается, отвесили по сдержанному поклону.

— Не забудьте представить и меня, — донесся откуда-то из-за спины приятный басовитый голос.

Я повернулась, почти уткнувшись носом в могучую, затянутую черной кожей экзотического кафтана грудь.

— Разумеется, господин посол, — тут же отозвался Каспар, и я решила поднять глаза.

— Эктор Озарийский, посол Тарквинии при дворе его высочества Арно IX.

На меня смотрели две бездны. Одна цвета болотистой тины, вторая крепко-заваренного чая. Я так увлеклась их изучением, что не заметила, как образовалась неловкая пауза.

— Ада Реджина Верольская, — пытаюсь стряхнуть с себя буквально магнетическое

влияние нового знакомого, произнесла, пожалуй, слишком тихо.

Но посол прекрасно всё расслышал, не преминув перехватить мою руку и галантно её пожать.

Целовать дамам ручку в Андолоре было не принято, однако вежливое пожатие при знакомстве позволялось. Вот только, как правило, в отношении женщин замужних или вдовых. Подобные авансы в сторону рии на выданье легко могли счесть декларацией о намерениях. Вряд ли Озарийский был не в курсе подобных деталей и всё же поступил по-своему. Что это, очередное поправление приличий или же открытое выражение симпатий? Я не на шутку озадачилась, а услышав прозвучавший из его уст вопрос, поняла — Эктор пошел в наступление.

— А я слышал, что в списке гостей, вы значитесь как Реджинальд де Грасси.

Эта дерзкая прямолинейность меня неожиданно развеселила. Может Озарийский планировал так меня смутить, однако вряд ли после прилюдного вальса с дебютанткой в качестве её партнера, подобная малость могла как-то меня потревожить.

Все, кто стоял подле нас, хранили заинтересованное молчание. Бетани продолжала премило розоветь, Каспар хмурился, а Хэйден выглядел опасно задумчивым. Откуда-то я знала: случись что-то по-настоящему мне угрожающее, названные родственники, не медля, придут на подмогу.

Остальные же молодые люди из компании братьев в количестве трех человек следили за происходящим с откровенным любопытством.

— Господа, — обратилась я к Каспару и Хэйду, — если вы не возражаете, мы с послом прогуляемся по соседнему залу, а то из-за танцев здесь стало душновато.

По теням, замелькавшим на дне глаз Каспара, стало ясно — идея ему не по душе. Однако он переглянулся с братом, и они оба утвердительно кивнули.

— Тогда проводите Бетани к её...

— Матушке, — подсказала рия, довольная возможностью у всех на виду пройти с одним из самых завидных холостяков королевства.

— Ну что, — хитро улыбнулась я Озарийскому, вновь обрушив на него всё свое внимание, — вам интересно послушать мою увлекательную историю?

— Весьма, — склонив голову на бок, отозвался он.

— Тогда совершим наш променад, — напутствовала я и воспользовалась предложенной рукой.

Предположу, что выглядела наша парочка весьма примечательно. Но недолго поразмышляв над этим, я решила не забивать себе голову. Главное просто не попасть на глаза дядюшке Цвейгу. Он моих прогулок под руку с потенциальным врагом государства уж точно не оценит. Не говоря уже о том, что обращался этот самый враг со мной как и полагается аристократу в отношении женщины знатного происхождения.

— Итак... — не желая откладывать в долгий ящик обещанную откровенность, протянул Озарийский.

— Учитывая, что вы уже успели навести справки, — начала я, — вы знаете, что мой дядюшка, увы, не вполне здоров. Врачи запретили нам развеивать его иллюзии, дабы не спровоцировать кризис. Поэтому, в некотором смысле, мне пришлось стать Реджинальдом — не племянницей, а племянником.

— Весьма смело с вашей стороны, — отозвался Эктор, беззлобно посмеиваясь и увлекая меня в дальний укромный уголок зала, обустроенного как просторная гостиная.

Множество мебельных групп обитаемыми островками были разбросаны по помещению. Здесь в основном засели игроки в салонные игры, которые считались дозволительными для высоких светских раутов.

Так что, формально усевшись в два стоящих вблизи друг друга кресла, никаких норм приличий мы не нарушали. Даже учитывая тот факт, что я не состояла в браке и, уж тем более, не была вдовой. По счастью, невинной семнадцатилетней девчонкой я не была тоже. Поэтому смело могла считаться старой девой, которые здесь, к счастью, пользовались некоторой свободой.

В лучших традициях любовного романа, наш укромный уголок обрамляли большие кадки с живыми растениями, которые весьма удачно создавали густую интимную тень. Буквально в последний момент, нырнув за живописное укрытие, я краем глаза заметила, как в зал вошел Рэтборн. Создавалось впечатление, что он кого-то высматривает...

Наши взгляды встретились. Рэт едва заметно нахмурился. По моему сердцу разлилось тепло робкой надежды, но я тут же себя приструнила. А то что получается? Он будет ноги об меня вытирать, а я согласно страдать в сторонке? Вот уж нет!

Я лучезарно улыбнулась Озарийскому, про себя лихорадочно решая, следовать ли указаниям своего несносного начальника или же нет. Пока мне плохо представлялось, как реализовать его шпионское задание чисто технически. Да и чувствовалось в этом поступке что-то гнусное.

Конечно, посол наверняка и сам был далеко не простофиля и уж тем более не походил на беспомощного ягненка. Точно нет. Не с такими полезными магическими козырями в рукаве. Скорее всего, Эктор точно так же, как Рэт, не чурался грязных методов разведки, однако, быть частью сего порочного звена я не желала от слова совсем. И всё же, на кону стояло моё право растить Тая как своего сына. Могла ли я ослушаться и потерять самое главное?

К сожалению, ответ был очевиден.

— Смело? — продолжая ненадолго прерванный разговор, как бы переспросила я. — Пожалуй. Но если задуматься о том, что лежит на другой стороне весов, то переодеться в мужское — не столь и большая жертва.

— Вы наделали много шума, — заметил Эктор.

Кресла, на которых мы с комфортом устроились, были поставлена очень близко, немного под углом друг к другу, из-за чего наше общение с Озарийским получалось несколько интимным.

- Отмечу, что и вы тоже...

Глаза «дракона» мрачно сверкнули, и я сильно пожалела, что мой наряд не предполагал экипировки веером. Сейчас как никогда хотелось обдать своё лицо порцией освежающего ветерка.

— К тому же, ещё не вечер, — ответила расхожей земной поговоркой, намекая на то, что возможно, с сенсациями на сегодня не покончено.

Эктор, соглашаясь с прозвучавшим доводом, растянул губы в коварной улыбке и кивнул.

— Вы запланировали что-то конкретное? — спросил он, посмеиваясь.

— Совершенно точно — нет. Но опыт минувших лет красноречиво говорит, что приключения находят меня сами.

Отчего-то не имеющая никакого фривольного подтекста фраза прозвучала как-то двусмысленно. Возможно, виновато в том было возникшее между нами притяжение.

Притяжение, которое росло и казалось подавляющим.

«Магия! — вдруг догадалась я. — Эктор воздействовал на меня своим даром!»

Исходя из того, насколько меня успели поднатаскать в теории колдовских наук братья Уркайские, я знала — любые чары влияния сильнее всего действовали на немагов, слабея по мере возрастания уровня магической силы у того или иного носителя. По расчетам Озарийского у меня, как у женщины, не было никаких шансов противостоять его навеянному магнетизму.

Стоило это понять, как всякие сомнения по части подсадки на посла «комора» испарились. Сделаю своё дело и пускай эти заигравшиеся в Богов великовозрастные скверные мальчишки разбираются друг с другом сами.

Вот только чтобы проверить это, следовало Эктору подыграть. Соображать приходилось быстро. Пожалуй, для начала изображу игривый, но слегка туповатый взгляд и немного качнусь вперед, как бы навстречу предмету своего показного обожания.

Последнее оказалось пугающе легким делом. Похоже, несмотря на свой лишенный всякой чести поступок, Озарийский все равно мне нравился. Чувствовались в нем истинная природная харизма и особая мужская сила, которую просто невозможно подделать. К тому же, то, с каким трудом я на самом деле отбивалась от его сокрушительного влияния, говорило лишь об одном: посол — маг семерка!

Интересно, отправляя меня на задание, Рэтборн умолчал об этой «мелочи» сознательно или же и сам не владел подобной информацией? Я пообещала себе разобраться с этим позже. Если, конечно, выберусь из данной передрыги с мозгами, не запекшимися до состояния хлебного пудинга.

— Позвольте мне признаться, пленительная рия Ада, — видя мою податливость, перешел в наступление Эктор, — я никогда не встречал женщины, подобной вам.

Горячая мужская рука, лишенная перчатки, коснулась моей, которая каким-то образом тоже умудрилась её потерять.

— Вот как? — проворковала едва слышно, делая вид, что не замечаю этой удивительной пропажи. — И что же во мне такого особенного? Кюлоты? Вы никогда не видели женщину в штанах?

— И это тоже, — тихо искушающе рассмеявшись, ответил посол и принялся осторожно, кончиками длинных ухоженных пальцев вырисовывать на моём запястье какие-то взрывоопасные вензеля.

«Очень хорошо», — подумала я, тяжело сглотнув.

Для незаметной подсадки следящих чар требуется прямой контакт. В идеале — кожа к коже. Оставалась самая малость. Как-то отвлечь посла в момент посылы закрепляющего магическую формулу импульса

На ум, как назло, приходили одни банальности: вскочить, вцепившись клещом в Озарийского, изображая внезапный испуг; свалиться в обморок, словно от переизбытка чувств и обрушенной на меня магии; поцеловать... Тем более, наши головы были так близко склонены друг к другу, что я чувствовала, как колышется завиток выпущенного у виска локона от жаркого мужского дыхания.

Каждый вариант был по-своему плох. Каждый выставлял меня то истеричкой, то ипохондричкой, то распутницей. Лишь в одном крылся небольшой и, надо сказать, весьма сомнительный плюс — возможность отомстить и удовлетворить своё женское любопытство.

Взгляд против воли соскользнул на губы Эктора. Красивые, к слову говоря, губы.

Полные, чувственные, ни капли не слащавые. Внезапно я четко осознала как следует действовать.

Колдовская формула всплыла в голове так легко, словно только того и поджидала. Черный феникс щедро делился своей силой, однако главным здесь была не мощь, а мастерство. Я опьянела от бегущей по венам магии так быстро и так стремительно, что роковой взгляд из-под опухших век не пришлось даже изображать.

Похоже, Озарийский не ожидал столь сокрушительного эффекта и, отзеркалив его, сам попал под магию собственного притяжения. В момент, когда заклинание слежения невесомой дымкой опустилось на плечи посла, я сама подалась вперед, целуя Эктора в уголок манящего рта.

Мгновение на завершающий импульс, короткое дерзкое прикосновение и секунда, чтобы смущенно отпрянуть.

Мы посмотрели друг другу в глаза. В этом прямом противостоянии чувствовалась какая-то особая откровенность. Отчего-то Озарийский выглядел потрясенным. Поначалу я даже не заметила, как властно мужская ладонь обхватила моё запястье. Словно лев, настигший антилопу, поставил лапу на тушу вождельной добычи, обозначая тем самым свою собственность.

— Вы никогда не задумывались о том, чтобы посетить Тарквинию? — искушающим голосом спросил посол, вкладывая в эту фразу смысл, который я не могла до конца понять.

— Нет, — ответила практически шёпотом и попыталась освободить свою руку из плена. Но Эктор продолжал меня удерживать, делая вид, что не замечает пока ещё деликатного сопротивления.

— Почему бы вам не отправиться туда со мной?

— Почему бы вам не убрать от неё свои руки, господин посол? — заставив моё сердце сорваться в неистовый галоп, сухо и вместе с тем угрожающе спросил Рэтборн.

Он возник перед нами, как черт из табакерки. Сизо-серые глаза метали ледяные молнии, лицо превратилось в неподвижную маску прирожденного убийцы. Таким я Рэта ещё никогда не видела и изрядно напугалась.

— Реджи, я искал тебя, — «обрадовал» он меня.

Я не нашлась с ответом и, наконец высвободив свою руку, поднялась. Эктор, удерживать не стал. Он растянул губы в медленной понимающей улыбке и вальяжно откинулся на спинку кресла.

— Бесконечно рад нашему знакомству, рия Ада, — не прекращая зрительной дуэли с Рэтборном, выдал дракон.

Похоже, он совсем не страшился очевидного гнева главы Тайного Приказа.

А меж тем, будучи старшим в роду, по крайней мере, из тех, кто пребывал в своем уме, Рэт вполне мог наплевать на дипломатический статус высокого гостя и призвать того к ответу. Для всех я всё ещё являлась его опекаемой незамужней родственницей. И застиг он меня в компрометирующий момент с мужчиной, который даже близко не стоял к статусу одобренного жениха.

По счастью, видел эту пикантную маленькую шалость только Рэтборн. Не знаю, как бы повернулась ситуация, будь он не единственным свидетелем.

— Ступай, — сделав шаг в сторону, велел мне Лорд.

Я сделала вид, что подчиняюсь, но в последний момент оглянулась и проворковала:

— Взаимно, Эктор. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся с вами при других

обстоятельствах. Я буду в платье и вы сможете пригласить меня на танец.

Всё, каждое моё слово было грубейшим нарушением норм светского этикета.

— Почту за честь.

Эктор с грацией, удивительной для его весьма массивного телосложения, поднялся на ноги и учтиво мне поклонился. Я ответила легким кивком, подмечая, каким холодным вокруг нас делается воздух.

Наконец-то отмщённая душа ликовала. Моя маленькая месть удалась.

— Ступай, — ещё раз с нажимом повторил Рэтборн и я не придумала ничего лучше, как вильнув задницей, гордо прошествовать прочь.

— Наконец-то! — прозвучал пронзительный старческий голос, едва я миновала кадки с растениями и стала пересекать зал.

Этот голос, характерно дребезжащий, какой бывает у темпераментных и очень пожилых людей, ржавой пилой прошелся по нервам собравшихся.

Многие даже вздрогнули. Прежде я наверняка последовала бы их примеру, но жизнь с ундером быстро приучила меня к подобным звуковым «атакам».

— Наконец-то я вижу женщину, созданную рожать, а не дрожать! — тем временем продолжала громогласно вещать старуха весьма одиозного, если не сказать безумного вида.

В легком облаке пара она вкатилась в помещение на причудливом механизированном кресле-каталке, нарочито обильно украшенном драгоценными камнями и позолотой. Сидящая в нем чрезвычайно худая морщинистая женщина была облачена в парчовое платье отчаянно оранжевого цвета с бесчисленными фестонами и бантами. На ногах, сверкая замысловатыми пряжками, красовались остроносые алые туфли, а голову венчал высокий, точно Пизанская башня, белый парик. Его украшала немаленьких размеров клетка с самой, что ни на есть, живой канарейкой внутри. Бедная птичка время от времени начинала истошно махать крыльями, всеми силами пытаясь удержать равновесие на раскачивающейся в такт женским движениям жердочке.

— Вот! Вот какой должна быть настоящая аристократка! — все не унималась старушка, и я, к своему удивлению, обнаружила, что вещает она не о комнибудь, а обо мне.

Нацеленный в мою сторону подрагивающий палец с узелками выступающих суставов красноречиво об этом свидетельствовал.

Все именитые гости, присутствующие в этот момент в игровой, заинтригованные происходящим, принялись с интересом нас разглядывать.

— Не обращай внимания, — прошептал сквозь уголок сжатого рта возникший словно из-под земли дядюшка Цвейг. — Графиня Унна фон Лару — старая чудачка, всегда была себе на уме, а на закате лет и вовсе спятила. Это надо же! Признать в тебе женщину! — все также шепотом возмутился ундер, но вида не подал. — Вот только спорить с ней все же не стоит. Она — любимая тётушка короля... — многозначительно протянул он и тут же приказал: — Так что подыгрывай, какую бы чушь старуха ни молоча.

Я в неверии уставилась на опекуна. История всё больше и больше приобретала черты дешевого водевиля. Где это видано, чтобы один безумец критиковал безумие другого?!

— Подойди же скорее, дитя моё! — повелительным жестом позвала графиня, и я почувствовала, как ундер пытается незаметно меня подтолкнуть ей навстречу.

Делать было нечего. Я привлекала слишком много внимания. Оставалась маленькая надежда изобразить рядовое знакомство, перекинуться парочкой ничего незначащих фраз и

как можно быстрее любезно откланяться. Но не тут-то было!

— Ах, мин сальмон*, что за статья, что за формы! — едва ундер представил нас друг другу, даже не думая понижать голос, принялась изливать свои восторги старушка. — Наконец-то я вижу истинный эталон женщины. Тело, полное жизни и энергии. Какие волосы, какие глаза, какие бедра! — практически выкрикивая, перечислила фон Лару наиболее приглянувшиеся ей части. — Не то что эти... — скривив губы, точно съела нечто крайне кислое, графиня кивнула в сторону стайки стоящих у дальней стены дебютанток.

Все, как одна, были худы до прозрачности, с гладкими низкими прическами и вечерними туалетами, делающими их ещё более хрупкими, безликими и практически бесполоыми.

— Что за преступная мода на никчемность?! — риторически спросила она. — В моё время девушки знатных родов ещё что-то из себя представляли. А что теперь? Тошная бледная немощ. Ни ума, ни талантов, ни тела, способного выносить здорового ребенка.

Последнее заявление подняло во мне шквал возмущения. И хотя признанный идеал местной красавицы и в самом деле ничего кроме скуки не вызывал, всё же я бы не спешила утверждать, что широкие бедра и упитанность — залог счастливого материнства. Не я ли сама была тому красноречивым доказательством? Однако у старухи на сей счет было своё категоричное мнение и, по странному стечению обстоятельств, оно бессовестно мне льстило.

— Много ты понимаешь! — фыркнул себе под нос ундер, но был услышан.

— Да уж побольше твоего, — не осталась в долгу графиня. — И вообще, я не давала дозволения разговаривать со мной. Я тебе ещё не простила своей дорогой Флодиры. Жаль, она была чересчур милосердна и не отравила тебя, как я ей советовала.

Путем нехитрых умозаключений, я предположила, что речь идет об одной из жен старого вояки. Кажется, о матери Волкера, обладающей выдающейся памятью и тягой к науке.

Ундер с видом победившего в споре раздражающе ухмыльнулся и оставил выпад графини без ответа.

— Лучше расскажи, мин сальмон, что ты делаешь в компании этого кошмарного старикашки? — вновь переключила свое внимание на меня женщина с канарейкой. — Неужто ему повезло занять приличную невесту одному из своих великовозрастных сыновей?

В ответ на её слова я неожиданно и для себя, и для ундера заметно покраснелась. Впрочем, дядюшка решил, что причина моего смущения кроется в том, что графиня оскорбила его племянника, назвав «невестой». Едва эта мысль в нём укоренилась, как он ринулся на мою защиту, совершенно позабыв про собственный совет подпевать влиятельной старухе.

— Что ты несешь, слепая гусыня? Неужели совсем не видишь, что перед тобой парень? — набросился он на неё, вгоняя меня в ужас разоблачения.

— Какой парень, лысый пень? Только безумец назовет этот сочный бутон — мужчиной! — стояла на своем старушка.

— Только сумасшедшая нацепит на свою голову клетку с орущей и гадящей курицей! — вернул любезность дядюшка.

— Сам ты гадишь! Лип-Люп воспитанная птица! — задохнулась от возмущения графиня фон Лару.

Я засмеялась. Немножко истерично, учитывая сопутствующие обстоятельства. Оба — и ундер, и графиня — посмотрели на меня осуждающе.

— Что ж, — внезапно старушка стала спокойна, как сфинкс, — парень так парень.

Она манерно поправила прическу и сделала знак лакею, чтобы тот подал ей бокал. В омутах её зеленых, почти кошачьих глаз плясали джигу все черти Преисподней.

Затем её взгляд скользнул поверх моего плеча, и она, сделав солидный глоток, приподняла острый подбородок, словно показывая им куда-то за спину. Я инстинктивно оглянулась, тут же заметив Рэтборна, шагающего к нам через зал решительным, вызывающим дрожь тревоги и трепета шагом.

Выглядел он властным и пугающе недоступным. И в то же время, я откуда-то точно знала, что под этой внешней непроницаемой маской жестокосердного хозяина жизни бушует целый океан эмоций и нешуточных страстей.

В частности сейчас... Рэт был зол.

— Госпожа фон Лару, — поприветствовал Рэтборн престарелую графиню, умудрившись отвесить легкий поклон с надменным совершенством.

Та ему благосклонно кивнула в ответ, искривив тонкие морщинистые губы в ехидной улыбочке. Что ни говори, а вид эта пожившая акула света имела такой, что инстинкт самосохранения настоятельно убеждал с нею считаться.

— Как вовремя вы появились, — скосив глаза в сторону ундера, проскрипела старуха. — У нас тут с вашим отцом завязался один любопытный спор...

Я в ужасе застыла, понимая, к чему графиня клонит. Неизвестно, чем дело кончится, если главе Тайного Приказа придется в открытую признать перед своим спятившим родителем, что его воспитанник — вовсе не племянник, а в некотором роде племянница.

— Чуть позже я обязательно послушаю о предмете вашего спора, — видимо, догадавшись о грядущей катастрофе, перехватил инициативу Лорд и, весьма бесцеремонно подхватив меня под локоть, потянул на себя. — А сейчас буду вынужден похитить у вас Рэджи. Дело государственной важности.

Его мечущий молнии потемневший до состояния мокрого асфальта взгляд не предвещал ничего хорошего, однако, в сложившихся обстоятельствах этот гнев казался меньшим из зол. Я не стала упираться и покладисто встала возле его правого плеча.

— Вот как? — снова усмехнулась старуха и с победным видом посмотрела на ундера.

Однако, по иронии обстоятельств, Дядюшка Цвейг вовсе не выглядел проигравшим, в свою очередь посматривая на графиню с выражением крайнего самодовольства.

Наблюдая за всем этим, я лишь в недоумении гадала, какие мысли посещали головы этих прожженных интриганов.

— Тогда не смею вас задерживать, — с видом царствующей особы протянула фон Лару и небрежно взмахнула пальцами, словно позволяя нам удалиться.

— А вот я вас, пожалуй, задержу. — Речь появившегося словно из воздуха посла звучала решительно.

Где-то на заднем фоне многозначительно хихикнула графиня, а рука, так и сжимающая мой локоть, ощутимо напряглась. Если бы не плотная ткань камзола, наверняка, я бы обзавелась свежими синяками.

— Позвольте пригласить вас на ближайший тур рилса*, - игнорируя Рэтборна, обратился ко мне Эктор Озарийский.

Я скосила глаза вбок, мгновенно оценивая закаменевшую линию плеч Лорда и его

подчеркнуто равнодушное выражение лица. В груди снова всколыхнулась обида. Поведение старшего сына ундера сбивало с толку. Он напоминал мне пресловутую «собаку на сене» — и сам не ам, и другому не дам. При таком раскладе поведение прущего напролом Озарийского выглядело, пожалуй, даже привлекательно.

Понимая, что повсюду любопытные уши, я утвердительно кивнула, стараясь, чтобы этот самый кивок заметил только тот, кому он предназначался.

Озарийский блеснул ослепительной улыбкой и, удовлетворенный результатом своей атаки, отступил в сторону.

И снова хватка на моей руке усилилась, заставив болезненно поморщиться. Мужчины на мгновение схлестнулись взглядами, а затем Рэтборн куда-то меня повел.

— Не понимаю, — едва мы оказались в длинном безлюдном пространстве портретной галереи, процедила я сквозь зубы, попутно пытаясь вырваться из стального захвата Лорда. — Я действую в точности с вашими указаниями и выполнила всё, о чём вы меня просили! Так в чем же дело?! Почему вы смотрите на меня волком и выглядите так, словно вот-вот начнете плевать огнём?

Рэтборн молчал, упорно таращась куда-то вдаль с ничего не выражающей, едва ли не скучающей миной. Но обмануть меня у него не получалось. Разумеется, только от скуки он притащил меня сюда и теперь упорно делает вид, что не при делах. Я сложила на груди руки и призвала себя к спокойствию.

— Комар подсажен? — напроочь игнорируя брошенный в его адрес вопрос, сухо уточнил Рэт.

— В лучшем виде, — не стала я отпираться, хотя яда в голос всё же подпустила. А потом не удержалась и добавила: — Это было даже приятно...

Лорд медленно повернул голову, наконец соизволив обратить на меня своё сиятельное внимание.

— Похоже, я очень приглянулась господину послу... — тем временем, продолжала закреплять достигнутый успех и «дергать тигра за усы». — Надеюсь, в ваши планы не входит серьезно ему навредить?

— Тебя заботит его судьба? — Очередной вопрос лорда прозвучал так, словно тот выскочил из него без спроса, и теперь глава Тайного Приказа досадует на собственную несдержанность.

Я тихо ликовала. Очевидно, вовсе не тема «комара» так остро заботила Рэтборна, раз он, рискуя окончательно меня оскандалить, инициировал этот странный разговор наедине. Вот только какую цель он преследовал на этот раз?

— А вам не всё ли равно, что меня заботит? — в лучших традициях еврейской темы ответила я вопросом на вопрос.

— Я начинаю думать, Реджи, что тебе нравится меня злить.

Внезапно крупная ладонь, затянутая в перчатку, коснулась моей щеки и не спеша её погладила.

Вздыхая застрял в горле, и я недоверчиво покосилась на сильную руку, дарящую ласку.

— У меня встречные подозрения, — парировала, стараясь, чтобы голос не дрожал от подступившего волнения.

Этот невозможный мужчина постоянно выбивал из-под моих ног почву. И хотя я прекрасно понимала, что его действия — это не более, чем попытка манипулировать, от ласкового прикосновения все равно теплело в животе и подкашивались ноги. Пресловутое

притяжение между нами никуда не делось и сейчас по новой набирало силу, словно растущее цунами, готовое обрушиться на незащищенную сушу.

Рэт скупно улыбнулся, и у меня захватило дыхание от того, насколько красивым сделалось его суровое, вечно непримиримое лицо. Пускай всего на мгновение, но его хватило, чтобы спутать в голове все мысли.

— И что же мне с тобой делать? — внезапно спросил он.

Я непонимающе и, подозреваю, несколько придурковато моргнула. Больше всего хотелось ответить «Любить!», но я не могла дать ему против себя столь мощное оружие. Поэтому просто пожала плечами и благоразумно шагнула назад, разрывая контакт.

Рэтборн нахмурился и сжал руку в кулак, то ли от раздражения, то ли пытаюсь сохранить гуляющее меж нами тепло.

— Мне пора, — с усилием стряхивая с себя дурман, прошептала я и уже более внятно добавила: — Не хочу пропустить обещанный рилс.

Развернувшись, я быстрым шагом направилась к выходу из галереи. Уязвленная гордость требовала не сдаваться слишком легко, поэтому я практически бежала, понимая, как близка к капитуляции, не взирая ни на какие доводы разума. Возможно, виною тому была сталкивающая нас магия, упорно не замечающая ни моей иномирности, ни его дурного характера.

На середине пути в галерее стали появляться другие ценители портретной живописи и нам пришлось замедлиться, делая вид, что прогуливаемся, отдыхая от многолюдности и шума в окружении произведений искусства.

— Дело сделано, тебе не обязательно поддерживать это знакомство, — поравнявшись со мной, ледяным тоном сообщил Рэтборн.

Хотелось горько рассмеяться, но я сдержала столь неуместный порыв.

— Да, но что если завтра окажется, что для ваших шпионских дел нам с господином послом необходимо стать друг другу ещё ближе? Прикажете начинать всё с начала? Нет уж, лучше на всякий случай подготовлю почву заранее.

— Неожиданное рвение. — Рэт не скрыл саркастичной ухмылки. — Помнится, раньше ты была категорически против.

В голосе Лорда мужское самодовольство звучало вперемешку с презрением. Видимо, моё желание закрепить достигнутый результат в охмурении его внешнеполитического противника лишней раз доказывало низменную природу всякой особи женского пола. Разумеется, тратить напрасно силы и переубеждать его я не собиралась.

— Я запрещаю, — выдержав некоторую паузу, наконец, напрямую приказал Рэт. — Озарийский опасен.

— Сознательно положив в чай соль, а не сахар, вряд ли стоит удивляться, что напиток получился солёным... — многозначительно протянула я и уточнила: — Вам так не кажется?

— Что ты хочешь этим сказать? — заставив меня остановиться уже практически перед запахнутыми настежь дверьми в бальную залу, потребовал Уркайский объяснений.

— Знаете... — притворно задумалась, не желая выходить из образа некой легкомысленной отстраненности, — я только сейчас поняла, что, оказывается, уже лет сто не танцевала с мужчиной, которому искренне нравлюсь.

— Реджи... — предостерегающе почти прорычал Лорд.

— Меня зовут Ада, — упрямо напомнила я, в какой-то мере побуждая саму себя не пасовать и не сдаваться.

Провоцировать Уркайского было опасно. Прежде я уже встречала людей, подобных ему. Для таких, как он, всякий сильный характер часто служил настоящим вызовом. Соблазном этот самый характер согнуть или даже вовсе сломать. Но в то же самое время моё внутреннее чутье, то самое, которое позволяло найти общий язык даже с самым сложным и неприятным клиентом, подсказывало, что слабой личности рядом с Лордом и вовсе не место.

Несмотря на всю свою ледяную скорлупу, больной вяло тлеющей паранойей характер, несмотря на всю кажущуюся неприступность, я уже хорошо знала: Рэт — такой же живой, подверженный сомнениям и тайным желаниям человек, как и все более менее нормальные люди в обоих из миров. Впрочем, как и всякий обличенный властью представитель элиты, он предпочитал изживать в себе всякую мягкость, запираясь в лабиринтах собственной души один на один со своими демонами.

Он бесконечно меня злил, бесил, раздражал. Иногда я его почти ненавидела. Но вместе с тем, я ему бесконечно сострадала. Наверное, глупо с моей стороны, учитывая то, на что глава Тайного Приказа то собственноручно меня подталкивал, то вдруг передумывал и пытался остановить.

Заиграла музыка, знаменующая начало пресловутого рилса. Я посмотрела на высокую мощную фигуру Лорда сквозь полуопущенные ресницы, а затем, не дожидаясь его реакции, юрко скользнула в залитое светом помещение. Меня вело твердое намерение заставить Рэтборна испить приготовленный им «солёный чай» до дна. До самой последней капли.

11. Радости и беды

глава одиннадцатая

РАДОСТИ И БЕДЫ

*Однажды я записалась на уроки самообладания,
но преподаватель вывел меня из себя.*

Даринда Джонс "Первая могила справа".

Говорят, Бог любит троицу. Похоже, это утверждение справедливо не только для моего родного мира, но и для мира приемного. Во всяком случае, три последующих дня, а точнее будет сказать, ночи принесли с собой радости и беды, столь же удивительные, сколь и необратимые. А началось всё с разыгравшейся непогоды.

Ещё до обеда светило щедрое летнее солнце, в ветвях чирикали птицы, зеленела листва, редкие кучевые облака лениво плыли по безмятежному небу. Но едва за вечерело, как в деревьях тревожно зашумело, налетевший незнамо откуда яростный ветер сначала редкими порывами, а затем все чаще и чаще, стал завывать в каминных трубах, рвать нежную зелень, клонить могучие многолетние тополя к земле. Приближалась буря.

Я коротала первый свободный за долгое время вечеров на господской кухне в компании Геррарда, Флока и вечно брюзжащей Козетт. Внизу, у моих ног, практически под столом, прямо на полу сидел Тай. Привязав к пруту нитку и сложенную бантом бумажку, он играл с Фру-фру точно так же, как когда-то в далеком детстве я играла с котёнком. Попутно сынишка не забывал подкармливать своего питомца кусочками домашней колбасы, и Флок беззлобно ругал его за это.

Фру-фру и в самом деле следовало задуматься о диете. За последние дни этот ласковый, верещащий дурным голосом по утрам пуховый комочек, изрядно отяжелел и стал совершенно круглым. Из-за образовавшихся жировых запасов на пушистом пузике и щеках лапки его

стали казаться совсем уж короткими. Вероятно, поэтому хомар очень любил передвигаться по дому, устроившись у меня или Тая на плече, сладко при этом посапывая. Когда Фру-фру посещало особое торжественное настроение, он распускал свой роскошный павлиний хвост, пестрые кончики которого возвышались над его головой точно корона. Словом, название этому чуду света я дала самое подходящее.

— Ну, вот. — Тай вздохнул с видом уставшего от мирской суеты философа. — Снова уснул.

— Ещё бы! Столько жрать! — фыркнула Козетт, сноровисто начищая медную сковороду.

— Пускай поспит, — посоветовала малышу. — Вы давно играете, видимо, Фру-фру просто устал.

— Но раньше он так часто не спал, — поделился Тай своим беспокойством.

— Может на погоду, — кивнув в сторону окна, за которым, похоже, начинался настоящий ураган, выдвинул свою версию Геррард. — Большинство зверей в такое ненастье забивается в норы и дремлет.

— Я бы и сам сейчас подремал, — подтверждая свои слова широким зевком, согласился Флок.

Он ловко шинковал какой-то корнеплод и сваливал ровные дольки в большую глиняную миску.

Версия с погодой понравилась Таю и, успокоившись, он вылез из-под стола и уселся подле меня на лавку. Я поспешила подложить под его попу подушку, высокую и туго набитую, которая с некоторых пор жила на кухне, дабы одному милому мальчику было удобно сидеть и кушать.

Что ни говори, а компания у нас сложилась славная. Как это ни странно, вписалась даже Козетт. Более того, сварливая посудомойка оказалась весьма полезна, так как обладала прямо-таки выдающимися талантами по части сбора сплетен и прочей любопытной информации. Поэтому, как правило, за беседой никто не скучал.

Для нас с Таем эти вечерние посиделки стали своего рода психологической группой поддержки. Так мы отогревались душой. А уж что из данного общения черпали Гер и его команда, можно было лишь догадываться. Возможно, мы вносили приятное разнообразие в их не слишком яркую, полную тяжелой работы жизнь. Так или иначе, а новым распорядком, казалось, были довольны все.

Сегодняшние разговоры в основном крутились вокруг утреннего происшествия. А именно — здоровенной корзины с сумеречными колокольчиками. Редчайшими цветами, которые являлись широко известным негласным символом Тарквинии. Также колокольчики изображались на гербе одного небезызвестного посла... Они потрясающе пахли и стоили целое состояние. Тем более, такое их количество.

Цветы доставили в мою комнату, но вот любовалась я на них недолго. Отлучившись на занятия, по возвращении я застала не благоухающую «клумбу», а ледяную скульптуру. В воздухе все ещё витал нежный аромат, но сам подарок был безжалостно уничтожен.

Долго гадать, чьих это рук дело, не приходилось. Я уже неоднократно наблюдала, как сорвавшаяся с поводка магия Лорда рисует морозные узоры то тут, то там. Однако, увидеть на собственном кофейном столике столь впечатляющую глыбу льда я, конечно же, не ожидала. И когда только успел?

Ко всему, уж не знаю каким образом, но весть о произошедшем быстро разнеслась по

дому. Эльмар счел это чем-то незначительным, Каспар с Хэйденом веселились, Ланзо выражал солидарность со старшим братом. Как к подобному событию отнесся Волкер проверить не представлялось возможным, так как он вновь не вылезал из своих зловещих лабораторий. Зато дядюшка Цвейг бурно гневался и грозился отправиться на аудиенцию к королю, дабы настаивать на взятии посла под стражу.

Это старый ундер ещё не знал, что Эктор Озарийский посмел пригласить меня на танец, а я взяла да и не отказала.

После приема, на обратном пути, в экипаже было так холодно, что замёрз, по-моему, даже кучер, который сидел на облучке. Возвращались домой мы в урезанном составе. В просторном, обитом бархатом салоне кареты сидели я, Рэт и дядюшка. То и дело мой взгляд наткнулся на постную физиономию Лорда, хотя я и пыталась запретить себе даже смотреть в его сторону.

В каком-то смысле прием у герцогини закончился моей победой, однако была она горько-сладкой, с отчетливым привкусом поражения. Наверное, идея заставить Рэта ревновать — не самая революционная, но до определенного момента казалось, что она неплохо работает. По крайней мере до тех пор, пока в разноцветном вихре кружащихся рядом на паркете пар я не увидела своего Лорда, бережно обнимающего довольную Балалайку...

Эталонная аристократка по представлениям местной знати легко и грациозно выписывала сложные пируэты, всячески демонстрируя чуткую послушность воле ведущего её в рилсе мужчины.

Вид Рэта, танцующего с другой, вероятно, гораздо более привлекательной для его вкуса женщиной, неожиданно меня потряс и больно ужалил в самое сердце. Отчего-то до этого момента я была уверена в том, что глава Тайного Приказа относится к породе вечно хмурых и совсем не склонных к светским развлечениям людей. На самом же деле оказалось, что Рэтборн прекрасно вальсирует и умеет быть галантным. Вот только не со мной.

Но больше всего злило выражение лица Балалайки. На мгновение, когда наши с ней взгляды встретились, на дне её выразительных темных глаз явственно вспыхнуло злорадное торжество. Торжество и угроза, словно Рэт был желанным трофеем, а я посмела на него посягнуть. Посягнуть и остаться не у дел.

Тот факт, что Свирская считала, будто Уркайский отдавал свои предпочтения ей, а вовсе не нелепой сопернице, которая непонятно откуда взялась, раздражал невероятно. Как и то обстоятельство, что настойчивое внимание, которое вдруг принялся уделять мне посол Тарквинии, похоже, и вовсе играло противной аристократке на руку.

Как итог, на обратном пути в закрытом пространстве экипажа между нами с Лордом летали молнии. Я злилась на него из-за Балалайки, он на меня — из-за Озарийского. Хотелось верить, что причиной тому была ревность, однако точнее душу сомнение упрямо твердило, что Уркайский просто не выносит непослушания.

Так или иначе, а обстановочка вышла накаленная. Однако, самый старший мужчина в семье, казалось, совсем не замечал ни холода, ни враждебной тишины. Дядюшка Цвейг, укрыв ноги теплым клечатым пледом, спокойно устроился в углу роскошной кареты и в наступившем полумраке безмятежно спал, тревожа меня излишней бледностью.

Дома мы с Рэтом не сказали друг другу ни слова. А наутро доставили цветы из посольства, и Лорд таки выразил своё отношение к происходящему, впрочем, снова обойдясь

без слов.

Наверное, меня должна была огорчить порча столь утонченного и ценного подарка. Вот только вместо этого я, напротив, вдруг почувствовала себя какой-то невесомой и счастливой.

Меня так и подмывало отыскать Рэтборна и полюбопытствовать, кому придется убирать сотворенный им беспорядок, однако хитрый Лорд, как назло, отсутствовал в особняке до самого вечера. Женское чутье подсказывало — Уркайский избегает встреч намеренно. После приема между нами словно что-то перещелкнуло и закоротило. Назревал разговор, к которому никто из нас пока не был готов.

Уже два часа как миновала полночь. Бой здоровенных уродливых часов с маятником в холле в этот раз звучал особенно зловеще из-за бушующей за окном непогоды.

Мне не спалось. Вместо этого я тихо лежала в полумраке собственной спальни, усиленно охраняя сон Тая, который сегодня тоже был какой-то тревожный. Наконец, устав от бездействия, я осторожно поднялась с постели и на носочках подошла к столу, на котором стояли кувшин с водой и пара фарфоровых чашек. Утолив жажду, я прислушалась к тонкому, едва слышному завыванию ветра в дымоходе. В нём мне слышался слабый мистический плач.

Я встревоженно обернулась на кровать, спеша убедиться, что с Таем всё в порядке и его не мучают кошмары. Видит Бог, у этого славного маленького мальчика было множество реальных причин для них.

Убедив себя, что волноваться не о чем, решила вернуться под одеяло. Но едва улеглась, как какая-то неведомая сила словно толкнула меня изнутри, побуждая срочно куда-то бежать.

Постепенно неясно откуда взявшееся беспокойство росло, пока не сделалось невыносимым. При других обстоятельствах я разбудила бы кого-нибудь из слуг и попросила проверить дом, однако, учитывая, кто в особняке Уркайских выполнял их роль, подобная идея отлетала сразу. Оставался единственный вариант — обзавестись напарником и сделать все самой.

Долго гадать над кандидатурой не пришлось.

Эльмар открыл дверь, едва я в неё постучала. Несмотря на глубокую ночь, он был одет и без лишних уговоров согласился поучаствовать в моей сомнительной затее. Как оказалось, парню тоже не спалось. Будто бы в воздухе витало ощущение стремительно надвигающихся перемен, и он не хуже меня улавливал эти волнующие колебания.

Наверное, в прежние времена я бы попыталась проигнорировать зудящее где-то на подкорке предчувствие, однако жизнь в мире, где есть магия, быстро научила доверять собственному чутью. И вот сейчас это самое чутьё настоятельно меня подгоняло.

Для начала мы прогулялись по верхним этажам, где располагались хозяйские апартаменты. Все было спокойно, как всегда мрачно и неестественно тихо. За время своего пребывания в особняке Уркайских я почти привыкла к его неуютным готическим интерьерам. Иногда они даже начинали казаться мне симпатичными. Однако ночью всякий флер темной романтики слетал с этих стен и я снова вспоминала, отчего поначалу этот огромный старый дом так сильно меня пугал.

По счастью, Эльмар никакого трепета перед наводненным гротескными тенями особняком не испытывал. Скорее, ему было любопытно. Подобное отношение оказалось

заразным, и я с облегчением сбросила с себя трусливую дрожь, рожденную чересчур бурным воображением.

Наконец, мы оказались внизу. Широкая центральная лестница вела к парадному холлу, такому же тяжеловесному и мрачному, как и большинство здешних помещений. Вправо и влево от холла тянулись длинные узкие коридоры, ведущие в галерею комнат, которые служили приемными для ожидающих просителей, гостиными и кабинетами. Также на первом этаже располагались большая библиотека, пара столовых, музыкальная комната, кухонный блок и заброшенный зимний сад.

— Ты это слышал? — отчего-то шепотом спросила я Эльмара, намекая на характерный звук, который мне почудился, пока мы спускались по лестнице.

— Да, — так же негромко ответил юноша, — словно хлопнула входная дверь.

— Может, кто из братьев вернулся домой с гулянки? — поделилась предположением, которое казалось наиболее вероятным.

Эльмар с некоторым удивлением посмотрел на меня. Я не стала тратить время и выяснять, что именно его так озадачило. Возможно, в его шовинисткой системе координат мне, как женщине, не полагалось знать ни о ночным мужских загулах, ни уж тем более говорить об этом вслух.

— В таком случае, мы бы с ним встретились, — тем временем справедливо заметил парень.

На несколько мгновений мы погрузились в тишину, решая, куда двигаться дальше. Отчего-то меня упорно тянуло налево.

— Пошли, — руководствуясь внутренним компасом, скомандовала я и поспешила свернуть в указанное крыло.

Чем быстрее мы двигались, тем отчетливее становились слышны легкие приглушенные шаги. Так в этом доме передвигались только переделанные Волкером феи. Обычно на ночь они собирались в особой комнате вокруг светящейся стелы и, как загипнотизированные, таращились на неё до самого утра. Выглядело это жутко. Но ещё более будоражащим было обнаружить одну из этих inferнальных служанок бродящей ночью по спящему дому.

Нагнали мы её только возле кладовой. Та соседствовала с главной кухней и скрывала в своих недрах ледник, где хранились туши и прочие скоропортящиеся продукты.

В руках служанка несла большую корзину с ворохом тряпок внутри.

— Стой! — несколько нервно приказала я фее, и та замерла, уже наполовину приоткрыв дверь кладовой. — Зачем ты сюда пришла?

— Положить на ледник мясо, — лишенным каких-либо эмоций голосом ответила служанка.

— Какое мясо? — удивился Эльмар и наши взгляды, как по команде, сошлись на загадочной корзине.

— Сегодня среда, — все также сухо принялась пояснять служанка. — По средам мясник доставляет к черному ходу свежее мясо. Но в этот раз он перепутал место и положил свой товар на парадное крыльцо. Его нужно положить в холод, пока не испортилось.

Внутри корзины что-то завозилось, а затем тоненько-претоненько запищало.

У меня волосы встали дыбом от пришедшей на ум шокирующей невероятной догадки...

— Ребенок?! — опешил Эльмар, едва я выхватила у служанки её ношу и развернула содержимое.

— Девочка, — не сдержала вздоха умиления, настолько милая кроха в коротенькой кружевной рубашечке лежала на мягкой подстилке. — Какое счастье, что мы вовремя успели.

Я устало потерла глаза, в которые от недосыпа словно песка насыпали.

— Страшно представить, что бы случилось, проводи дитя ночь в холоде ледника. Как можно перепутать младенца с куском мяса?! — набросилась на служанку, которая так и стояла рядом, безучастно наблюдая за происходящим.

— Феи плотоядны, — напомнил парень. — Для неё ребенок и в самом деле не более чем...

— Не продолжай! — прервала леденящие душу пояснения и тут же озадачено уставилась на свою находку.

По понятным причинам, в настолько маленьких детях я разбиралась плохо, поэтому могла лишь предположить, что девочке от силы месяцев пять. Зато было очевидно, что её подкинули на крыльцо особняка Уркайских неспроста. Сам собой напрашивался вывод: один из братьев — отец сего маленького чуда. Вот только кто из?

В первое мгновение мысли сами собой обратились к Рэтборну, но я тут же отмела подобную вероятность. Строгать детей на стороне — поступок, противоречащий его характеру. Волкер же вообще не отрывал головы от своих экспериментов. Хэйден был жестоко научен прежним опытом и, думается, избегал даже вероятности подобного развития событий. Хотя, сбрасывать его со счетов окончательно я бы всё же не стала. Что касается Ланзо, то он производил впечатление циничного, помешанного на контроле головореза, и представить его в роли незадачливого папаши я, как ни старалась, не могла. В отличие от любвеобильного Каспара. Не удивлюсь, если малышка и в самом деле его незаконнорожденная дочь.

— Как по-твоему, на кого она похожа? — наклоняя голову то так, то этак, спросила Эльмара, при этом внимательно разглядывая самозабвенно сосущую кулачок девочку.

— Лучше осмотреть как следует корзинку, — не пожелал играть в «угадай родителя» парень.

В четыре руки, но так, чтобы не слишком потревожить или, не дай бог, напугать ребенка, мы обыскали её импровизированную люльку. Письмо обнаружилось быстро. Я тут же прочитала его вслух.

«Не буду тратить время на пустые приветствия. Надеюсь, корзину найдут быстрее, чем случится непоправимое, ну а ежели нет, значит, такова её судьба. Да, Ланзо, это твоя дочь. Она родилась девятнадцатого января, и я практически сотворила невозможное, дабы скрыть факт её рождения от мужа. Более заботиться о ней я не могу. Мне велено в кратчайшие сроки возвращаться домой. Оставляю девочку на твое попечение. А впрочем, как знаешь.

Прощай.»

— Что значит: «Как знаешь»? — возмутилась я, дочитав послание.

— Я могу быть свободна? — внезапно вклинилась в разговор служанка.

— Да-да, иди, — поспешила отпустить откровенно пугающее меня создание.

— То и значит. Что здесь непонятного? — пожал плечами Эльмар. — Теперь судьбу дочери будет решать её отец. Захочет — признает и окружит роскошью. Захочет — сделает вид, что никакого ребенка нет, отдаст в приют. В приютах, если ты вдруг не знала, такие маленькие дети выживают редко.

Я схватила за сердце.

— Только через мой труп! — понимая, что, по всей видимости, такими темпами очень быстро стану многодетной мамой, тем не менее, решительно заявила я.

Эльмар пожал плечами, видимо, в единой для подростков всех миров скучающей манере.

— Эта бездушная ехидна, её мать, даже не удосужилась дать ребенку имя. По крайней мере, в письме об этом ни строчки, — поразила я, погладив девочку по головке, где крупными колечками свились тонкие темные локоны.

Малышка сонно моргала, но выглядела, по счастью, здоровой и крепкой. Закутав в атласное одеяльце, я взяла её на руки и, прижав к груди, стала укачивать.

— Ну и дела, — протянул Эльмар, разглядывая получившийся «натюрморт».

— Вот тебе и дела, — хмыкнула, пытаюсь на ходу сообразить, как быть дальше.

Ночь София (так было решено назвать кроху) провела в моей комнате. Я так и не уснула, терзаемая тревожными мыслями о ближайшем будущем уже второго ребенка. Казалось, сама судьба вверяет в мои руки брошенных детей, побуждая исправить свершенную в их адрес страшную несправедливость.

Однако сейчас я не мыслила столь глобально, озабоченная куда более насущным вопросом — чем кормить девчущку? Очевидно, она была ещё слишком мала, дабы вводить прикорм, да и сам по себе он бы не решил проблему. Поэтому, как можно скорее нужно было отыскать кормилицу. И тут без посторонней помощи мне было уже не обойтись.

Под утро домой вернулся Хэйдэн. Я караулила его в коридоре, чувствуя, что уже буквально валюсь с ног и едва ощущаю одеревеневшие под тяжестью драгоценной ноши руки. Боясь, что раскричавшись от голода, София разбудит Тая, я была вынуждена всю ночь её укачивать. Разлученная с матерью, девочка спала беспокойно, но, по счастью, пока не капризничала.

— Хэйд! — бросилась я к мужчине, едва завидев его в дальнем конце холла. — Ты мне нужен! — заявила громким шёпотом, едва мы поравнялись.

— Это что, младенец?! — с ходу предположил он, не отвлекаясь на моё суетливое «приветствие».

— Самый настоящий. Точнее — настоящая. Это девочка, — пояснила я и чуть отодвинула сверток от груди, демонстрируя хорошенькое румяное личико спящего ангелочка.

— Чтоб меня черти подрали! — воскликнул принц, и я рассерженно не него шикнула:

— Что ты орешь?! Разбудишь.

— Откуда она у тебя?

Хэйдэн нетрезво пошатнулся и поспешил опереться о стену. Вместо ответа я вручила ему письмо.

— Её оставили на крыльце...

— Это невозможно, — сражаясь с конвертом, возразил Уркайский. — Ночью активируются охранные плетения, они не реагируют только на членов семьи и гостей дома.

— Ещё как возможно. Ты лучше читай, читай, — велела я, усмехнувшись.

— Вот так поворот! — снова слишком громко воскликнул Хэйд, едва ознакомился с содержимым бумаги, а затем вдруг запрокинул голову и захохотал.

В попытке призвать его к тишине, весельчака пришлось ткнуть локтем под ребра.

— Ой, — охнул он, потирая ушибленное место, — вижу, Ланзо отлично тебя натаскал. Удар что надо.

— Это материнский гнев, — сострила я.

— То есть, хочешь сказать, что сей плод незаконной любви ты тоже решила оставить себе? — Хэйден даже не пытался быть серьезным.

— Себе — не себе, но в обиду малышку не дам! Она должна воспитываться в любви и безопасности, рядом с родным отцом, раз уж её мамаша решила сделать вид, что не причём. И вообще, что не так с вашими женщинами? — не удержалась от вопроса.

Хэйд посмотрел на меня неожиданно трезво и внимательно, а затем, словно в досаде, взъерошил белокурые волосы и покачал головой.

— Хотел бы я знать...

— Так ты мне поможешь?

— Что именно ты от меня хочешь? В данном вопросе я мало что решаю. С кем тебе на самом деле следует поговорить касательно девочки — так это Ланзо и Рэт.

— А при чём тут Лорд? — удивилась я.

— Реджи-Реджи, — протянул принц, — разве ты ещё не поняла, — он развел в стороны руки, словно указывая на окружающие нас предметы, — кто здесь на самом деле всем заправляет?

Конечно же, я давно об этом догадалась. Власть потерявшего разум ундера уже давно стала номинальной. Не скрою, того, как к девочке отнесется Рэтборн, я опасалась даже больше, чем возможной реакции её биологического родителя. Впрочем, проблемы следовало решать по мере их поступления, поэтому, отбросив в сторону мешающее думать беспокойство, я вернулась к главной теме.

— Ладно, с вопросами иерархии буду разбираться позже. Главное, помоги мне как можно скорее отыскать для Софии кормилицу. Малышка вот-вот проснется и явно будет голодна... Ты же не хочешь, чтобы твоему крепкому сну мешали детские крики?

— А вот и шантаж. — Хэйден широко улыбнулся.

В его золотисто-желтых, пронзительных, как у хищника, глазах светились ум и ирония.

— Ну Хэ-э-эйд, — жалостливо протянула я, очень рассчитывая на оперативную помощь.

— Ладно, — сказал он, внимательно наблюдая за моими попытками укачать вновь заворочавшегося младенца, — будет тебе кормилица.

— И поскорее, — деловито поторопила, на что Хэйден снова покачал головой и заметил:

— Я уже почти скучаю по своей прежней спокойной безрадостной жизни.

— Не ври, — отмахнулась я. — Спокойствие переоценивают.

— А радость? — уточнил он.

— С детьми, дядюшка Хэйден, у тебя её будет просто завались.

Мы оба переглянулись, обменявшись робкими улыбками.

— Прошу тебя, поспеши, — видя, что принц, даже не заглянув в свои комнаты, дабы переодеться, куда-то уходит, прошептала я ему вслед.

— Буду через пару часов, — не оборачиваясь, он помахал мне рукой и стал спускаться вниз.

Как и было обещано, ровно через два часа, примерно в восемь утра в дверь моей спальни постучалась высокая полногрудая женщина весьма примечательной внешности. За её спиной стоял темноволосый мальчик лет девяти. Он держал на руках завернутого в

старенькое, но чистое лоскутное одеяльце ребенка. Судя по размеру, младенец был даже младше Софии.

— Я Клара, госпожа, — представилась будущая кормилица. — А это мои дети. Старший — Александр и младшая — Марина. Если позволите, я буду вам помогать.

У женщины, которой на вид едва ли было больше двадцати пяти, оказались чуть раскосые ярко-зеленые глаза и рыжевато-золотистые вьющиеся волосы. Она смотрела открыто, спокойно и уверенно. Хотя руки, которыми Клара бессознательно стискивала подол своего сильно поношенного темно-серого платья, все же выдавали то сильное беспокойство, которое, видимо, терзало её изнутри.

— О, какое счастье! — воскликнула я, не забыв улыбнуться серьезному черноглазому мальчугану. — София безостановочно плачет уже минут тридцать, но кажется, что прошла вечность.

— Бедняжка, должно быть, сильно хочет есть, — посочувствовала Клара.

— Проходите скорее! И ты, Александр, — обратилась к мальчику, явно испугавшемуся, что останется в коридоре совсем незнакомого дома один.

— Что вы, госпожа? Нам выделили комнату, Алекс подождет меня там. Я просто хотела, чтобы вы с ним познакомились и сказали, не возражаете ли, чтобы мои дети жили здесь со мной?

Её удивительные совершенно колдовские глаза выражали такую надежду...

— Вы шутите? Да это же замечательно! — поспешила всех успокоить. — Таю совсем не помешает друг. У него есть замечательная игровая. Уверена, мальчикам там будет весело вдвоем.

Кормилица посмотрела на меня недоверчиво. Из ступора её вывела новая порция пронзительного детского плача. Её собственный ребёнок, мирно спящий на руках старшего брата, проснулся и тоже стал попискивать.

— Покачай её, — велела Александру мать и поспешала на крик проголодавшейся Софии, которую, в свою очередь, пытался безуспешно отвлечь несколько ошеломленный произошедшими за одну ночь переменами Тай.

Новый день обещал быть безумным.

Если быть откровенной — получить в качестве подопечной кроху пяти месяцев от роду, я была совершенно не готова. Как-то так сложилось, что дожив до столь солидного возраста, я ни разу не имела дела с младенцами. София казалась невыразимо прелестной и невероятно хрупкой. Я боялась своими неловкими движениями как-то её побеспокоить или навредить. Ко всему, судьба девочки и без того виделась слишком неясной и какой-то безрадостной.

И всё же в душе, несмотря на все попытки попритерпеть лошадей, стремительно пускала корни горячая привязанность. Оттого я беспрестанно переживала, что ребенка заберут и перепоручат заботам совершенно посторонних людей. Тот факт, что я и сама не более чем посторонняя, отчего-то совершенно мною игнорировался.

Как на иголках я ждала предстоящих переговоров. Реакция Ланзо казалась непредсказуемой, а от встречи с Рэтом и вовсе не стоило ждать ничего хорошего. Однако, сколь я ни страшилась грядущего диалога с братьями, а находиться в подвешенном состоянии оказалось ещё мучительнее. Ожидание затягивалось. Все мужчины рода Уркайских словно сквозь землю провалились.

Целый день до самой ночи особняк стоял, будто вымерший. Возможно, в королевстве

случилась какая-то диверсия, в результате чего занятые на государственной службе братья так долго не возвращались домой. Так это или нет, мне оставалось лишь гадать да тревожиться.

А ночью нас ожидал очередной сюрприз.

— Мама, — выдернул меня из сна шёпот Тая.

Спать хотелось ужасно и я малодушно сделала вид, что всё ещё пребываю в царстве Морфея. Рядом с нашей кроватью всё в той же корзине — по счастью, она была для этого достаточно большой — словно в колыбели безмятежно спала-посапывала малышка. Полночи девочка беспокойно ворочалась, хныкала и кряхтела, самозабвенно пуская слюни. Клара быстро постановила, что у малышки режется первый зуб.

Словом, умоталась я настолько, что отрубилась, едва София успокоилась и затихла в своем уютном гнездышке.

— Ма-а-ам, — уже куда более громко и настойчиво снова позвал Тай и тут же повторил, тормоша меня за плечо: — Ну, ма-а-ма.

Я кое-как разлепила глаза, сквозь обрывки прилипчивого сна начиная различать какое-то странное то ли попискивание, то ли поскуливание.

— Тс-с, — заплетающимся языком, точно слегка под хмельком, отозвалась я, чувствуя, как мои веки вновь тяжелеют и опускаются. — Софу разбудишь.

Сынишка с неожиданной для пятилетнего мальчугана силой потянул меня за руку, и я безвольно уселась на кровати.

— Что это за звук? — наконец сообразив, что что-то явно не в порядке, удивилась и торопливо огляделась.

— Вот! — Тай отбежал чуть в сторону, к месту, где у нас располагалась подстилка Фру-Фру, и взволнованно указал на неё рукой. — Я проснулся, а тут... Они! — шумно выдохнув, закончил мальчик.

Сначала сознание просто отказывалось признавать очевидный и весьма невероятный факт — Фру-Фру окотился... Не знаю, как ещё можно назвать этот физиологический процесс в отношении зверька магической породы. Учитывая, что наш королевский хомар был созданием, существующим сугубо в единственном экземпляре, наличие пяти уменьшенных его копий ввергало в ступор. Выходило, что либо Фру-фру оказался способен к партеногенезу*, либо был уже в положении на момент своего магического преобразования.

— Какой кошмар! — придушенно воскликнула я, когда стайка разноцветных пушистиков весело засемила по полу и облепила сначала ноги Тая, а затем и мои. — Твой папа будет вне себя.

— Ты превратила мой дом в проклятый балаган.

Голос Лорда, несмотря на смысл его речи, звучал подчеркнуто спокойно и холодно. Отчего тот разнос, который я была вынуждена терпеть в его исполнении, казался ещё более унижительным.

— Какая моя вина в том, что ваш брат производит детей вне брака, а затем они оказываются на пороге, как вы изволили выразиться, вашего же дома?!

Спорить и выяснять отношения с Рэтом я предпочитала исключительно на «вы».

В этот раз наш разговор состоялся в одной из гостиных первого этажа — некрасивой угрюмой комнате с лакированной мебелью из темного дерева и сине-зеленым ковром. Из

высокого шкафа-витрины, стоящего тут же, зловеще скалилась коллекция черных резных масок, чем-то напоминающих африканские.

— Так что в балаган дом превращаю вовсе не я!

Спорное утверждение, но мне хватило ума стоять на своем.

— Детей? — Рэтборн приподнял густую, словно припорошенную серым пеплом бровь. — Слуги доложили, что ребенок один. Или есть ещё что-то, о чём мне следует знать?

Я пожала плечами, искренне сомневаясь, что есть что-то под этой крышей, о чём бы Лорд и в самом деле не знал. Видимо, это была очередная проверка. По счастью, врать мне было ни к чему.

— Есть ещё дети кормилицы, которую пришлось нанять для Софии. Марина — ровесница дочери Ланзо и Александр, на четыре года старше Тая. Их разместили в одной из пустующих комнат для прислуги на чердаке.

— Как интересно получается... — Сложив руки за спиной, Рэт подошел к высокому окну и замер, что-то выглядывая на улице за ним. — Ты уже распоряжаешься набором персонала?

— Мне помог Хэйден, — сухо ответила, не желая попадаться ещё и в эту ловушку.

— А что дальше? Ты соберешь всех беспризорников в округе? — проигнорировал новость Лорд, продолжая задавать провокационные вопросы. — Или пойдешь дальше и организуешь на территории поместья питомник по разведению магических тварей? — явственно намекая на хомячий приплод, уточнил он.

Усилим воли я заставила себя сохранить невозмутимое лицо. Хотя, учитывая то обстоятельство, что в широком рукаве моего камзола притаился один из новорожденных хомарчиков, сделать это было невероятно трудно.

Вообще, детёныши у Фру-фру получились занимательные. Они явно превзошли свою родительницу по супер-способностям. Например, самый мелкий из помета, с серебристо-розовой шерсткой и бордовой пуговкой носа лазал по вертикальным поверхностям и даже по потолку не хуже пресловутого человека-паука. Его мы назвали Пит. Самый пушистый, с длинным, невероятно пестрым хвостом и желтым брюшком, умел становиться невидимым. При этом в комнате разливался характерный аромат ванильного зефира. Его все очень быстро прозвали Клопик. Бело-голубые двойняшки вообще могли перемещаться в пространстве, появляясь то тут, то там. Их было решено окрестить Дым и Туман. Последний, пронзительно красный, с неожиданно тонким антрацитово-черным хвостиком и маленькими рожками, так сильно напоминал мне бесенка, что быстро обзавелся кличкой — Мефистофель. Таланты его покамест были неизвестны, однако именно он сейчас и сидел в моем рукаве.

— Надеюсь, этого не потребуются, — меж тем, возразила я Рэту. — Не уверена, что моего педагогического таланта хватит на такое количество людей.

Не скрою, ответ прозвучал несколько вызывающе и явственно намекал на то странное влияние, которое я оказывала в отношении большей части семейства Уркайских.

И в самом деле, трудно было не заметить, какие стремительные перемены захватили прежде безмолвный, точно склеп, особняк безумного ундера. Честное слово, я совсем не стремилась внести в одинокую размеренную жизнь его обитателей какие-либо катаклизмы. Скорее уж просто пыталась выжить, попутно стараясь поступать по совести.

Как следствие, на мою дерзость Рэтборн отреагировал тяжелым препарирующим взглядом. В комнате стало прохладно, и я невольно зябко поежилась. От этого действия

притихший Мефистофель словно слабо завибрировал, и мне почудилось, что от его маленького пушистого тельца стали разливаться волны умиротворяющего тепла.

— Этого ребенка ты тоже поселила в своей спальне? — неожиданно пронизательно предположил Лорд.

Отчего-то этот вопрос меня смутил.

— София такая крошечная, её нельзя оставлять одну, — попыталась объяснить свой поступок. — А у Клары своих двое. Женщина рвется мне помогать, но я считаю не очень верно, чтобы она оставляла грудного ребенка на девятилетнего мальчика. Поэтому девочка находится при мне, а кормилицу я приглашаю только когда малышка проголодается.

О том, что София оказалась весьма прожорливой крошкой, пришлось временно умолчать. Вряд ли Рэтборну понравилась бы новость о том, что я разрешила Кларе брать свою дочь с собой, и мы как две мамы-наседки проводили время в компании друг друга. По счастью, Тай с Александром быстро нашли общий язык и уже второй день практически не вылезали из игровой.

Словом, жизнь стремительно менялась, все больше напоминая дикий горный поток. Я с замеревшим сердцем ждала, какой вердикт для всех нас вынесет глава Тайного Приказа.

— Ты же позволишь Софии остаться? — умоляюще заглядывая в глаза, попросила я.

По моим нехитрым расчетам, доверительное «ты», сказанное вкрадчивым умиротворяющим тоном, должно было смягчить всё ещё хмурого Рэтборна.

Он выгнул темную бровь и надолго замолчал. Проклятая пауза все длилась и длилась, изрядно подтачивая моё самообладание. Если бы не крошка-Мефистофель, отвлекающий и успокаивающий не хуже мурлыкающего под боком кота, я бы точно начала сидеть от переживаний. Что за мужчина?! С ним вечно как на пороховой бочке! Хотя, с виду он и так чуть теплее ледышки. Вот такой парадокс.

— Это должен решать её отец, — наконец снизошел до ответа мой мучитель.

Я некультурно фыркнула.

— С Ланзо уж как-нибудь договорюсь, — пообещала, хотя совсем не была в этом столь уверена.

Вдобавок ко всему, забывшись, я весьма резко махнула рукой, суетно поправляя выбившийся из прически своенравный локон, и тут же испуганно замерла. К несчастью, рука была той самой, с «секретиком». Предсказуемо, не ожидающий столь резкого движения притаившийся в рукаве хомар, пронзительно пискнул.

— А это ещё что такое? — тут же насторожился Рэт.

— М-м-м, — неопределенно промычала, пытаясь придумать, как лучше выкрутиться.

Впрочем, быстро поняла — «шила в мешке не утаить». Новорожденные пушистики имели досадное свойство расползаться по всему особняку, сколько бы мы ни пытались удержать их в пределах одной комнаты.

— Это Мефистофель, — призналась, втянув голову в плечи.

Рэт снова молчал, буравя меня недобрым взглядом. Видимо, ждал пояснений. Вздохнув, я осторожно извлекла хомарчика из его укрытия.

— Разве он не прелесть? — пробормотала, поднеся питомца ближе к магу на сложенных ковшиком ладонях.

Лорд посмотрел на кроху так, словно я подсунула ему таракана. Мне стало обидно за Мефистофеля и я прижала его к груди, защищая.

Внезапно на суровом лице Рэтборна проступили следы глубокой усталости. Лорд словно сдулся, сняв почти сросшуюся с ним маску арктической невозмутимости. Он не спеша развязал и снял тугой галстук, зажал его в руке и, покачав головой, признался:

— Я все больше слоняюсь к мысли, что ты — стихийное бедствие. Только я придумываю, как взять тебя под контроль и упорядочить происходящее, как ты снова порождаешь новую волну хаоса.

— Зато так гораздо... веселее... — не зная, как лучше оправдаться и стоит ли оправдываться вообще, неуверенно протянула я.

— Скучать и в самом деле не приходится, — саркастически заметил Рэт.

— Ну так что? — переспросила на свой страх и риск. — Можно Софии остаться со мной?

— При двух условиях, — как-то слишком легко согласился Уркайский.

Я сделала вид, что внимательно слушаю.

— Во-первых, это должно быть согласовано с Ланзо.

Требование звучало разумно, и я кивнула.

— А во-вторых?

— А во-вторых, каждую среду, включая сегодняшнюю, ты будешь ночевать в моих покоях.

Мне так хотелось оставить девочку при себе, что я кивнула попросту недослушав скандальное утверждение Рэта. Но едва понимание сказанного достигло моего сознания, как я замерла каменным истуканом, до глубины души потрясенная произошедшим.

— Вы что же, — снова перешла на «вы», — хотите шантажом принудить меня к близости?

Ответ Лорда ошеломлял ещё больше. В последнюю очередь я ожидала от него подобных откровений:

— Я устал сопротивляться. Меня тянет к тебе так, что иногда я чувствую, как выкручивает мои жилы.

Воздух мгновенно застрял в легких, а слюна сделалась вязкой как растаявший пластилин. Глупо было отрицать, что подобное в его адрес давно ощущала и я...

— Что же делать, согласиться? — лихорадочно спрашивала саму себя, уже представляя, как сильные руки Лорда жадно скользят по моему неидеальному телу. Приходилось самой себе признаться — я была слаба. А ещё чертовски влюблена и слишком долго жила монашкой. Самое смешное, что данное обстоятельство не помешало обзавестись детьми и целым выводком очаровательных хомарчиков. В каком-то смысле они тоже были моими малышами.

Медля с ответом, я машинально оглядела Рэтборна с ног до головы, стараясь представить, что вижу его впервые. Щёки тут же обдало жаром. До чего же хорош! Конечно, как ни крути, и я сама просто офигенна, но всё же... Неужели сам глава Тайного Приказа изволит ответить мне взаимностью?

Весь парадокс заключался в том, что его попытка гнусного шантажа с треском провалилась. И не потому, что оголтелая феминистка внутри меня, которой я на самом деле никогда не умела заткнуть рот, рвалась грудью на амбразуру, готовая с гневом отвергнуть нескромное предложение. Вовсе нет. Дело в том, что из всего сказанного я услышала только одно. Рэт без меня не может. Я ему нужна. Настолько, что он готов быть негодяем лишь бы я оказалась рядом.

— Выдвигаю встречное предложение. Каждую среду мы проводим у тебя, а каждую субботу гуляем с детьми в саду, — слова сами собой сорвались с губ и я тут же поняла, что, если Лорд согласится, окажусь на все сто довольна заключенной сделкой.

— Договорились, — убийственно серьёзно ответил Рэт, а затем притянул меня к себе и медленно поцеловал.

Я тут же вспыхнула как сухая прошлогодняя трава и пролилась растопленным воском в его объятия.

Да, комната с масками была откровенно ужасна. Но клянусь, теперь это одно из самых любимых мною мест в доме.

Весь остаток дня, после разговора с Рэтборном, я пребывала в придурковато-счастливом состоянии. Я то впадала в рассеянную медлительность, на счастье теперь у меня была в помощницах незаменимая Клара, то подсакивала в безумной ажитации, понимая, что первая ночь с любимым мужчиной от женщины требует определенной подготовки... Нужно было срочно приводить себя в порядок!

А ещё следовало решить вопрос с пелёнками и распашонками для Софии, уделить время Таю, который теперь шёл в комплекте с его закадычным другом Александром. Понадоедать Эльмару, чтобы он не думал, что все на него наплевали и бросили. Ну и, разумеется, не забыть о дядюшке Цвейге, который стал заговариваться и всё больше тревожил нездоровым цветом лица. И куда же деваться без милейших, но очень непоседливых хомаров?

Словом, к ночи я валилась с ног, и во многом виной тому была не загруженность делами, а простое нервное истощение. Я банально переволновалась и больше всего на свете мечтала сейчас о сеансе простого крепкого сна.

Так и пришлось заявить Рэту, явившись в его спальню в компании с Мефистофелем. Он нагло отказывался спать без меня и стоило только отправить детёныша к родной мамочке, начинал обиженно пищать и поскуливать. Учитывая, что и София, и Тай, и присматривающая за ними Клара вполне себе благополучно задремали, голосащего на все лады хомара просто пришлось взять с собой на ночное свидание.

— Зачем он здесь? — разглядев в чьей компании явилась его без пяти минут любовница, весьма конкретно спросил Лорд.

— Он так верещал, что едва не перебудил весь дом, — отчего-то шепотом ответила ему, — что мне было делать? К тому же, мне кажется, ты ему нравишься.

Хомар и в самом деле смотрел на Рэта с видимым обожанием. Может, Мефистофель девочка? Пока узнать это доподлинно не представлялось возможным.

— Ты снова заговариваешь мне зубы, — покачал головой Уркайский и неожиданно бережно взял на руки пушистика.

Он уцепил за уголок диванную подушку, взбил её попышнее и устроил на ней маленького манипулятора.

— Ложись и спи. И чтобы ни звука, — назидательно, но не зло велел он хомару, — понятно?

Клянусь, Мефистофель ему кивнул и разве что не козырнул, как это делают военные, отдавая честь.

— Теперь твоя очередь, — тоном, не терпящим возражений, заявил он, и я с широкой улыбкой поспешила лечь в застеленную темно-фиолетовыми простынями постель...

В камине приятно потрескивал огонь. На подушке, свернувшись в пушистый шарик,

сопел хомарчик, а впереди меня ждала ночь, полная наслаждений.

Вот только судьба внесла в этот чудесный план свои ужасные коррективы. Вновь налетела буря, принося с собой встревоженный топот всполошенных слуг, ночной визит и дурные вести.

Давясь слезами, я сжимала в руках два старых, потрепанных временем свитка. В голову упрямо лезла сцена из одного знаменитого мультфильма, где герой упорно пытался разгадать секрет воина-дракона. Я как глуповатая панда таращилась на неожиданные дары, испытывая то шок, то ужас, то беспросветную растерянность. Сердце сжималось от тоски и чувства непоправимой потери.

На расстоянии вытянутой руки неподвижно лежал сухонький, точно полуистлевший пергамент, дядюшка Цвейг. Но прежде, чем некогда великий и могущественный ундер Уркайских погрузился в магическую кому, которую в Андалоре было принято называть «последний сон» или «иссякание», он вручил мне это...

Считавшаяся навсегда утраченной святыня жгла руки. Я прижимала заповедные скрижали к груди, понимая, что должна выполнить последнюю волю ундера и прочитать их. Но читать было отчаянно страшно. Заигрывать с древней прамагией не стоит, если ты не готов поставить на кон всё. А я ни за какие сокровища мира не стала бы рисковать детьми, заботу о которых мне так щедро доверила судьба.

И всё же... скрижали манили их развернуть и хотя бы немного, всего одним глазком, взглянуть на те секреты, что они таили.

Я тряхнула головой, пытаясь прояснить спутанные мысли. Оставалось только гадать, как подобное сокровище, искомое множество веков лучшими из лучших, могло оказаться у спятившего старика. Но ещё сильнее удивляло то обстоятельство, что он пожелал отдать их мне. Хотя, казалось бы, любой из его сыновей подошел бы на эту роль куда больше.

— Подойди, — едва слышно попросил дядюшка, стоило мне только оказаться в его спальне.

После визита доктора, который и поставил столь неутешительный диагноз, пока ещё пребывающий в сознании ундер потребовал привести к нему Реджинальда. Я влетела в его покои с выпученными от паники глазами, просто отказываясь верить в реальность происходящего. Дядюшка Цвейг стал мне родным, я искренне к нему привязалась, чувствуя от старика ответные тепло, любовь и защиту. Теперь же я совершенно не представляла, как буду жить без него. Без наших совместных обедов, без восторженных рассказов Тая о том, как дедушка учил его осаде, без хитрого прищура неожиданно ясных глаз, привычки всеми командовать и навязчивой идеи как можно лучше устроить мою судьбу.

Перед внутренним взором так и стояла картина нашего с ним прощания.

— Дядюшка, — прошептала я, опускаясь на пол рядом с его кроватью.

Не удержавшись, сжала его чуть теплую ладонь и приникла к ней виском.

— Слушай внимательно... девочка... — вызывая у меня очередной шок, просипел ундер.

Неужели он всегда понимал, кто перед ним?

— Я хочу тебе кое-что передать. Вот.

Он откинул край одеяла и я с удивлением обнаружила два намотанных на узкий длинный цилиндр свитка.

— Возьми. Теперь они твои.

— Что это? — на мгновение позабыв о плачевном состоянии любимого человека, спросила старика.

— Ответ на все вопросы. Обещай, что исполнишь мою последнюю волю и прочитаешь их!

Ундер неожиданно сильно разволновался, заговорив хрипло и надрывно.

Я сжала его руку сильнее, как бы успокаивая.

— Не волнуйтесь, дядюшка, я читаю, — опрометчиво пообещала.

Но разве у меня был выбор? Каким надо быть человеком, чтобы хотя бы не попытаться исполнить волю умирающего...

— Вот и хорошо, — тут же успокоился он и затих, обессилено опустив налитые свинцом веки.

— Я знаю... — прошептал старик на грани слышимости и словно забредил: — Знаю... ты сделаешь все правильно, девочка... Я дурной человек... хорошо, что мои жены не стали рожать мне детей. Да-да, я знаю... все знаю.

Он засмеялся, словно где-то вдалеке закаркал простуженный ворон.

— Я всегда любил только власть. Власть и свою страну. Большую часть своей жизни я посвятил тому, чтобы отыскать... скрижали... Но оказался слишком слаб перед их величием и мощью. Они свели меня с ума и выпили всю магию. Теперь я умираю. Слышишь?! — вновь вскричал дядюшка, до боли сжимая мои пальцы.

— Скрижали шепчут имя. Твоё имя, Реджи, они выбрали тебя! И я, я тоже тебя выбрал...

По желтой, словно свечной воск, щеке скатилась одинокая слеза. По моим же бледным, напряженным скулам давно бежал целый поток.

— Дядюшка, но меня же зовут Ада, — вяло возразила, понимая, что ундер вряд ли когда-либо это знал.

Однако ответа так и не дождалась. Уркайский сказал свои последние слова. Он всё ещё дышал, но сознание уже покинуло его. Последний сон стремительно утягивал пожилого мужчину в свои невозвратные глубины.

Горло перехватило от спазма. Я и сама не заметила, как сжала в руках предмет главной сокровенной тайны дядюшки Цвейга.

Никакого благоговения или трепета скрижали у меня не вызывали. Больше всего на свете мне сейчас хотелось обменять их на здоровье для угасающего старика. Ну, или в крайнем случае, просто их где-нибудь понадежнее закопать. Подальше от сомнительных личностей или тех, кому древнее сокровище может причинить нечаянный вред. Вот только обещание, данное дядюшке, жгло мне душу.

На ватных ногах я поднялась с пола и, даже не думая прятать прощальный подарок ундера, вышла из спальни.

Удивительно, но на свитки в моих руках никто не обратил внимания. Рэт, так и не успевший проститься с отцом, тут же недогнувшим голосом стал отдавать различные распоряжения, а после скрылся в отцовской спальне. Я же попыталась пристать к доктору, который все ещё не покинул особняк и, как мне удалось понять, теперь будет находиться подле дядюшки постоянно, вплоть до момента, когда тот уже окончательно отойдет в мир иной. Думать об этом без пронзающей сердце боли было совершенно невозможно.

— Скажите, разве нет средства как-то подпитать его силы? — спросила эскулапа в

страстной надежде отыскать волшебное средство.

— К сожалению, нет, — ответил среднего роста почтенный господин, с густой, абсолютно седой шевелюрой и пышными бакенбардами.

Облачен он был в классический для людей его профессии красно-коричневый фрак с черным жилетом, края которого украшало серебряное шитье из перевернутых восьмерок, пузатых колб и черепов. Символика, на мой взгляд, больше подходящая какому-нибудь некроманту, но таких, как я узнала, в Андолоре не водилось. — Причина нынешнего состояния больного — необратимое магическое истощение, — словно маленькой, пояснил мужчина.

— Но неужели нет ни одного мага, ни одного волшебного эликсира, способного это как-то исправить?! — в отчаянии вскричала я, не желая так легко сдаваться.

Мы же в магическом мире, в конце концов!

Доктор сочувственно покачал головой.

— Существуют легенды о том, что некогда среди носителей силы встречались выдающиеся целители, которые могли вырвать человека из капкана «последнего сна». Но, увы, маги данного таланта давно и бесследно исчезли. Теперь медицина — удел таких простых людей, как я. А мои возможности, к сожалению, весьма ограничены. Я не чудотворец, госпожа, и мага-целителя из шляпы вам не достану. Нужно принять неизбежное. Дни вашего дядюшки подходят к концу.

Я заплакала, уткнувшись носом в грудь подошедшего к нам хмурого, словно грозное облако, Ланзо.

— Ланзо, — всхлипывая, сдавленно прошептала, понимая, что если немедленно не сниму груз с души, то просто доведу себя до нервного срыва. — Твой папа в коме, а у меня в комнате спит маленькая чудесная девочка. Твоя дочь. Я назвала её София. Даже не думай её куда-нибудь усрать. Она будет расти вместе с нами. Хорошо?

Я подняла лицо, с надеждой всматриваясь в суровые черты. Эта дикая смесь мольбы и угроз звучала, должно быть, бессвязно и совершенно дико, но на лучшее я сейчас все равно была не способна. По крайней мере, мне хотелось верить, что братья семьи Уркайских и в частности, этот конкретный брат — создания стойкие, и поток моих ошеломляющих новостей его если и покачнет, то не сломит.

— Поговорим позже, — даже не поведя бровью, ответил Ланзо. — Где отец? Я хочу видеть его.

— В своей спальне, мой господин, — поспешил сообщить доктор.

— Там Рэт, — добавила я, но Ланзо уже скрылся за дверью.

— Вам лучше пойти и немного поспать, — посоветовал медицинский светила.

Прозвучавшие в его голосе заботливые нотки так напомнили мне интонации ундера, что я на мгновение словно утратила способность дышать. Таким сильным ударом под дых оказалось это открытие.

— Что ж, благодарю, так я и сделаю, — кивнула мужчине и медленно побрела на свой этаж.

К детям, к сердобольной уютной Кларе, к мягким шепутным хомарчикам. Пускай одна из мощных опор моей жизни трещала и крошилась под натиском неумолимого рока, зато остальные все ещё были при мне. Ради них я просто обязана быть сильной, уверенной, спокойной и обязательно верить в лучшее.

А ещё — верить последним словам дядюшки и исполнить его волю. Нужно лишь как

следует выспаться и собраться с мыслями.

12. Вся королевская конница...

Глава двенадцатая

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ КОННИЦА...

Почему мир так жесток к женской душе? Ужасно....

А ведь пару ласковых слов и объятий, как счастлива и женщина, и тараканы вокруг.

Соцсетъ. Комментарий к паблику.

Прошло несколько дней. Сколь бы ни была ужасной грядущая потеря, а простые повседневные заботы брали своё. Постепенно мы привыкали жить в соседстве со смертельно больным дядюшкой, хотя атмосфера в доме и изменилась далеко не в лучшую сторону.

Зато, к моему великому облегчению, благополучно разрешился вопрос, касающийся участи нашего прелестного подкидыша-Софии. Почти целый день Ланзо бегал от меня, как от прокаженной, прикрываясь заботой об Эльмаре, которого с некоторых пор взял под своё крыло.

Юноша подавал большие надежды по части воинских умений, в том числе и магических. Что изрядно удивило много чего повидавшего на своем веку главу Гэнмортиса. По всему выходило, что клейменный грубым антимагическим тавром Эльмар никак не мог управлять источником собственной силы. Однако, несмотря на страшную печать, магия его нет-нет, да прорывалась наружу, порой самым причудливым образом и в самый неподходящий момент.

Она была жаркой и дикой, словно пламя огненного смерча. И если мой горделивый темный феникс стремился всё просто и быстро превратить в остывающий пепел, то огненный лис Эльмара сначала желал устроить зрелищный фейерверк.

И всё же юноша страдал, не имея возможности пользоваться своим даром свободно. Я не переставала ужасаться, насколько жестокосердно, совершенно не заботясь о последствиях, сильного перспективного мага расточительно превратили в магического калеку. Ланзо, к его чести, озадачился целью найти способ исправить содеянное. Он задействовал все свои связи и проводил много времени, тренируя своего нечаянного подопечного.

Но сколько бы мужчина ни избегал необходимости познакомиться с собственной дочерью, в конце концов, эта эпохальная встреча все же состоялась.

К тому времени у нас уже завелось проводить вторую половину дня в саду в одной из наиболее удобных беседок. Вот и в этот раз мы собрались в ней уже привычным составом: я с Таем и Софией, Клара со своей малышкой и старшим сыном. Рядом, развалившись на мягких тюфяках плетеного дивана, расслабленно возлежал внезапно присоединившийся к нам в последний момент Каспар. Зажав в губах травинку, он дремал, вполне благосклонно относясь к спящему на его голове Клопику.

Остальные хомарчики гонялись друг за другом вокруг пышной клумбы, то и дело подбегая к растянувшемуся на вечернем ласковом солнышке Фру-Фру.

Не так давно отобедавшие Соня и Марина также изволили почивать в своих переносных люльках. Мальчишки, стараясь по нашей просьбе сильно не шуметь, покоряли нижние ветви старого кряжистого дуба, растущего неподалеку. Мы с Кларой тихо переговаривались, обсуждая содержимое моего профессионального чемоданчика, которое поразило её в самое сердце.

Где-то на середине нашего разговора в беседку и шагнул Ланзо. Внешне он казался как

всегда невозмутимым, однако лихорадочный блеск в глазах все же выдавал его истинное состояние.

— Как хорошо, что ты пришел, — как можно мягче сказала я вместо приветствия. — Вот, — достала из кармана простого домашнего платья, которое теперь могла носить без опаски, письмо, адресованное Уркайскому его бывшей любовницей.

Понимая, что рано или поздно этот вопрос всплывет, я постаралась быть готовой ответить на него в любой момент. Поэтому письмо все время носила с собой.

Ланзо развернул послание, бегло прочитал, а затем смял. Он вскинул на меня глаза, на мгновение выдав те боль, разочарование и растерянность, которые сейчас попеременно владели им. Затем снова закрылся, стирая с лица всякий намек на эмоции, и перевел напряженный взгляд на люльку.

— Это она? — на всякий случай уточнил и, дождавшись моего молчаливого согласия, подошел ближе.

Он надолго замолчал, просто рассматривая безмятежно спящую малышку.

— Как думаешь, она на меня похожа? — шепотом спросил, словно боялся потревожить крепкий детский сон.

В то же мгновение я поняла, что беда обошла нас стороной. Ланзо принял свою незаконную дочь и теперь пытается как-то привыкнуть к мысли, что она у него есть.

— Сейчас трудно сказать, — ответила я. — Она слишком маленькая, черты со временем могут поменяться. Но характер у неё определенно твой. — Я позволила себе хитрую улыбку.

— Не самая лучшая новость, — привычно ухмыльнулся он.

Внезапно София сонно заворочалась, забавно чихнула и резко открыла свои невозможно-серые, словно сотканые из дыма и серебра, глаза. Секунду молча таращилась на нависшего над ней отца, а затем взяла и улыбнулась. На пухлых щечках появились ямочки, делая и без того очаровательный образ до невозможности умилительным.

— Похоже, я ей нравлюсь, — ошарашено протянул командир самых смертоносных во всем королевстве головорезов.

— Конечно, нравишься, — подыграла ему, — ведь ты её любимый попочка.

— Любимый? Она меня даже не знает, — справедливо усомнился Ланзо.

— В твоих силах это исправить, — заверила я его и, достав малышку из её колыбельки, осторожно протянула мужчине.

Он посмотрел на меня округлившимися глазами. Вряд ли первый воин его величества прежде перед чем-то пасовал, а тут оробел.

— Смелее, она не кусается, — подбодрила Уркайского и помогла устроить девочку у него на руках.

Словно чувствуя важность момента, София вела себя покладисто, с интересом наблюдая за происходящим.

— София, — прошептал он, будто знакомился.

В том, как Ланзо держал своё крошечное дитя, в том, как они зачарованно смотрели друг на друга, в том с каким сковывающим горло трепетом он произносил её имя, тоже была какая-то особая вечная магия. Глядя на их воссоединение, я улыбалась, сияя, как начищенная медная ваза, и ничего не могла с собой поделать.

— Ну, ты, братец, конечно, меня удивил, — внезапно подал голос до сего момента притворявшийся канделябром Каспар.

— Тс-с, — цыкнула я на него и кинула подушкой. — Не порти момент!

На этом приятности текущей недели не закончились. Впрочем, как и неприятности, но обо всём по порядку.

В субботу, убедившись, что это будет уместно, визит нанесла мидресса Урелия Кларк, моя добрая знакомая по швейной лавке. Она пришла вместе с дочерью, разговорчивой бойкой девочкой, разряженной по последней моде.

Впрочем, при взгляде на подвижную Матильду весьма быстро становилось очевидным, что решением нарядить её в пышные банты и рюши она была обязана прихоти своей матушки. Сама же маленькая бандитка семи лет отроду подобным гардеробом лишь тяготилась.

Она с завистью смотрела на простые, хоть и сшитые из дорогой ткани штанишки Тая, а также на кюлоты из сукна попроче у Александра и, видимо, страстно желала занять себе такие же. Мальчишки же смотрели на свою новую яркую знакомую девчачьего пола в немом изумлении и даже, кажется, боялись дышать. Словно впервые в жизни увидели девочку. А уж после того как Матильда, презрев неудобство своего щедро украшенного кружевами платья, ловко вскарабкалась на самый высокий сук и начала распевать задорную песенку, и вовсе прониклись к ней самым настоящим обожанием.

Глядя, как дети знакомятся, а затем вместе играют, мы с Урелией провели несколько приятных часов. Затем тепло распрощались, условившись, что она будет приводить Матильду почаще. Сама мидресса, увы, не могла уделять походу в гости так много времени, как хотелось. Заботы о лавке отнимали почти всё её время.

Наконец настала пора Лорда исполнить своё обещание. Он прибыл в особняк довольно поздно. Но мы с Таем ещё не спали.

— Я задержался, — стряхнув с коротко стриженных волос мелкие капли морозящего на улице дождя, констатировал он очевидное.

Мы несколько дней практически не виделись и я успела ужасно соскучиться.

Наша встреча произошла в главном холе, практически возле входной двери. Зловещая служанка механически принимала его плащ и шляпу, которую он зачем-то снял раньше времени, из-за чего немного промок.

Рэтборн смотрел на меня внимательно, с интересом. По сути, сейчас он в первый раз видел меня в платье. Оно было голубое. С нежными облачками хаотично рассыпанных крошечных синих незабудок. С чередой мелких, обтянутых тканью пуговиц на спине и высоких манжетах. С пышной летящей юбкой, туго затянутой широким поясом на талии, и округлым отложным воротничком из тончайшего белого как лунь кружева. Оно так мне шло, что утром, нарядившись в него, я полчаса крутилась у зеркала.

— Для прогулки время позднее, да и погода не располагает, так что я подумала, что ты мог бы почитать нам с Таем перед сном.

Интонацией и общим настроением я постаралась сделать так, чтобы Лорд догадался, — я помню о нашем уговоре и жду, что он выполнит свою часть сделки.

В ответ глаза Рэта словно немного потемнели. Взгляд сделался более тяжёлым, испытывающим.

— У меня нет детских книг, — давая понять, что в целом не против, наконец ответил он.

— Всё в порядке, — поспешила заверить, боясь спугнуть удачу. — Думаю, что-нибудь

подходящее обязательно отыщется у меня.

И тут я ни капли не лукавила. Благодаря стараниям дедушки Тая в его игровой имелся целый шкаф, забитый увлекательными книжками на самые разные темы.

— А вообще знаешь, — мы вместе, практически рука об руку стали подниматься по ступеням, — твоему сыну очень нравятся трактаты о магии. Как по мне, в основном ужасная скука.

На словах «твоему сыну» плечи Лорда напряглись, но я сделала вид, что не заметила этой реакции. В каком-то смысле прогрессом могло считаться уже то, что Рэт не оборвал меня на полуслове и не заявил с гневом, что Тай — сын шлюхи и к нему не имеет никакого отношения.

Конечно, возможно, Уркайский просто настолько сильно хотел заполучить меня к себе в постель. Но лично я предпочитала верить в то, что он наконец стал потихоньку отпускать прошлое, допуская в своё настоящее что-то по-настоящему важное. Вернее сказать — кого-то.

— Папа, смотри, как я умею. — Едва Рэт закончил читать первый абзац детского издания, посвящённого великим мореплавателям, как Тай его позвал.

Он робко разжал ладошку, в центре которой оказался какой-то камешек. По виду он сильно напоминал обычную стекляшку.

— Что это? — удивилась я и необдуманно прикоснулась к ней.

В планах было передать неприметную штучку Рэту, как того Тай и желал. Однако я никак не ожидала, что камешек окажется ужасно холодным на ощупь.

Похоже, стекляшка обернулась ледышкой. И, что самое удивительное, несмотря на лето и тепло она совершенно не таяла.

— Я сделал это сам, — заявил сын и мы с Рэтборном озадачено переглянулись.

— Она жутко холодная, — сообщила Лорду и запоздало начала волноваться, как бы после её контакта с нежной детской кожей не остался термический ожог.

Вот только очевидно, что Тай давно держал эту странную мелочь в кулачке, и никаких следов повреждений я у него не заметила.

— Может, ты взял её без спроса на леднике? — нахмурившись, спросил ребенка Уркайский.

Тай возбуждённо замотал головой.

— Нет! Смотри, — и, напугав меня до полусмерти, вдруг сделался до синевы бледным.

В комнате стало холодно. Это был знакомый холод. Как правило, я ощущала его, когда Рэт изволил сильно злиться и крупницы его снежной магии тонкой струйкой убегали из-под нерушимого контроля своего хозяина. Вот только сейчас Лорд хранил полное спокойствие.

— Сыночек, — я подалась к ребенку и тут же поняла, что он и был источником внезапной прохлады. — Рэт, что происходит? — укутав сопротивляющегося ребёнка по самые брови в одеяло, растерялась я.

— Он маг холода. — После секундной паузы ошарашил Лорд.

А затем немного подумал и добавил:

— Такой же, как я.

Тай смотрел на отца во все глаза. С такой огромной щемящей надеждой, что, клянусь, я не простила бы Рэта никогда, вздумай он сейчас её разрушить.

— Ты молодец, — внезапно сказал он мальчику. — В твоём возрасте моя магия ещё крепко спала. Ты станешь сильным. Очень сильным...

— Но только если будешь усердно учиться и хорошо кушать. Не одни пирожные, — решила нужным добавить и, широко улыбнувшись сынишке, поцеловала его в уже потеплевший лоб. — А теперь всё же давай послушаем, как папа читает. Закрывай глазки.

Тай улёгся поудобней и послушно закрыл глаза. Пожалуй, впервые за всё проведённое вместе время он выглядел настолько умиротворенным.

Очередная корзина дорогущих сумеречных колокольчиков Рэтборна дома не застала. По этому я имела возможность наслаждаться её видом и ароматом гораздо дольше, чем в первый раз. Спустя час после её доставки, на пороге особняка Уркайских появился и сам даритель — посол Тарквинии Виктор Озарийский собственной персоной.

Его визит застал меня врасплох, но отказать столь высокопоставленной фигуре в приеме я, честно говоря, просто не посмела. К тому же, было ужасно любопытно, что мужчина собирается мне сказать. В конце концов, вероятно, это самая удобная возможность расставить точки на «і». После прошедшей ночи ни о каких послах, будь они даже образцом чистейшего великолепия, я даже и думать не хотела. Приходилось признать — от любви у меня окончательно снесло крышу.

— Вы потрясающе выглядите! — едва я вошла в гостиную, сказал Озарийский, делая шаг навстречу. — Хотя то, как вы смотрите в кюлотах, теперь запечатлено в моем сердце навсегда.

Он говорил с изрядной доли иронии, но не обидной, а скорее искушающей.

— Подозреваю, что запечатлено это не только в вашем сердце, но и во всех скандальных хрониках высшего света, — развила я его мысль.

Виктор рассмеялся и весьма бесцеремонно взял меня за руку. Ни на ком из нас снова не было перчаток. На мне по вполне понятным причинам — я была у себя дома. А вот отчего столь обязательным предметом гардероба пренебрег посол, можно было только гадать.

Прикосновение кожи к коже вышло каким-то слишком интимным, и я поспешила отвоевать свою конечность обратно. Вот только мужчина держал крепко.

— Как это понимать? — кивнув на его хватку, удивилась я.

— Прошу меня извинить, — вдруг став весьма серьезным, ответил Виктор, — но вы производите на меня какой-то совершенно магнетический эффект. С момента нашего «разговора» на балу я думаю о вас постоянно. Меня тешила надежда, что вскоре мы на каком-нибудь из приемов встретимся вновь, однако вы, как выяснилось, домоседка. Мои надежды оказались напрасными.

Слова Озарийского лились точно елей. Что скрывать, слушать их мне было приятно. Как и иметь в поклонниках столь видного мужчину. Однако долго подыгрывать собственному тщеславию я не собиралась.

— Не знаю, что вам на это ответить. Для начала все же отпустите мою руку, — настояла и с облегчением вздохнула, когда мужская ладонь разжалась. — Благодарю.

— Вы получили мой подарок? — коротко улыбнувшись, поинтересовался посол.

— Оба раза. Цветы совершенно чудесные.

— Как только я вас увидел, то отчего-то подумал именно о них. Сумеречный колокольчик — редкий, обманчиво хрупкий цветок с удивительными свойствами. Впрочем, о них мало кому известно.

Я тут же насторожилась. О моих скрытых талантах также знал очень ограниченный круг лиц. А учитывая, что это именно я посадила Озарийскому комара, потенциальный намек на

то, что ему известно больше, чем другим, изрядно напрягал. Возможно ли, что послу стал доступен мой самый главный секрет?

Пытаясь как-то выгадать время и успокоиться, я предложила мужчине присесть и угоститься бокалом вина. Время его визита вполне это позволяло. Не чаем же, в самом деле, поить этого самца?

— Мне лестно слышать столь высокую оценку в свой адрес, — возобновила я разговор, — но боюсь вы все же меня переоцениваете. Может, я и не самая обычная женщина, если сравнивать с большинством, однако так же, как и все, стремлюсь к вполне заурядным вещам.

— И к каким же, позвольте узнать?

— К уютному дому. К семье, — начала я перечислять, не боясь показаться скучной. — К счастливым здоровым детям. Ну и по выходным к равноправию, — добавила в конце.

Озарийский сделал глоток из бокала и склонил набок голову, словно внимательно меня изучая. На шутку о равноправии он ответил улыбкой.

— А вы знаете, что в Тарквинии возможности женщин гораздо шире? Они могут владеть недвижимым имуществом. Иметь отдельный счет в банке. Получать образование по немагическим специальностям.

Я, разумеется, была не в курсе и очень заинтересовалась, услышав подобные новости. Оказывается, не все государства Притэи были столь отсталыми по части гражданских свобод для лиц женского пола.

— Очень рада за жительниц Тарквинии. Андалору явно есть чему у вас поучиться. Кстати, — встрепелась, вспомнив о том, что дядюшке необходим маг-лекарь. — У вас случайно нет знакомого мага, владеющего даром исцеления?

— Увы, — развел руками Виктор. — Последний маг похожей спецификации умер примерно лет пятьдесят назад. С тех пор медицина, основанная на научном подходе, сильно продвинулась вперед. Но чудес обычные доктора, конечно, творить не научились.

— А нам сейчас нужно именно чудо... — протянула я, испытывая легкое опустошение после ответа посла.

Не только его надежды оказались разрушены.

— Я вижу, вы расстроились. До меня дошли новости о тяжелом состоянии ундера Уркайского. Если я могу быть чем-то полезен, смело обращайтесь.

— Боюсь, что нет, — решив плюнуть на правила светского этикета, я налила себе вина и тут же его пригубила.

От одной мысли о неизбежной потере меня начинали душить слезы бессилия. Прокатившаяся по горлу чуть вяжущая сладость принесла лишь мимолетное облегчение.

— Не отказывайтесь сразу. Меня очень полезно иметь в качестве друга, — весьма серьезно заявил Озарийский, — но супругом ещё полезнее.

Я слегка поперхнулась, удивленно таращась на посла поверх своего бокала.

— Предлагаете мне выбрать? — прямо спросила его.

Виктор кивнул.

— Предлагаю.

Наши взгляды встретились.

Отчего-то я чувствовала себя круглой идиоткой. Какое-то чересчур урожайное утро получилось. Едва я успела выпорхнуть из постели одного красавчика, как на пороге с предложением руки и сердца нарисовался другой. Вот только искушения ответить ему «да»

меня так и не посетило. Но и отказать следовало так, чтобы не повредить хрупкий субстрат мужского самолюбия.

— Вы молчите? — наседал Озарийский.

— Не знаю, что вам сказать, — честно ответила я.

— Но я вам нравлюсь, — весьма самонадеянно заметил он. — Не тратьте силы, убеждая меня, что это не так.

— Даже и не собиралась, — хмыкнула совсем неделикатно.

— В таком случае, существует какое-то весомое «но»? — очень пронизательно предположил посол.

Я вдруг запоздало сообразила, что за все время нашей беседы Виктор ни разу не прибеж к своему магическому дару убеждения. С одной стороны, это сильно повысило его личные рейтинги в моих глазах, с другой — сделало версию о его исключительной осведомленности ещё более вероятной.

— У меня есть ребенок, — в ответ на его вопрос решила сразу зайти с козырей.

— Об этом мне известно, — тут же сообщил он.

— В некотором роде два... ребенка...

— Второй, насколько я знаю, всё же не ваш.

Мне стало смешно и я засмеялась.

— Учитывая, что мы сейчас говорим о семье главы Тайного Приказа, ваша информированность поражает.

Озарийский рассмеялся следом с таким довольным видом, словно я сделала ему самый изысканный комплимент.

— Благодарю. — Он склонил голову в шутовском поклоне. — Впрочем, не стану долго почивать на лаврах. Уверен, что Лорду известно обо мне не меньше...

И снова то ли утверждение, то ли тонкий намек заставили меня вспомнить о подсаженном «комаре».

— Давайте вернемся к главной теме, — отвлекая от внутренних переживаний, предложил Виктор. — Итак, как мы выяснили, про всех детей я знаю, и их наличие никак меня не смущает. Скорее, наоборот, я рассчитываю увеличить их количество. Разумеется, если вы проявите благосклонность и ответите мне «да».

Надо отдать Озарийскому должное, действовал он крайне решительно. Причем с такой подкупающей откровенностью, что где-то на задворках сознания даже мелькнуло сожаление о моей истовой влюбленности в другого человека. Вот только отменить собственных чувств я уже никак не могла.

— Виктор, — начала я как можно более мягко, — вы едва меня знаете. Не думаю, что столь поверхностное знакомство может служить основанием для сватовства. Но даже не это главное. — Видя, что посол готов возразить, поспешила продолжить: — Учитывая вашу прямоту, я должна вам признаться. Мое сердце уже занято.

В ответ на эту весьма громкую новость Виктор даже бровью не повел. Словно ожидал услышать нечто подобное.

— Что ж, признаюсь вам и я, — невозмутимо начал он. — Конечно, я надеялся на другой ответ, но и этот не стал неожиданностью. Вы буквально окружены мужчинами. Ничего удивительного, что один из них сумел произвести на вас сильное впечатление. Однако, прежде чем принимать окончательное решение, прошу вас подумать вот о чём. Какая судьба вас ожидает в Андалоре с его закостенелыми законами и обычаями? И,

напротив, если вы согласитесь стать моей женой, то я могу гарантировать вам определенную долю независимости. В пределах разумного вы сможете сами распоряжаться своей жизнью и состоянием. А оно у вас будет. Я намерен позаботиться об этом.

Так и подмывало уточнить, кто же будет определять эти самые «пределы», в рамках которых мне обещается свобода. Но я воздержалась от этого. Ещё не хватало, чтобы моё любопытство было истолковано как попытка договориться. Хотя, врать самой себе всё же не стоило. Виктор верно меня разгадал, предлагая в качестве «выкупа» именно то, что я определяла как наибольшую ценность. Уважение, стабильность, право самой распоряжаться своей судьбой.

Видя, что я затрудняюсь с немедленным ответом, посол встал с кресла, в котором до сего момента восседал, угощаясь молодым вином, и, прежде чем откланяться, проговорил:

— Не стану больше на вас давить, рия Ада.

Он впервые назвал меня по имени, и в том, как это сделал, чувствовалось нечто особенное.

— Но обещайте как следует подумать.

— Обещаю, — вполне искренне заверила я.

Дни дядюшки Цвейга, опекающего и гарантирующего мне достойное место в этом мире, подходили к концу. Несмотря на очевидное потепление в наших с Рэтом отношениях, в них всё ещё было больше вопросов нежели ответов. Я не могла даже предполагать, какое будущее под сенью этого дома уготовано нам с Таем. Поэтому, несмотря на свои чувства к его отцу, я всё же была тверда в намерении самым серьезным образом обдумать предложение желающего взять меня в законные жены посла.

В тот момент я ещё не подозревала, что уже совсем скоро мысль о том, чтобы примерить на себя статус невесты Виктора и как можно скорее уехать из страны, станет для меня сродни спасению.

Прическа графини Унны фон Лару возвышалась над её угловатым морщинистым лицом точно светофор у оживленного перекрестка. Невероятное нагромождение разноразмерных голубовато-белых буклей-башней стремилось к небу, а у её подножия в живописном беспорядке возлежали кисти искусственного винограда. Судя по благородному мерцанию, они были собраны из драгоценных камней фиолетового и зеленого цвета. Не обошлось и без птицы. На винограде, гордо расправив крылья, сидел большой тропический попугай, по случаю, в этот раз не живой, а лишь его искусно сделанное чучело.

— Мин сальмон, моя драгоценная, — пропела старушка, опираясь на трость со вставками из слоновой кости и рукояткой в форме головы аллигатора, — простите за мою назойливость, но я умираю от скуки в этом душном болоте под названием столица. Вы для меня как глоток свежего воздуха. Поэтому, во время своего возвращения от давней приятельницы я вдруг надумала навестить вас. Конечно, пришлось сделать крюк, но я уверена, вы не погоните немощную старушку и не оставите её без живительной чашечки бискайского бренди.

Графиня выразительно подмигнула, давая понять, что не оговорила. Ведомая нашей служанкой, в сопровождении своей невозмутимой компаньонки средних лет, она вошла в атриум.

Этот неожиданно уютный внутренний дворик квадратной формы я обнаружила недавно и причем совершенно случайно. Во многом благодаря стремительно подрастающему

выводку Фру-фру, который с большим энтузиазмом продолжал исследовать особняк. Неудивительно, что иногда кто-нибудь из малышей терялся, и полдома вставало на уши, пытаясь отыскать потеряшку.

Оказалось, что родовое гнездо Уркайских напоминало сундук с двойным дном. Видимо, проектировавший его архитектор был либо пьян, либо не в себе. По конструкции и отделке, в целом, особняк нёс в себе причудливую смесь черт георгианского и готического стилей. Однако, то тут, то там встречались тайные комнаты или ниши, словно перенесенные сюда из какого-то другого здания. Например, атриум больше всего напоминал мне что-то античное. Здесь всегда было прохладно и царила успокаивающая полутьма. В центре стоял небольшой фонтан с изображением девочки, играющей на свирели. Из сопла изящной дудочки, приятно журча, текла тонкая струйка прозрачной воды.

Место показалось мне очень романтичным и уединенным. Слово приютивший меня особняк, этот огромный каменный великан, местами страшный и угрюмый, вдруг обнажил своё нежное сердце.

Мы решили устроить в атриуме пикник. Расстелили на гладких каменных плитах большой ковер и набросали на него подушек. В центр поставили низкий столик с прохладительными напитками и различными лакомствами с закусками.

На дворе свирепствовало лето. Повсюду стоял зной, а здесь было свежо и безмятежно.

Малышки спали в люльке. Мы с Кларой читали друг другу по очереди свежие газеты. Тай с Александром пытались дрессировать хомарчиков, и мы то и дело на них беззлобно шикали, когда, разыгравшись, мальчики начинали шуметь слишком громко.

К моменту, когда во дворике появилась графиня, Клара с девочками уже удалилась, собираясь их покормить и искупать. Я осталась присматривать за старшими.

Все же Рэт был прав — следовало нанять кормилице помощницу, либо кого-то вроде гувернера для Тая и Алекса. Да и вообще, чем дальше, тем больше у меня зрел план по смене inferнальной части прислуги на обыкновенных живых людей. Оставалось только придумать, как подступиться с этим вопросом к Рэтборну, да выгадать подходящий момент.

— Добрый день графиня. Как поживаете? — изрядно удивившись, тем не менее тепло поприветствовала я свалившуюся как снег на голову аристократку. — Очень рада вашему визиту. Хотя, и не скрою, вы застали меня врасплох. Боюсь, здесь совершенно не на что присесть.

Унна фон Лару лишь махнула рукой.

— Какие пустяки, гиттам.* Руфалия быстренько добудет мне какое-нибудь кресло.

В ответ на подобное заявление компаньонка лишь сухо кивнула и, развернувшись на каблуках, скрылась в недрах дома. Уже через несколько минут графиня с комфортом расположилась в кресле у ковра. Я опустила на одну из подушек.

— Тай, Алекс, пойдите сюда, — окликнула я мальчишек, на которых появление графини произвело заметный эффект.

Они весьма прямолинейно тарацились на засевшего в волосах старушки попугая, совершенно растеряв все манеры. Конечно, для их возраста и ситуации это было простительно, но я про себя всё же вздохнула. Видимо, настала пора срочно озаботиться их всесторонним образованием. Приобщить к школьной парте я собиралась и Александра. Ребята крепко сдружились и совершенно не обращали внимания на статусные различия друг друга. Мне это нравилось. Я не хотела, чтобы из моего ребенка вырос сноб, ставящий происхождение выше истинных человеческих ценностей. Но то был мой очередной

маленький секрет. Сомневаюсь, что кто-либо из аристократов Андолора поприветствовал бы подобный подход.

К моему счастью, заводить для своих малолетних родовитых отпрысков наперсников из простолюдинов являлось весьма распространенной практикой. Иногда их даже вместе обучали, так что мои планы со стороны выглядели вполне традиционными.

— Поздоровайтесь с госпожой графиней, — попросила ребят.

— Добрый день, госпожа.

— Добрый день.

Зазвучали тонкие мальчишеские голоски и графиня, словно добрая бабушка, расплылась в широкой улыбке. Отчего весьма толстый слой пудры на её лице едва не пошел трещинами.

— Дети? — ответив благосклонным кивком, удивилась она. — Не знала, что этот склеп за последнее время настолько ожил. И скажите скорее, ради всего святого, что это за прелестные создания в их руках?

— В самом деле, — согласилась я, — теперь здесь бывает весьма оживленно. А это... — Я показала Таю, чтобы он поднес к нам одного из хомарчиков, — это королевский хомар. Редчайшее животное магического происхождения. До недавнего времени я считала, что тот, который живет у нас, — единственный в своем роде. Но потом Фру-фру взял и осчастливил нас приплодом.

Детей очень веселила эта история и они вторили моему рассказу порцией веселых смешков.

— Ах, какая прелесть! — заполучив на руки одного из хомарчиков-двойняшек, чуть ли не с придыханием воскликнула фон Лару. — Я вас прошу... Нет! Умоляю, продайте мне одного, а лучше парочку. Уверяю, им будет у меня очень хорошо. Я обожаю животных, а таких прелестных вижу вообще впервые.

— Что скажете, ребята? — не ожидая подобного поворота, я в некоторой растерянности смотрела то на старушку, то на сына с Александром.

В любом случае, решение следовало согласовывать с детьми, так как они сильно привязались к пушистикам и я не хотела их расстраивать. С другой стороны, предложение графини было весьма кстати. Хомарчики требовали огромного внимания и ухода. Каждый малыш отличался своим характером и единой для всех непоседливостью. Только чертёнок Мефистофель, пожалуй, оказался наименее проблемным по одной простой причине. Похоже, он выбрал своей хозяйкой меня и старался все время держаться поблизости. Таким образом, присматривать за ним было легко. А вот остальные его братья и сестры...

Словом, оставить в особняке весь выводок нам вряд ли бы кто позволил.

— А мы сможем их навещать? — после минутной паузы деловито спросил Тай.

— Конечно! — тут же с готовностью отозвалась графиня. — Я буду только рада.

Сынишка посмотрел на меня, на Алекса, затем снова на меня и, наконец, с очень серьезным видом кивнул.

— Тогда хорошо. Только пускай хомарчики сами выберут, кто из них поедет с вами жить.

— Но не сейчас, — поспешила уточнить. — Сейчас они ещё слишком маленькие.

— А когда же? — несколько огорчилась старушка, но я не собиралась поступать с здравым смыслом.

Всем нужна мама и пушистики не исключение.

— Через месяц, не раньше. Им ещё нужно время, чтобы подрасти и окрепнуть.

Услышав, что любимых питомцев забирают не прямо сейчас, дети повеселели.

— Ну что ж, не стану возражать, — отозвалась фон Лару, принимая из рук компаньонки ранее упомянутую «чашечку» бренди.

Видимо, вовремя подоспевший аперитив примирил её с вынужденным ожиданием. К тому же, я пообещала ей хомарчиков не продать, а подарить. С условием, что это будет наш секрет, и если графиню спросят, она ответит, что купила их за баснословную сумму. Старая интриганка нашла эту идею занимательной и с удовольствием согласилась.

Едва вопрос с питомцами был закрыт, графиня изъявила желание обсудить состояние своего заклятого приятеля и по совместительству моего опекуна дядюшку Цвейга. Тема была безрадостная, к тому же, Тай очень переживал и истово верил, что ещё найдется лекарство и дедушка поправится. Я и сама никак не могла отделаться от беспочвенных надежд, не потворствуя ребенку в его иллюзиях, но и не разубеждая. Поэтому, едва фон Лару заикнулась об ундере, как я попросила мальчиков отнести задремавших хомарчиков в их комнату.

Так мы с графиней остались наедине. Если, конечно, не считать её молчаливой компаньонки.

— Хорошо, что вы отослали детей, мин сальмон. Такие разговоры не для детских ушей. Мне стало известно, впрочем как и всему свету, что ундер совсем плох и дни его сочтены. Не далек тот час, когда вся власть над родом и состоянием Уркайских перейдет к Рэтборну. А зная характер старшего из братьев, я решила, что самое время кое-что предпринять.

Мне было совершенно непонятно, к чему графиня ведёт, однако я внимательно её слушала, чувствуя, что сейчас узнаю что-то чрезвычайно важное для себя.

— Скажите, этот милый белокурый мальчик — сын Лорда?

Я утвердительно кивнула.

— Вижу, он очень к вам привязан, — пронизательно заметила графиня. — Впрочем, как и вы к нему.

Пришлось кивнуть ещё раз.

— Подозреваю, что симпатии сына перенял и его отец?..

Ответа на данное предположение ни утвердительного, ни отрицательного старушка от меня так и не дождалась. Все же мы были с нею едва знакомы и я не стремилась к преждевременной откровенности. Но, видимо что-то в выражении моего лица она таки рассмотрела.

— Так я и думала, — удовлетворенно сообщила она. — Уж больно собственнически он на вас смотрит, когда считает, что никто этого не видит. Я это ещё на приеме у Трындычевской подметила.

Мне едва удалось себя удержать от глупой влюбленной улыбки.

— Не хотите раскрывать карты перед старой хитрой лисицей? — пожурела графиня. — Похвальная предосторожность. Свои тайны нужно держать при себе. Вот только я искренне хочу вам помочь, моя дорогая. Прежде женщинам семьи Уркайских сильно не везло. Все были несчастны и в большинстве своем рано покинули этот мир. До сих пор не могу себе простить смерть Флодиры. Мы, знаете ли, практически росли вместе и были очень близки, — вдруг ударилась старушка в воспоминания. — Но Фло была слишком хрупка, увлечена наукой и гуманна. Старый тиран выбирал себе только таких. Безответных. Шутка ли, схоронить пятерых жен. Однако каждая из них, несмотря на общую беспомощность, кое-

чего все таки стоила. Вы ведь наверняка догадались — ни один из его так называемых сыновей не является его прямым потомком? Все они бастарды. — Старушка злорадно расхохоталась, став на мгновение похожей на первостатейную ведьму. — Правда, никто в целом свете не решится бросить это обвинение им в лицо. Вирцейг ловко прикрыл свой позор. Он каждому дал своё имя, определенным образом воспитал и поставил на ведущие государственные позиции. Столько богатых влиятельных магов под крылом одного рода — великая сила. Безусловно, ундер был мастак обращать проигрыши в победу. Но всё же это так иронично, — с наслаждением протянула она, — иметь столько жен, но так и не получить своего продолжения.

— А вам известно, кто... — Я немного колебалась стоит ли развивать столь шокирующую тему, однако любопытство оказалось сильнее. — Кто их настоящие отцы?

— Всё может быть... — лукаво протянула графиня. — Но тебе эта информация ни к чему, ми питти, — вдруг перешла она на «ты». — Не затем, чтобы стряхнуть пыль со старых скелетов в фамильных шкафах, я сегодня сюда явилась. Мне лишь нужно было тебе сказать, что если вдруг будет туго, знай — двери моего дома всегда открыты. — Она протянула небольшую прямоугольную карточку с адресом и добавила: — Я уже в том возрасте, когда многое могу себе позволить. А мои связи, положение в обществе, и состояние и вовсе предоставляют массу возможностей. В случае чего, поверь, я смогу тебя защитить. Считай, что это мой долг перед Фло, которую я когда-то так подвела.

Конечно, настороженность не до конца покинула меня. Но графиня говорила очень убежденно, с какой-то особой доверительной интонацией. Почти выцветшие глаза старушки влажно блестели, словно она усилием воли пыталась сдержать подступающие слезы. Видимо, история последней жены ундера и в самом деле многое для неё значила. Отчего-то она сочла, что я могу повторить судьбу матери Волкера, и на этот раз предприняла попытку оказать мне свою поддержку.

Что и говорить, готовность фон Лару в случае нужды прийти на помощь очень к ней располагала. Сейчас, общаясь со мной тет-а-тет, женщина совсем не казалась чудаковатой даже несмотря на примечательную конструкцию у неё на голове. Создавалось ощущение, что за своими яркими эпатажными образами она просто мастерски прятала острый ум и сердечность.

Однако я не до конца понимала, отчего всё же графиня считает, будто вскоре меня ждут трудные времена.

— Я очень тронута вашим предложением, госпожа, — поспешила поблагодарить старушку. — Огромное вам спасибо! Но почему ваша озабоченность моей судьбой так обострилась именно сейчас?

Графиня впервые за все время нашего общения отвела глаза. Она сделала вид, что смотрит на свою компаньонку, которая все время нашей беседы тихо сидела в сторонке в одном из дальних уголков на низкой мраморной скамье и увлеченно читала какую-то книжицу карманного формата. Казалось, что до нашей болтовни ей никакого интереса нет.

— Видишь ли, в чем дело, ми гиттам, я подозреваю, что ты практически заменила сыну Лорда мать, — пустилась она в объяснения. — Да и сам Рэтборн, если я хотя бы самую малость разбираюсь в мужчинах его породы, явно наложил на тебя свои лапы. Но, меж тем, замуж он тебя, как я понимаю, не зовет. Зато с недавних пор, и это мне доподлинно известно из надежных источников, глава Тайного Приказа стал активно ухаживать за госпожой Свирской. Её болезный, бесконечно рогатый супруг со дня на день, вне всякого сомнения,

преставится и тогда весьма скоро, особенно если на то будет высочайшее дозволение самого короля, ничто не помешает ей отправиться под венец вновь. Меж тем, все в свете знают, кто является предметом её брачной охоты. Да-да, дорогая моя, — это твой Лорд. Более того, ни для кого не секрет, что они давние любовники. В частности, ночь после приема, по слухам, которым можно доверять, Рэтборн, практически не таясь, провел именно у Свирской.

На меня точно потолок рухнул. В глазах на мгновение потемнело и язык словно прилип к нёбу. Я хотела что-то сказать, но была неспособна вымолвить и слова.

— Знаю, ундер тебя чрезвычайно опекал. Хотя и думал старый дурак, что ты мужчина, — графиня насмешливо фыркнула. — Но теперь, когда все переменялось, я всерьез тревожусь за твою судьбу. Ведь в случае чего тобой можно будет легко манипулировать при помощи ребенка. И очень быстро может так случиться, что ты окажешься бесправной и всеми порицаемой любовницей в доме, где появится новая законная хозяйка.

Разящая, точно стилет, прозорливость её слов вонзилась в меня по самую рукоять. Если то, о чём графиня говорит, и в самом деле окажется правдой даже наполовину... Буквально в одно мгновение все для меня обернется отнюдь не хэппи эндом, а самой настоящей катастрофой.

Дальнейший диалог как-то не задался. Я была слишком ошеломлена и, подозреваю, что отвечала не совсем впопад. Видя моё состояние, графиня понимающе покачала головой и, тепло со мной распрощавшись, отбыла восвояси. Проводив её, я, словно оглушённая, побрела по гулким коридорам мрачного, но уже такого родного особняка.

В груди что-то дрожало и больно сжималось от дурного предчувствия. Сама не заметила, как добралась до комнат дядюшки и неслышной тенью прошла в его спальню. Находящаяся при нём сиделка, завидев меня, понятливо удалилась.

Я присела на краешек кровати и сжала покрытую старческими пигментными пятнами уже заметно усохшую руку ундера. Буквально физически ощущалось, как жизнь чередой мелких капель утекает из дядюшки. Мне страстно хотелось её задержать. Найти способ и запереть живительную энергию в худом, изрядно пожившем, но — я верила — все ещё очень крепком теле.

Ах, если бы он только не пытался подчинить себе силу скрижалей! Тогда бы ни безумие, ни магическая кома не одолели бы его так рано.

Данная мысль всколыхнула во мне очередную тревогу. Душу жгло данное дядюшке обещание. Но как мне было решиться прочитать древние бумажные таблицы, если разум был подобен штормовому океану? Страхи и опасения выбивали из-под ног почву. Нарисованные графиней перспективы откровенно ужасали. А я-то уже поверила, что жизнь налаживается.

Будучи ребенком современного эмансипированного мира, даже перенесясь на Притею, я, пожалуй, слишком легкомысленно относилась к нашей с Рэтом связи. Мне было почти тридцать. Я успела дважды побывать замужем и потому не считала добрачную близость двух свободных зрелых людей чем-то опасным или постыдным. Я намеренно пренебрегла устоями нового мира и теперь могла серьезно за это поплатиться.

И в самом деле, Рэтборн никогда не говорил со мной о чувствах и ещё меньше — о планах связать наши судьбы перед богом и людьми. Но любовь ослепляла и мне было так легко рассказывать себе сказку, будто мы с ним просто встречаемся. Проходим, так сказать, естественный этап любых отношений, который, как я надеялась, в конце концов перерастет

в нечто большее. Только после визита графини вдруг пришло осознание, что, возможно, все мои рассуждения на наш с Лордом счет — это всего лишь фантазии.

Немного посидев с ундером в прохладном безмолвии его одинокой спальни, я наконец смогла немного упорядочить мысли. В конце концов, здесь, перед лицом грядущего конца, вся второстепенная шелуха легко отходила на задний план. Я четко поняла, что какой бы ни оказалась истина, а пребывать в слепом неведении в мои планы точно не входит.

Поцеловав старика в чуть теплую впалую щеку, я твердой походкой покинула спальню. Ни что не мешает поговорить с Рэтборном откровенно. Вполне может оказаться, что слухи всего лишь слухи, и его бесспорное влечение ко мне — достаточный повод считать, что всё у нас с ним хорошо. Просто спрошу его о Свирской напрямую. А там и буду думать, что делать дальше.

Но ни вечером, ни ночью, ни даже на последующие двое суток Рэт домой не пришёл. Он так же не прислал никакой записки, способной прояснить причину его столь долго отсутствия. Такое нередко случалось и прежде. Его работа вообще не имела нормированного графика и частенько вынуждала резко куда-то уехать по срочному делу.

С той лишь разницей, что прежде нас не связывала проведенная вместе ночь. Теперь я все же ждала от него хотя бы небольшой весточки. Разве это бы не послужило доказательством его особого ко мне отношения?

Но весточки не было. По счастью, был Ланзо. Он также иногда пропадал весьма надолго, однако как только оказывался дома, обязательно спешил навестить свою грудную дочь. Вот он-то и рассказал, что в управлении Тайного Приказа аврал и Рэтборн по уши завален срочной работой. Что накануне был раскрыт какой-то очередной заговор и теперь все подвластные Лорду ведомства копошились, как разворошенный муравейник, опасаясь прогневить скорое на расправу начальство.

Эта новость слегка успокоила мой воспаленный сомнениями разум. Однако я все никак не могла придумать объяснение, оправдывающее поведение Рэта. Происходящее сильно подтачивало мою самооценку и мешало контролировать феникса. Моей строптивой огнеупорной птичке очень не нравилось происходящее и она то и дело пыталась соблазнить меня на какую-нибудь яркую демонстрацию нашего общего недовольства. Вот только обращать окружающие меня предметы в пепел я все же не считала конструктивной идеей. Поэтому старательно подавляла свои сильно участвовавшие магические всплески.

Так прошла ещё одна ночь, а наутро я проснулась с твердым намерением взять ситуацию в свои руки.

13. Выходи меня искать

Глава тринадцатая

ВЫХОДИ МЕНЯ ИСКАТЬ

Если ты оказался в яме, первое, что нужно сделать — перестать копать.

Уилл Роджерс

— Что-то мне подсказывает, что это не очень хорошая идея, — в очередной раз заявил Хэйден, остановив свою личную маго-паровую повозку неподалеку от центрального входа главного управления Тайного Приказа.

Причём рулил ею он сам, что было весьма необычно, так как аристократы всевозможных мастей, как правило, предпочитали держать для этих целей водителей. Однако конкретно Уркайский, похоже, был влюблён в скорость новомодного средства

передвижения и в нашем мире наверняка стал бы гонщиком.

Он согласился доставить меня по нужному адресу, но, не переставая, бухтел, пытаясь отговорить от данного шага. Я искренне не понимала, почему.

— Это весьма скандально, по доброй воле нанести визит в место подобное этому, — сообщил он, развернувшись и положив руку на спинку мягкой скамьи, на которой мы оба сидели.

— Пф, — фыркнула, отмахиваясь от столь смехотворного аргумента, — насколько понимаю, это вполне себе общественное заведение. Вон сколько людей снуют туда-сюда.

Я указала в сторону заветных дверей.

— Это сплошь служащие и прочие клерки, — парировал Хэйд.

— Ну и что. Не нужно пытаться меня убедить, будто простые смертные сюда никогда не заглядывают.

— Заглядывают, конечно. В основном под арестом или для дознания.

— К тому же для всего света, мы, вроде как, родня, — напомнила я. — В любом случае мне необходимо как можно скорее поговорить с Рэтом. Он уже который день не появляется дома, и я не собираюсь больше томиться в ожидании ещё бог знает сколько времени. Спасибо, что подвёз!

— Постой, — видя, как я ловко выбираюсь из самоходной машины, окликнул меня Хэйден, — я тебя провожу до его приемной.

Отказываться я не стала. Сердце в груди билось так, что отдавало в висках. Было ужасно волнительно. Поэтому приятной дружеской компании в качестве моральной поддержки я была лишь рада.

Здание Тайного Приказа возвышалось над Семизвёздной площадью на пять этажей. Это было не лишнее изящества, солидное строение, стены которого покрывала штукатурка бледно-терракотового цвета. Со стороны всё смотрелось весьма буднично и безобидно. Однако стоило лишь как следует осмотреться, как в глаза бросалась некоторая полоса отчуждения, которая словно делила площадь пополам, отгораживая Тайный Приказ от всего, что его окружало.

В другое время данное обстоятельство наверняка бы произвело на меня впечатление. Но только не в этот раз. Сейчас меня занимали тревоги совсем другого толка.

Я всё утро потратила на сборы, репетируя про себя речь и продумывая наряд. Видимо, детям передалась моя нервозность. София капризничала. Тай с Алексом что-то не поделили и в первый раз подрались. Клара сбивалась с ног, пытаясь за всеми уследить и дать мне хотя бы немного времени на приготовления.

Очень кстати под руку подвернулся зачем-то заглянувший в особняк Хэйден. По моим наблюдениям, ему явно нравилась нанятая им кормилица, и он нет-нет да находил повод с ней пересечься. Я нагло воспользовалась ситуацией, поручив ему провести воспитательную беседу со старшими детьми. Волноваться за результат не приходилось, Хэйд был прирожденным дипломатом.

В конце концов, всё пришло в относительный порядок, и к часу пополудни я смогла таки вырваться из дома.

К парадному входу Тайного Приказа вела широкая каменная лестница ступенек на пятнадцать. Нас встретил просторный холл и череда очередных убегających вверх лестниц. Они не очень понравились моему и без того взбесившемуся пульсу, однако я так нервничала, что даже не заметила, как преодолела их все.

Как и предупреждал Хэйден, множество удивлённых, заинтересованных, а временами и осуждающих, взглядов сопровождали меня весь путь. Но игнорировать их оказалось совсем не трудно.

Я словно почувствовала, что искомая цель близка, и всегда толкающее нас с Рэтом навстречу друг другу притяжение, будто невидимый трос, всё сильнее и сильнее тянуло меня куда-то вперед.

Приёмная Лорда-экспедитора представляла собой длинную узкую комнату с высоким потолком и, казалось, бесконечной ковровой дорожкой светло-бежевого цвета. Стены были отделаны лаковыми деревянными панелями и жаккардовой тканью зелёного цвета с золотым отливом. Прямо при входе стояли стол и отодвинутое в сторону небольшое кресло. Будто кто-то только что здесь сидел, но по какой-то надобности отлучился.

— Видимо, секретарь-помощник куда-то отошел, — подтверждая мои подозрения, сказал Хэйд. — Там кабинет брата.

Он кивнул в сторону противоположного конца коридора с массивными двустворчатыми дверьми практически чёрного цвета. Издалека мне показалось, что одна из её створок была чуть приоткрыта.

— Ты иди, если уж твердо решила застать Рэтборна врасплох, а я дождусь секретаря и предупрежу его о твоём визите.

— Спасибо, — устремившись вперед, отчего-то почти шепотом поблагодарила я Хэйдена.

Невысокие каблуки моих полусапожек утопали в плотном ворсе ковра и почти не производили шума. Я быстро преодолела оставшееся расстояние. Поправив простую, но очень подходящую мне прическу, я торопливо разгладила складки на юбке своей новой жемчужно-серой мимизетки и решительно распахнула дверь. Она и в самом деле оказалась не закрыта до конца.

Увиденное едва не заставило меня пошатнуться. Если бы я не успела вцепиться в бронзовую дверную ручку, то наверняка так бы и случилось.

В кабинете — большом гулком пространстве с арочными окнами в пол и огромной хрустальной люстрой под потолком — Рэт оказался не один. Он стоял напротив своего как всегда заваленного многочисленными папками стола, заложив руки за спину. Но не это повергло меня в ледяную оторопь. А то, как самозабвенно к нему прижималась находящаяся здесь же Балалайка.

Она вцепилась в отвороты его форменного камзола, обвила свободной рукой мужскую шею и, привстав на цыпочках, целовала моего Лорда. А он просто возвышался над ней и благосклонно позволял себя лапать. Кажется, он ей даже отвечал.

Впрочем, я уже не могла различать детали. Стало так тошно, что я на мгновение как будто ослепла.

— Реджи? — первым меня заметил Рэтборн.

Свирская даже не потрудилась изобразить испуг или смущение. Словно её вполне устраивало быть пойманной.

— Что ты здесь делаешь?

— Ну, Рэт, отчего вы так неприветливы со своей кузиной? — внезапно слащавым голосом запела Балалайка. — Наверное, её привело сюда какое-то важное дело. Проходите, дорогая, нам давно пора познакомиться поближе.

Меня совсем не обмануло её нарочитое дружелюбие. Глаза Свирской сияли холодным расчетливым блеском. Очевидно, я ей очень не нравилась, но, надо отдать женщине должное, она быстро придумала как меня обезвредить. Прежде всего аристократка ловко дала понять, что это она управляет ситуацией и давно занимает в жизни главы Тайного Приказа особое место. Однако подобный маневр не прошел для Рэтбона незамеченным.

— Не нужно хозяйничать в моем кабинете, Лира, — подчеркнуто холодно осадил её Лорд. — Мы не в вашем светском салоне. Что делать со своей, как вы выразились, кухней, я буду решать сам.

— Конечно, конечно, — защебетала Свирская, продолжая сохранять нарочито любезное выражение лица, — простите моё самоуправство. Просто на приеме нам так и не удалось пересечься, и я поспешила исправить эту оплошность. Но если вы считаете, что сейчас для этого не подходящее время, то отложим.

— Да уж, — мне не удалось сдержать ядовитую усмешку, — время и в самом деле не самое лучшее...

Я медленно приходила в себя от потрясения, но чем сильнее вскрывшаяся реальность укоренялась в моем сознании, тем больше праведного гнева начинало рваться на свободу.

— Не хотела вам помешать.

Отчаянно мечталось, чтобы сказанное звучало равнодушно, однако сарказм так и норовил просочиться в слова. Сделать вид, что увиденное не причиняет мне никаких страданий, не получалось.

— Где мой секретарь? Как ты прошла? — словно заколачивая гвозди в крышку моего гроба, отрывисто спросил Рэт.

— Понятия не имею. Приемная, если не считать Хэйда, пуста. Но вы можете продолжать. Все, что было нужно, я уже увидела.

Не теряя времени, я развернулась с целью как можно скорее покинуть помещение. Феникс внутри меня бесновался, требуя немедленно наказать обидчика. Я боялась его не сдержать, рассчитывая, что Свирская не успеет заметить, как почернела под моей рукой дверная ручка. Надеюсь, в пепел она обратится не раньше, чем я успею убежать.

— Стой, — прилетел в спину приказ, но я даже не подумала ему подчиниться.

— Как бы не так, — прошипела, не оборачиваясь, и стремительно понеслась на выход.

— Ада. Ада! — повелительно летело следом, каждый раз заставляя меня вздрагивать как от выстрела.

— Что случилось? — озабочено спросил Хэйден, едва мы поравнялись, но, уцепившись за его локоть, я, стиснув зубы, почти потащила мужчину за собой. — На тебе лица нет.

— У меня нет мозгов, — горько рассмеявшись, не сбавляя хода, ответила я.

— И это тоже, — покладисто согласился он, и я в гневе посмотрела на него.

Оценить юмор принца мне сейчас было просто не под силу.

А затем я почувствовала на собственных щеках предательскую влагу.

Назад мы ехали в тягостном молчании. Хэйден поначалу пытался меня расспросить о произошедшем, но, наткнувшись на немое сопротивление, оставил в покое. Я же лихорадочно перебирала варианты, надеясь отыскать самый спасительный.

Снова об меня вытер ноги мужчина, которому я доверилась. Снова в развороченной груди кровоточила рана, в предыдущий раз практически меня доконавшая. С ужасом я ощущала, как тень уже знакомой, все отравляющей апатии распускает свои мерзкие щупальца. Но больше утопать в беспросветной депрессии я позволить себе не могла. У меня

был тот, ради кого стоило жить. Мой светлый маленьких лучик — Тай. Да и как жить без Софии уже трудно и представить. Поэтому я была просто обязана найти способ выбраться из сложившейся западни.

Что ж, подведём итог. Расстаться с детьми при любых обстоятельствах невыносимо. Но и исполнять ту бесславную роль, которую мне готовил Рэтборн, я тоже не могла. Что же оставалось делать?

Будь я одна — вариант уплыть в Тарквинию с посланцем мог оказаться вполне годным. Хотя, после случившегося очередной наделенный властью самец ничего кроме опасений у меня не вызывал. Однако даже этот путь при всей своей неидеальности сейчас был для меня закрыт. Вряд ли посол согласится выкрасть законного наследника Рэтборна. А если даже и пойдет на это, как-то не верилось, что Уркайский оставит попытки вернуть сына. Особенно сейчас, когда отношения между ними стали потихоньку налаживаться.

Теперь я почти жалела, что приложила столько стараний для их сближения. Возможно, с прежними чувствами Лорда к своему нежеланному отпрыску он был бы только рад навсегда от него избавиться подобным образом. Но что толку гадать? При нынешнем раскладе очевидно, что в Тарквинию Виктор поплывет без меня.

Таким образом, оставался единственный вариант — искать покровительства и защиты у эксцентричной старушки фон Лару. Возможно, будучи любимой тетюшкой короля, она и в самом деле сможет оказать ощутимую помощь. К тому же, на моей стороне выступал тот факт, что Рэтбона связывала магическая клятва, обязующая его не решать судьбу Тая без моего участия.

Значит, вывод ясен — сегодня же напишу графине, а дальше буду действовать по обстоятельствам.

Уж чего я не стану делать совершенно точно, так это ждать своей участи, смиренно склонив голову перед более сильным. Пускай участь бесправной постельной грелки для Лорда исполняет кто-нибудь другой.

В груди все запылало от острой душевной боли, но я усилием воли заставила себя собраться. Не время лить слёзы. Время всем показать, что такое женское достоинство и как опасно унижать темного феникса!

В этот раз Рэтборн явился домой практически следом за нами. И часа не прошло после нашего с Хйэдом возвращения, как громко хлопнула дверь в парадной и по особняку разнеслось тревожное эхо его решительных шагов. Я предчувствовала, что без выяснения отношений не обойдется. Укрывшись в малой библиотеке с бесконечными книжными стеллажами и ботаническими миниатюрами на стенах, я безуспешно пыталась погрузиться в чтение.

Выбор пал на труд некой Гертруды Бержеркас, судя по содержанию книги, яркой женоненавистницы. Он назывался емко — «Всякой рие надлежит» и содержал в себе уничижительные постулаты о том, какой следует быть высокородной девушке, дабы не посрамить честь своего рода. Строгие, подчас откровенно абсурдные предписания касались всех аспектов жизни, в том числе и весьма интимных. Последние напомнили мне об устоях викторианской Англии, и я с любопытством их изучила. В другое время, штудировав подобное чтение, я бы знатно развлеклась, однако сегодня мне его хотелось просто сжечь. Страшно даже представить, что местная знать и в самом деле воспитывает своих дочерей, следуя губительным рекомендациям из данного руководства.

Надо ли удивляться, что графиня фон Лару оказалась права? Стоило мне лишиться могущественного покровителя, как я окончательно перешла в категорию легкой жертвы. Как-то враз закончилось моё обучение, на котором настаивал ундер. Не иначе, как по глупости, но поначалу я даже не обратила на это особого внимания. Получалось, что вместе с возможностью носить красивые платья, я получила в довесок и невидимые, но прочные кандалы. Примерно такие же, какие в Андалоре от рождения носило большинство девочек из высокородных семей.

И хотя в душе, несмотря ни на что, все ещё жила глупая иллюзия, что Рэт придет и как-то обелит себя в моих глазах, умом я понимала: стоит готовиться к худшему.

— Что это за представление ты устроила сегодня в управлении? — вместо приветствия потребовал объяснений Лорд.

Я сделала вид, что не слышу.

— Отвечай! — хлестко скомандовал он.

— А то что? Снова перекроешь мне кислород своей магией? — не отрываясь от книги, светским тоном уточнила я у него.

Внутри меня всё ещё жили воспоминания о нашем с ним самом первом приватном общении.

— Ах, погоди! Теперь все не так просто, — с притворным восторгом продолжила я. — Вряд ли моему фениксу понравится подобное обращение...

— Магические блокираторы легко решат эту проблему, — тут же пригрозил он.

Я оставила в покое злосчастный талмуд и в упор уставилась на Рэта.

Выглядел он как-то неважно. Бледный, напряженный, злой. Глаза лихорадочно блестели и у виска истово пульсировала тонкая синяя жилка. Всегда пребывающая в идеальном порядке одежда теперь выглядела как-то небрежно. В сердце на мгновение кольнуло жалостью. Он казался мне ужасно одиноким и потерянным. Наверное, я бы даже смягчила свой тон, но то, что Рэтборн мне говорил, отравляло даже воздух между нами.

— Не нужно сыпать угрозами. Скажи честно, каков твой план? Жениться на достойной рие с хорошей родословной, а безродную скандальную самозванку сделать как можно более беспомощной и зависимой, чтобы оставить подле себя для развлечений?

В мои планы не входило столь быстро выложить на стол все свои карты, однако страх, любовь и ненависть, смешавшись в адский коктейль, делали меня слишком несдержанной.

— Откуда такие мысли? — ушел от ответа Лорд.

— Вы любовники? — сыпала я вопросами.

— Это тебя на касается.

— Напротив.

Я поднялась и медленно сократила разделяющее нас расстояние. Мне хотелось видеть лицо Рэта как можно лучше. Чтобы не пропустить ни единой тени, ни малейшего движения на нём. Чтобы точно понимать, насколько глубока та яма, в которой я оказалась.

Он молча смотрел на меня. То ли с ожесточением, то ли с яростной жадью. Я никак не могла прочитать этот взгляд, словно на дьявольских качелях то взмывая вверх, в объятия наивного «а может быть?!», то падая вниз, в пропасть беспросветного отчаяния. Перед глазами сами собой всплывали сцены проведенной вместе ночи. Так хорошо, как с Рэтом, мне никогда и ни с кем не было. Казалось, что и для него наша близость стала откровением. По крайней мере, столько страсти и нежности, сколько он вылил на меня в те ночные часы, говорили о том, что между нами действительно происходит нечто настоящее.

В голове никак не укладывалось, что я настолько жестоко в нём ошиблась.

Прохладная ладонь с длинными пальцами музыканта медленно погладила меня по щеке, а затем, словно боясь вспугнуть, погрузилась в волосы на затылке.

— Ответь, — тяжело сглотнув, тихо попросила его.

— Тебе не понравится ответ, — также тихо отозвался он.

— Все равно, мне нужно знать.

— Король уже одобрил мой брак со Свирской. Этот союз удачно укрепит положение рода Уркайских.

— Ты с ней спишь?

Рэт промолчал, но Бог мой, каким красноречивым было это молчание! Я отшатнулась, как от удара, однако он был к этому готов и не слишком деликатно меня удержал.

— А как же я? Как Тай?!

— Для тебя все останется по-прежнему, — ответил, как о давно решенном вопросе. — Для Рокфорда, разумеется, тоже. Ты сможешь и в дальнейшем спокойно заниматься его воспитанием. В конце концов, он мой сын и я дал магическую клятву.

— Давно ли ты об этом вспомнил?

Рэт нахмурился. Но подобное проявление мужского недовольства никак меня не охладило. Хмуриться он будет на свою Балалайку. А нас с Таем и ноги не будет в этом доме!

— Ада, — притянув меня к себе, с какой-то собой увещающей интонацией протянул он, — пойми, я аристократ, один из самых влиятельных вельмож в королевстве...

— Что ты хочешь этим сказать? Что я тебе не пара?

— У тебя будет все, что ты только пожелаешь. Дом. Богатство. Влияние. Тай...

Из меня словно весь воздух выпустили. Даже всегда рвущийся в бой феникс странным образом затих, будто до крайности ошеломленный. Как и предсказывала графиня, Рэтборн не постеснялся задействовать свой главный козырь.

— Иди ко мне, — расценив мою вялую неподвижность как капитуляцию, хрипло прошептал он и, заключив в кокон сильных рук, приник к губам в жадном поцелуе.

Меня как током прошило. Я стала остервенело вырываться, и едва его хватка разжалась, как от всей души зарядила взбешенному Лорду по морде. О, да! Определенно, этот момент стоил каждой капельки пота, пролитой на изнурительных тренировках с Ланзо. Каждой моей нервной клеточки, бесславно погибшей под крышей дома ундера.

— Аристократ! Влиятельный! Подумать только! — прошипела я, чувствуя, как сокрытая во мне магия, тонкими струйками просачивается сквозь кончики пальцев. — А Виктора эти обстоятельства отчего-то совсем не смутили. Знаешь, посол побывал у нас накануне и предложил мне стать его женой. Родить ему детей. Обеспечить меня положением в обществе и финансовой независимостью. Теперь даже и не знаю, — я презрительно рассмеялась, — какое из двух предложений стоит выбрать...

Мы практически выросли в пол друг на против друга, обмениваясь недобрыми взглядами, как боксеры ударами.

— Спасибо, что предупредила. Больше этого сына песчаной гиены к тебе и на пушечный выстрел не подпустят, — распространяя вокруг себя облака арктического холода, процедил Лорд.

Там, где наши магии соприкасались, появлялись влажный пар и синеватые крохотные искры.

— Это мы ещё посмотрим, — желая направить его по ложному следу, упрямо ответила

я.

— В моих силах выслать его из страны, — мрачно сверкнув глазами, сообщил Рэт.

— Не думаю, что Виктор единственный, кто пожелает на мне жениться. Я, знаешь ли, лакомый кусочек, — распаляя Уркайского ещё больше, заявила ему. — Что, будешь высылать из страны каждого претендента?

— Если потребуется, — подтвердил он абсурдную догадку.

Я ещё бы долго могла продолжать эту игру, но опасалась, что в итоге Рэтборн просто запрет меня дома. По его осатанелому виду было ясно, что к тому всё и идет.

— Довольно, — изображаемое спокойствие давалось с трудом, — закончим этот фарс. Вот мой тебе ответ. Никаких тайных, унижающих меня отношений у нас с тобою не будет. Даже не рассчитывай на это.

— Ты, кажется, плохо понимаешь своё положение, Ада. — Его голос звучал надменно, если не сказать издевательски. — Меня не просто так зовут Палачом. В случае чего, я ведь могу тебя и заставить.

— Это ты плохо понимаешь, Рэт, — устало возразила я ему, заглядывая в глаза и в последний раз пытаюсь достучаться. — Любовь не живет там, где её давят жерновами.

— Разве я просил у тебя любви? — притворно удивился он.

— А разве нет?

Надо ли уточнять, что в итоге мы так ни до чего и не договорились? В этот раз первым из библиотеки ушел Рэтборн, и в этом уходе мне виделось бегство от той колкой правды, которую я на него обрушила, заговорив о любви. По понятным причинам мой ледяной Лорд отрицал подобные чувства. Вся его жизнь — это тяжелая наука о предательствах и беспощадности. Никто не учил его доверию или, не дай Боги, нежности. Женщинам в его жизни отводилась сугубо утилитарная роль и, как ни горько было это признавать, несмотря на бушующие меж нами страсти, я не стала счастливым исключением.

В его понимании официальный союз со мной — невыгодное и лишнее событие. Куда рациональнее было получить сразу всё. И родовитую племенную кобылу — в лице Свирской, с её многочисленными связями, и полную самых неожиданных талантов попаданку которая сумела превратить холодный неприветливый дом в место, куда хочется возвращаться. Ресурсы Рэтборна могли сделать возможным практически любой его замысел. К моему несчастью, по старой своей привычке, он даже не подумал поинтересоваться моим мнением на сей счет.

Я горько усмехнулась, с сожалением рассматривая красивый дубовый секретер, который бесчинство наших магий таки превратило в покрытую инеем труху. Примерно то же самое Рэт сделал и с моим сердцем.

— Почему я все время влюбляюсь не в тех? — прошептала, вопрошая пустоту, и испуганно подпрыгнула, услышав тоненькое фырчание откуда-то справа.

Источник обнаружился быстро.

— Ты как тут оказался, маленький пройдоха? — подняв с пола Мефистофеля, удивилась я.

— Фрун-фрун, — очень деловито ответил хомарчик, словно и вправду что-то мне отвечая.

Я потерлась щекой о пушистую спинку, и зверёк довольно заурчал, щедро делясь своим теплом. В тот момент я ещё не знала об одном очень полезном свойстве, которым обладал

этот милый мягкий комочек. Меж тем, если бы не он, ещё неизвестно, как бы сложилась моя непростая история. А прояснилось все совершенно случайно...

Дом наводнили чужие люди. В основном это были молчаливые неприветливые мужчины средних лет с желчными и совершенно не запоминающимися лицами. Как весьма быстро я узнала — мои новые сторожа. Рэтборн серьезно отнесся к информации о брачных планах своего соперника и, недолго думая, предпринял некоторые меры, дабы я никуда не сбежала. Теперь мои перемещения ограничивались исключительно пределами особняка и прилегающей к нему территорией. Более того, на высоченную ограду и въездные ворота, которые обрамляли все это немаленькое пространство, были наложены особые охранные чары. Так что выйти из дома мне бы не удалось, даже если бы я как-то исхитрилась обвести вокруг носа шпиков.

Мирные времена в особняке Уркайских, похоже, подошли к концу. Вслед за нашей с Рэтом ссорой разгорелись конфликты и между братьями. Все, исключая Волкера, которого кроме его научных изысканий вообще ничего не интересовало, мужчины взяли за меня заступаться. Каспар вообще грозился сделать «из Реджи порядочную женщину», в результате чего в один из непрекрасных дней просто не смог попасть в родовое гнездо.

Чем больше сопротивления глава Тайного Приказа получал, тем больше он ожесточался. Этому немало способствовал и мой категорический отказ посещать его спальню. Как назло, после проведенной вместе ночи наша потребность в близости друг друга лишь возросла. Иногда доходило даже абсурдного, когда я останавливала себя на полпути к его комнатам или кабинету, умудрившись проделать свой маршрут точно пребывающий в отключке лунатик.

Хорошо ещё, что у меня были дети и Клара. Их компания быстро приводила в чувства, позволяя хотя бы ненадолго отвлечься от своего плачевного положения. Будущее страшило. Казалось, что близок тот день, когда Рэтборн приведет в дом другую женщину.

От одной мысли об этом моя темная магия начинала сходить с ума, отравляя разум ужасными картинками. Любовь и жгучая ненависть смешались в кипящее токсичное варево, и я откровенно опасалась, что в какой-то момент она просто извергнется из меня подобно вулкану.

Смириться с заточением я не желала. К тому же, молчаливая вражда между мною и Рэтборном неизбежно сказывалась и на Тае. Он чутко реагировал на происходящее в доме, откуда-то все узнав и виня отца за то, что я страдаю. Теперь их общение не клеилось. Рэт всё чаще не приходил ночевать, а я, желая позлить его шпионов, взяла за привычку прогуливаться вдоль ограды. Обоснованием служила необходимость выгулять Фру-фру и его пушистую банду. Оказалось, что хомары питали слабость к длинным пешим прогулкам. Что весьма удивительно, учитывая, насколько короткими были их цепкие лапки.

Поначалу за мной пристально следили, но по прошествии второй недели бдительность сторожей ослабла. По чистой случайности именно в этот момент обнаружилось, что до сего момента, казалось, лишенный каких-либо волшебных способностей, Мефистофель на самом деле и есть мой заветный билет на свободу.

Я начала планировать свой побег.

Сначала всё складывалось неожиданно гладко. Казалось, удача сама идёт мне в руки.

Едва выяснив, в чём же заключаются тайные сверхспособности Мефистофиля, я занялась прицельной разведкой. Ради отвода глаз мне пришлось завести привычку трижды в

день — утром, после обеда и вечером — прогуливаться по той части сада, которая находилась перед домом и вплотную прилежала к внешней ограде. С некоторых пор это место превратилось в весьма неприятное. Но я стоически делала вид, что нахожу его самым, что ни на есть, подходящим для выгула своих питомцев. По счастью, они вели себя на удивление понятно и к самой ограде на лезли. Кроме одного. И на то, как оказалось, имелась веская причина.

Обычно ограду оплетало смертоносное охранное заклинание лишь по ночам. Днём же это была типичная кованая решетка, весьма помпезная, с посеребренными элементами и готическими мотивами. В дальней части сада она превращалась в сплошную каменную стену с парой тройкой разбросанных, то тут, то там неприметных дверей. Те прятались то за пышно разросшимся кустарником, то за ползущим по стене плющом и, разумеется, были добротными, надежными и крепко-накрепко затворенными.

Впрочем, если бы даже это было не так, заклинание легко затягивало любую брешь, и только самоубийца рискнул бы даже просто прикоснуться к ограде. Чары, наложенные на неё, уничтожали любой живой объект стоило лишь случиться прямому контакту. Даже незадачливые пташки, бабочки или иные букашки-таракашки вспыхивали inferнальным голубым пламенем, имея неосторожность присесть на какую-либо её часть. Лояльно магия реагировала исключительно на растительность и мелкие неживые предметы.

Словно в насмешку, в паре метров от ограды вились тенистые дорожки, по которым так приятно было совершать променады, если бы не смертельная угроза по соседству. Впрочем, раньше прогуливаться здесь было весьма безопасно. Ровно до того момента, пока Лорду не приспичило сделать меня пленницей собственного дома.

В один из дней, когда Мефистофель юрким стремительным шариком вдруг унесся к стене, я ужасно перепугалась. Однако он вернулся совершенно невредимым и мне подумалось, что хомарчик всё же с избежал губительного столкновения с воспламеняющей магией. Вот только безобразник стал проделывать этот безумный трюк регулярно, словно намеренно пытался привлечь моё внимание.

Как-то раз он нырнул в прилегающие к каменной громаде кусты и тоненько заверещал. На просьбы вернуться чертенок не реагировал. Так что в попытке его вызволить пришлось раздвигать ветки, за которыми и обнаружилась одна из дверей. Рядом с ней — о, чудо! — на старом ржавом крюке висел не менее ржавый массивный ключ. Он явно подходил под размер заросшей мхом, слабо виднеющейся на тайном проходе замочной скважине.

Бес сомнения, это событие являлось огромной удачей. Искушение воспользоваться находкой было велико. Но осознание того, что чары все равно приведут к летальному исходу, останавливало.

Впрочем, печалилась я недолго. Видимо, хомарчика с рожками всё же следовало назвать Камикадзе. Под моим удивленным взглядом он вдруг воинственно что-то пискнул, пару раз смешно подпрыгнул на коротких лапках, а затем взял, да и просочился прямо сквозь дверное полотно. Словно плотная древесина была водой, а смертельное заклинание — глупой детской страшилкой.

Далее, окончательно обескуражив, он вернулся ровно через секунду и, подбежав ко мне с самым важным видом, потребовал взять его на руки.

— Это что же получается? — шепотом спросила я малыша. — Ты умеешь проходить сквозь стены, невзирая даже на магические преграды?

Хомарчик пискнул. А скачущий у моих ног остальной выводок радостно ему вторил.

Но на этом сюрпризы не кончились. Завертевшись в ладонях точно волчок и используя собственный нос-пуговку на манер указательной стрелки, он стал активно о чём-то сообщать. Отчего-то я легко его понимала и в голове быстро возникла картинка тех действий, которые Мефистофель от меня ожидал. Было, мягко говоря, боязно, но, в конце-концов, я решилась.

Прижав хомарчика к груди, подошла к двери. Свободной рукой очистила скважину и вставила в неё ключ. Замок сработал без осечек. При этом, что самое удивительное, я осталась жива. Охранная магия никак себя не проявляла. Словно бы не замечая меня вовсе.

Поэтому вступала я в образовавшийся проем уже гораздо смелее. Всего пара шагов, и вот мы с Мефистофелем оказались по ту сторону ограды. Причем, всё также весьма удачно прикрытые пышным цветущим кустарником.

Споро оглядевшись и наметив дальнейший маршрут, я поспешно юркнула обратно. Оставалось кое-что подготовить. Я по-прежнему считала, что бежать с ребенком в никуда — глупейшая затея.

Зато теперь, когда у нас с Таем появился столь необходимый путь на свободу, похоже, настало самое время изыскать момент и задействовать другого своего союзника. Всем сердцем я надеялась на его способность защитить меня от произвола заигравшегося Лорда.

Как ни в чём не бывало, я выбралась из кустов и, показательно браня хомарчиков за непоседливость, невозмутимо продолжила свою прогулку. Прямо под носом одураченных сторожей.

Несмотря на свое нетерпение и волнение за собственную судьбу, так же, как и за судьбу Тая, я заставила себя выждать пару дней, прежде чем отправиться на поиски заветной закладки.

Вновь окружив себя шаловливым выводком пушистиков, я долго прогуливалась по саду, а после свернула на нужную тропинку.

На улице стояла удушающая духота и пахло приближающейся грозой. Небо, точно лоскутное одеяло, делилось на рваные островки темных сгущающихся туч и прогалин яркого голубого неба. Ветра не было совсем, отчего все время хотелось сделать вдох поглубже.

Хомарчики путались в ногах, и я демонстративно на них поругивалась, изображая пустую суету и придавая своему образу штрихи недалёкой женской беспечности да легкомыслия. Наводнившие дом и придворовую территорию чужаки совсем меня не знали и, кажется, окончательно убедились в никчемности охраняемого объекта. Похоже, больше никто не ждал от строптивой любовницы хозяина каких-либо внятных попыток к побегу. Как, собственно, я того и добивалась.

День давно перевалил за половину и стремительно двигался к вечеру. Именно в этот период по моим наблюдениям сторожа впадали в окончательную расслабленность, особенно если дело касалось середины трудовой недели. В такие вечера особняк часто становился полупустым. Особенно теперь, когда вся столица стояла на ушах из-за череды каких-то политических скандалов и вскрывшихся преступлений. Похоже, братья Уркайские на совесть служили своему королевству.

К моей же радости, без пригляда могущественного патрона надсмотрщики становились весьма ненаблюдательными. Чем я, разумеется, с удовольствием и пользовалась.

Впрочем, долго рассуждать на тему доверчивых простофиль не приходилось. Куда больше меня волновал вопрос — как поступить с Эльмаром? По законам Андалора я была его единовластной хозяйкой и, по-хорошему, должна была забрать с собой. Вот только

скорее всего сломала бы тем самым парню жизнь, которая только-только начинала налаживаться. И хотя он все ещё носил клеймо низкосортного раба, я верила в способности Ланзо решить и этот вопрос. Приходилось признать, что глава Генмортиса в качестве покровителя для юноши выглядел куда солиднее и имел значительно больший вес, чем я. Странная, мало приспособленная к жизни в чужом мире попаданка.

Получается, Эльмара лучше было не втягивать в сомнительную авантюру с побегом, по сути, в никуда. Однако, мне очень не хотелось, чтобы он решил, будто я его бросила. Как и не хотела рисковать, доверяя свою тайну, не будучи уверенной в том, что красноволосый не попытается меня остановить.

Но больше всего в бегстве с законным наследником Лорда я боялась лишиться Тая. Что станет с моим мальчиком, если его оторвут от той, кого он считал любимой мамой?

На глаза набежали слезы, но я решительно их смахнула, запретив себе пораженческие мысли. Играть по правилам пытавшегося грубо переломить неудобное ему сопротивление Рэтборна я не собиралась. Даже невзирая на терзающие душу страхи. Подозреваю, что смирение для моей темной агрессивной сущности — явление противоестественное. Каждый раз, едва малодушные мысли заползли в сознание, черный феникс начинал доставлять весьма болезненный дискомфорт, будто царапая изнутри. Словно он не желал даже думать о том, чтобы подчиниться.

Честно говоря, я была рада, что теперь внутри меня жил этот мятежный источник внушающей трепет силы, заставляющий верить в себя и яростно бороться за то, что дорого.

Вот только оказалось, что против человеческой подлости временами может быть бессильна даже вся мощь темной магии.

Поэтому, выбираясь при помощи верного Мефистофиля на другую сторону стены, я уж никак не ожидала попасть в лапы самых настоящих похитителей.

— А вот и наша непоседливая пташка, — глумливо прошептал на ухо незнакомый мужской голос, когда, обессилено обмякнув, я кулем свалилась кому-то в руки.

Сразу же как только миновала проход в стене.

Краем уплывающего сознания я всё же успела понять, что похитителей двое и действуют они не наугад. Негодяи, очевидно, знали, где поджидать свою незадачливую жертву. Отдельным поводом расстроиться стал тот факт, что это случилось у тех самых зарослей кустарника, где и скрывался мой вожделенный путь на свободу.

Прежде чем впасть в безвольное, не способное к какому-либо внятному сопротивлению состояние, я почувствовала, как в плечо впилось что-то острое, отчего по телу тут же разлилась такая ужасная тяжесть, словно я превратилась в мешок с камнями.

Из последних сил я разжала руку, в которой сидел хомарчик. Увидев, что со мной происходит, умница Мефистофель истошно заверещал, видимо, стараясь привлечь внимание моих сторожей. Сейчас я бы не отказалась даже от их помощи. Увы, всё было тщетно.

— Беги, малыш, — шепнула едва слышно, так как даже говорить теперь мне удавалось с большим трудом.

— Что это ещё за тварь? — прошипел похититель и приказал подельнику: — Дави его! А то тут сейчас будет вся охрана.

Мужики активно затопали ногами, без всякой жалости пытаюсь унять мешающую им животинку.

Я испугалась за пушистика гораздо больше, чем за себя. Внутри, было, взметнулась

волна привычной силы, но тут же схлопнулась, точно придавленная бетонной плитой. Что бы эти гады мне ни вкололи, это не просто вырубало, как сильнейший транквилизатор, но и блокировало мои магические способности. В связи с чем было важно понять, что за этим стояло: намеренное действие или же похитителям просто так повезло.

В любом случае, приходилось признать — в этот раз удача явно мне изменила.

— Оставь его, — наконец выдохся второй. — Потащили скорее.

Меня тут же куда-то слаженно поволокли. Глаза закрывались, но я упорно старалась держать их приоткрытыми.

Буквально в паре метров от злосчастных кустов уже стояла старомодная карета, запряженная самыми обычными лошадьми. Не так давно я узнала, что любая маго-паровая повозка оставляет за собой особый энергетический след, по которому спецам-сыскарям было не сложно её отследить. Поэтому, как оказалось, каретами пользовались не только приверженная традициям знать, но и куда более практичные преступники. Разумеется, в этом случае передвижное средство выглядело куда как менее роскошно и помпезно. Скорее уж откровенно убого.

Я завалилась набок, едва меня пристроили на одном из жестких сидений. Шторки здесь были плотно задернуты, а магических рожков-светильников и вовсе не наблюдалось. Однако, несмотря на густой сумрак, я твердо знала, что нахожусь в карете не одна.

— Кто здесь? — спросила заплетающимся языком.

— Кто-то очень недовольный тобой, милочка, — спустя несколько тягостных минут, наконец ответил голос, услышать который я ожидала меньше всего.

— Вы? Зачем? — от крайнего удивления на мгновение мне даже стало легче говорить.

— Зачем? — веселым тоном повторила Балалайка. — Затем, что ты путаешься у меня под ногами и угрожаешь сорвать давно лелеемые планы. И дураку ясно, что между вами с Рэтборном что-то происходит. В последнее время он сильно переменялся. Ему, знаешь ли, стало гораздо сложнее угодить. Негодяй так смотрит на меня, словно хочет увидеть кого-то другого. Вот я и подумала — не тебя ли?

Женщина подалась вперед, обдав моё ухо обжигающим, пропитанным ненавистью дыханием.

— Ты мерзкая, толстая, безобразная потаскушка, — прошипела она.

Мне стало противно и смешно.

— Всё верно, — ответила, борясь со слабостью. — Ты — не я...

— Да, я лучше! — не уловив иронии, горделиво воскликнула Свирская.

— Куда ты меня везешь? — наконец, задала главный вопрос.

Честно говоря, бурное воображение уже унесло меня далеко вперед, по волнам жутких фантазий. Каждая последующая была страшнее предыдущей. Поэтому очень уж хотелось понять, как дела обстоят на самом деле.

— О, тебе понравится, — хихикнула Балалайка. — В гаремах морских кочевников-харишей очень ценятся белокожие невольницы твоей тяжелозадой комплекции.

Она с упоением меня оскорбляла, явно наслаждаясь беспомощным положением своей жертвы.

— Хариши живут на многоэтажных зачарованных судах. Они не принадлежат ни к одному государству и считаются практически неуловимыми. Я продам тебя им, — заявила она таким тоном, словно готовилась осчастливить голодного бродягу куском отлично прожаренного стейка.

— Меня будут искать, — попыталась я вразумить эту пауциху.

— Недолго и не упорно, — ехидно сообщила она. — Не воображай будто ты так ценна. Мужчины вообще склонны быстро утешаться. А уж я Рэта утешу по высшему классу. Можешь быть спокойна — о тебе он позабудет весьма скоро.

Негодяйка, не целясь, попала в самое больное. Ледяной Лорд изрядно подорвал моё доверие к нему. И хотя я до сих пор не сомневалась в его способности перевернуть с ног на голову весь мир ради достижения своей цели, в том, что он станет делать нечто подобное для меня, я, откровенно говоря, больше не верила.

Сильнее всего душа болела за Тая. Как он переживет моё исчезновение?

От защемившей сердце тревоги на глаза навернулись горькие слезы. Нет, я должна сопротивляться. Должна затаиться и найти выход, чтобы любой ценой вернуться к моему мальчику. В конце концов, я не была совсем уж бессильна. Рано или поздно действие того яда, который впрыснули в мою кровь закончится и черный феникс всем покажет, где он видел Балалайку и её неуловимых харишей.

К тому же, собираясь на вылазку к графине, я не рискнула оставлять дома скрижали. Они до сих пор болтались в потайном кармане, вшитом в мою нижнюю юбку. Если потребуется, я прибегну к ним, как к последнему средству. Главное, чтобы их не нашли раньше времени.

Несколько успокоившись, я прислушалась к себе. Действие яда нарастало и становилось всё труднее сопротивляться усиливающейся сонливости. Соблазн поддаться и позволить себе подремать был велик, но мог дорого мне обойтись. Поэтому я лишь притворилась спящей. Всё ещё оставался шанс усыпить бдительность своих похитителей, немного очухаться и попытаться сбежать.

— Эй, — толкнула меня в плечо Свирская, но я предпочла не реагировать.

Пускай лучше думает, что яд довел меня до полной отключки. Собственно, этого похитители и добивались.

— Вырубилась? Отлично. А то я сомневалась, что одной порции синеголовки хватит на такую тушу.

Балалайка явно любила потрындеть даже в отсутствие благодарных слушателей. Аристократка в целом отличалась повышенной самонадеянностью, что в некотором роде даже вызывало уважение. Всё же это лучше, чем быть бесцветной молью, во всем поддакивать более сильному мужчине и на каждый громкий звук лишь трепетно дрожать. Свирская, как оказалось, дрожать не привыкла и предпочитала действовать на опережение. К моему несчастью, это могло обернуться для меня бессрочным гаремным рабством.

Где-то примерно минут через десять нашего пути карета остановилась, и Свирская сошла. Вообще её готовность так подставляться вызывала немалое удивление. Всё же куда умнее было бы не светиться в столь грязном деле лично. Но, видимо, желание позлорадствовать над поверженной соперницей для Балалайки компенсировало все риски.

В салон забрался один из моих похитителей и, надвинув засаленную кепку на лицо, привалился к обшарпанной стенке да сладко засопел. Похоже, подвоха от меня уже никто не ожидал. Момент для побега образовался весьма подходящий, однако я, как назло, все ещё не могла толком шевельнуть даже пальцем. Не то что бежать.

Пытаясь как-то скоротать время и не сойти с ума от страха за своё будущее, я принялась рассуждать.

Сейчас дома только Клара и дети. Смертельно больной ундер медленно, но неотвратно угасает в своей спальне под надзором сиделок. Геррард и его команда как всегда заняты готовкой и не будут ждать моего появления ещё примерно часа два. Эльмар вообще мало интересуется занятиями домочадцев, все больше времени проводя в тренировочном павильоне. Рэт в последнее время возвращается очень поздно. Ланзо и вовсе куда-то отбыл по сверхсекретным делам. У Каспара появилась очередная содержанка из актрис столичной оперы и теперь он всё чаще пропадает у неё. О Волкере вообще говорить не приходится, вряд ли гений магической механики даже заметил, что у Ланзо появилась дочь-подкидыш. Получается, оставался только Хэйден. С некоторых пор он немало времени проводил дома, успев стать для мальчишек любимым дядюшкой.

Наверняка Клара первая поднимет тревогу. Особенно если догадается, с чем связана обеспокоенность Мефистофеля. Хотелось верить, что хомарчик не пострадал и благополучно добрался до дома.

Конечно, сторожа и без верещащего питомца переполошатся раньше всех, однако без распоряжений от кого-то более статусного вряд ли предпримут действенные шаги. Вот тут-то и должен пригодиться Хэйден.

Главное, чтобы Рэт не решил, что я сбежала, бросив ребенка. В точности как его первая неверная жена-кукушка. В таком случае я наверняка мгновенно утрачу в его глазах всякую ценность. А веря в это, он может и вовсе с лёгкостью перестать меня искать.

14. В пух и прах

Глава четырнадцатая

В ПУХ И ПРАХ

Если ты рождена без крыльев, не мешай им расти.

Коко Шанель

В этой темной тряской карете время текло как-то странно. Оно то невыносимо долго тянулось, то слишком быстро несло вскачь. В периоды сильного стресса я никогда не могла сидеть сложа руки. Даже в состоянии полного бессилия и апатии мне все равно хотелось что-то делать, пускай даже просто уничтожать пачками чипсы. А теперь я была вынуждена бездвижно лежать на неудобном сидении и покорно ожидать своей участи.

Путь оказался неблизким. Хотя, из-за своего состояния мне было и сложно судить об этом объективно. По крайней мере, руки, которые похититель в какой-то момент мне связал, успели ужасно занеметь, а всё тело разламывало от долгого пребывания в неудобном положении.

Примерно часть дороги мы проделали вдоль побережья. Я то и дело слышала шум бьющихся о берег волн, крики чаек и особый запах соленой воды.

Наконец, карета резко затормозила, послышалась трехэтажная ругань возницы и всё замерло.

Ободранная скрипучая дверца распахнулась, и меня в четыре руки стали вытаскивать наружу.

Не сдержавшись, я застонала от наполнившей тело резкой боли. Это застоявшаяся кровь принялась наполнять прежде пережатые места.

— Очухалась? — встряхнул меня один из мужиков, кажется, тот, что всю дорогу продрых напротив.

Я безвольно мотнула запрокинутой головой, всячески показывая, что нет — не очухалась.

Им совсем не надо было знать, что силы, пускай и слишком медленно, но всё же возвращались ко мне.

— Ты что? Она же под синеголовкой, — вынес вердикт его подельник, которого отличал примечательный тягучий акцент.

— Всё равно, сильна баба, обычно от такой дозы девки до двух дней лежат точно мертвые. А эта сначала даже что-то лепетала. И сейчас, вон, стонет.

— Точно говоришь. Если бы не баба была, решил бы, что она маг. Только магов, причем не из последних, синеголовка не вырубает полностью.

— Ха-ха, — развеселился мужик, — скажешь тоже, баба-маг.

И, переглянувшись, мои похитители рассмеялись. Я бы тоже поохотала над этими простофилями, если бы не бедственность собственного положения.

— Вхеш нак тактешт, — едва мы достигли береговой линии, прозвучало на незнакомом языке.

Видимо, хариши пожаловали. К этому моменту я уже примерно себе представляла, что последует дальше.

— Пятьсот кватров, — назвал один из преступников весьма солидную сумму в морской валюте.

Как-то на уроке Каспара я уже читала о ней. При расчете кватрами пользовались крупные поселения и более мелкие общины на побережьях практически всех островов, входящих в состав Андолора.

Хариш, которого я пока не могла нормально рассмотреть, что-то возмущенно забормотал, но похитители стояли на своей цене твердо.

В итоге последовал ожесточенный спор, причем, похоже, понимал чужую речь только морской кочевник.

— Посмотри, какая сочная девка, — распинался держащий меня на руках мужик. — Да я её еле держу. А волосы глянь какие. Таких, небось, у ваших баб ни за что не сыщешь. И крепкая. Отличный товар! Редкий.

— Бери, не пожалеешь, — подключился к рекламе тот, что с акцентом. — Она из знатных. А там, сам понимаешь, сейчас в моде совсем худые. Дунешь — улетит. Или если в теле, то старые. Не то, что эта. Молодая да зрелая. Ну так что? Берешь? Бери, или мы её себе оставим. Уж больно понравилась. Мягонькая.

Последняя ремарка тут же напомнила знаменитое «Такая корова нужна самому», и я чуть было вновь не выдала себя, предательски засмеявшись. Но, похоже, подобная модель торговли и в самом деле работала лучше всего. Хариш внезапно решил, что сделка выгодная, и торопливо отсчитал довольным похитителям запрашиваемую сумму.

Под звук мелодичного звяканья золотых пластинок меня передали с рук на руки.

Вот таким прозаическим образом я и стала официальной невольницей какого-то состоятельного рабовладельца. Чтобы у него все отсохло!

Руки мне сразу развязали. Вообще, до конца было непонятно, зачем похитители это сделали, раз считали, что я два дня проваляюсь чуть ли не в коме. Неужели просто перестраховывались? Теперь же со мной обращались не в пример бережнее, но я не спешила обольщаться.

Судя по ощущениям и осторожным попыткам подсмотреть, меня нес на руках могучий великан с очень смуглой кожей и безволосой голой грудью. Это было даже приятно, так как

я успела продрогнуть на холодном морском ветру, а великан был очень теплым. Наконец меня уложили в лодку, на мягкую лежанку, под плотный полукруглый навес. Волны плавно покачивали баркас, и я снова стала уплывать в навязчивый сон.

Унылые мысли накатывали на моё мутное сознание, как прилив на пологий берег. Шанс сбежать, отделавшись малой кровью, растаял, как эскимо, забытое на солнце. Магия по-прежнему не отзывалась, а я все больше и больше удалялась вглубь большой воды навстречу унижительной и бесправной жизни.

Толчок, громкий окрик и я, испуганно вздрогнув, проснулась. Повезло, что никто не обращал на меня пристального внимания и, как следствие, не заметил, что я открыла глаза. Мне пришлось их снова торопливо закрыть, но я успела уловить, что мы, похоже, приплыли и пересаживаемся на какое-то другое, куда более вместительное, судно.

Вновь великан легко подхватил меня на руки, а затем взял да и взвалил себе на плечо. Это был совершенно ужасный способ передвижения. Живот сплющило, а дыхание то и дело перехватывало от невозможности сделать нормальный вдох. Но и это я стоически терпела, болтаясь тряпичной куклой вниз головой, пока мой носильщик ловко поднимал нас вверх по верёвочной лестнице.

Подчиняясь приказам своего господина, великан миновал узкую длинную палубу и стал спускаться куда-то вниз. Мы оказались в небольшом коридоре, по обеим сторонам которого располагались скругленные двери. В одну из таких он и шагнул. Пару размашистых движений, и меня осторожно опустили на постель.

— Ещё одна? — спросил нежный женский голос.

— Да. Очередная игрушка для Хаджу.

— Что с ней?

— Одурманена синеголовкой.

— Бедняжка. И как давно?

— До завтра точно проспит. Может и дольше. Присмотри тут за ней. Торговцы сказали, что она из знатных.

Незнакомка устало вздохнула.

— Значит, устроит истерику.

— Тогда ун Рурк её накажет. — В голосе великана слышалось сожаление.

— Попробую её предостеречь.

— Они всё равно всегда истерят.

— Верно, — не стала спорить женщина. — Ты лучше иди уже. А то тебе тоже достанется. За нерасторопность.

— Проклятое племя, — на грани слышимости прошептал мужчина и вышел.

Я открыла глаза и тут же наткнулась на юную черноглазую и темноволосую красавицу, которая, увидев моё пробуждение, испугано отпрянула.

— Ой! — воскликнула она. — Зэмба сказал, что...

— Да-да, — перебила я её. — Он сказал, что я просплю до завтра. Я слышала.

— Ты притворялась, — догадалась девушка и хихикнула с таким удовольствием, словно услышала отличную шутку.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ада. А тебя?

— Миреке, но можно короче — Мира.

Я попыталась принять вертикальное положение, чтобы хотя бы просто иметь возможность сидеть, и с радостью обнаружила, что у меня это получилось. Правда, не без помощи своей новой знакомой, однако прогресс, несомненно, был налицо. Если так дело и дальше пойдет, то ещё несколько часов, и я смогу начать самостоятельно передвигаться.

— Наверное, торговцы что-то напутали.

— Ты о чём? — не поняла я.

— О том, когда тебя одурманили синеголовкой. Верно, прошло дня три. Тебе, скорее всего, ужасно хочется пить и облегчиться?

— Пока не очень, — опровергла её предположения. — И одурманили меня сегодня.

— Не может быть, — девушка покачала головой. — Синеголовка — страшная отравка.

Она легко валит с ног даже сильных мужей. А ты просто женщина.

— Что за самоуничижение? — возмутилась я. — Между прочим, женщина — это лучшее, что может случиться с любым из миров.

— Только не говори это мужчинам, — предостерегла Миреке.

— Я лучше им покажу. Если, конечно, очень попросят. — Меня стал забавлять наш разговор.

— Значит, ты не будешь истерить, бить посуду и требовать вернуть тебя обратно? — на всякий случай уточнила девушка.

— Нет. Не буду. Подозреваю, что ближе к свободе я таким способом не стану?

— Верно. Не станешь. — Мира с сожалением качнула головой.

— А ты что же? Тоже будущая наложница? — попыталась я прояснить, кто эта Миреке такая.

— Бывшая. — Черноглазая стыдливо покраснела. — Я не угодила хоп Хаджу, и он подарил меня ун Рурку. Теперь я помогаю ему переправлять новых невольниц, предназначенных большому господину для пополнения его гарема. Ты, я уверена, ему очень понравиться. А я не смогла... Сколько меня ни кормили, всё без толку. — Она развела руками, показывая на свою изящную гибкую фигурку.

Спортивные бедра, небольшая грудь, тонкая талия и длинные, красивой формы руки и ноги. Не девушка, а муза. Этот хоп-хей-ла-ла-лей — законченный идиот.

— Впрочем, я рада, что так получилось, — потупив взор, шёпотом почти покаялась Мира. — Хоп Хаджу очень жестокий любовник. А ун Рурк девушками вообще не интересуется. Его волнуют только почести и деньги, которые он может выручить за товар. Сегодня, например, удачный день. За тебя хоп Хаджу его щедро наградит.

— Это вряд ли. — Я не стала скрывать скептической усмешки.

— Какая-то ты странная, — немного робко призналась Миреке. — Совсем не похожа на Андалорских аристократок, — и тут же поспешно добавила: — Прости, если обидела.

Я махнула рукой.

— Да ладно, сочту это за комплимент. А ты сама откуда?

Было видно, что девушке трудно отвечать на этот вопрос, но в то же время уж очень хочется. Судя по тому, с каким энтузиазмом она участвовала в нашем разговоре, Мира не просто отличалась любопытством, но ещё и испытывала сильный дефицит в простом человеческом общении. Подозреваю, что с женщинами здесь обращались чуть лучше, чем с придверным ковриком, и явно не баловали здоровым вниманием.

— Я — дочь одной из невольниц, — после небольшой паузы призналась девушка. — Родилась в гареме.

— Значит, ты наполовину хариша?

— Нет, — мотнула она головой. — Матушка попала к кочевникам, когда уже была в положении. Она сама из Тарквинии.

— В таком случае, получается, ты тоже тарквинийка?

— Не знаю. — Миреке выглядела очень растерянно. — Ничего, кроме гарема на ходже и этого судна, я не видела. Можно ли считать меня тарквинийкой?

— Конечно, можно, — уверила я её, видя, как страстно она этого желает.

От хрупкой, затянутой в простое черное одеяние, фигурки веяло такой потерянностью, что я не удержалась и ободряюще накрыла её руку своей. На вид Мире было от силы лет двадцать. Не удивлюсь, если на самом деле окажется гораздо меньше. Мне очень хотелось как-то утешить девушку, сказать, что всё будет хорошо, однако пришлось воздержаться от обещаний, которые я не факт, что смогу сдержать.

— Скажи, ты знаешь, куда мы плывем?

— В Туманный залив. Там нас ожидает ходж — корабль-дворец. После того, как тебя поднимут на борт, лойхар запоёт песню моря и ходж исчезнет для всех, кто хочет его найти. Ты больше никогда не ступишь на сушу. Мы тоже вряд ли увидимся вновь.

У меня волосы встали дыбом. Обычно при столь сильных эмоциональных реакциях та могучая темная сила, что стала моей частью, мгновенно пробуждалась и стремилась вырваться на свободу. Однако сейчас я ощущала лишь её слабые отголоски. Словно она была где-то очень далеко, следами призрачного эха напоминая о себе.

А в следующую секунду меня накрыло уже другое опасение. Что если неизвестный яд навсегда заблокировал темного феникса? Теперь казалось жизненно важным узнать о всех возможных побочных действиях проклятой синеголовки. Но единственным источником информации по-прежнему была только Миреке. Она смотрела на меня широко распахнутыми темными, как безлунная ночь, глазами, видимо, всё же ожидая упомянутую истерику. Честно говоря, поплакать от ужаса очень даже хотелось. Но, как говорится, слезами делу не поможешь. Поэтому я вернулась к своим вопросам.

— Не подскажешь, когда действие яда полностью подойдет к концу? А то мне уже надоело это ужасное онемение. И что такое болтали мои похитители, когда говорили, будто на женщин и мужчин-магов синеголовка действует по-разному?

— Так и есть, — с умным видом кивнула Мира. — Обычно девушки от неё очень крепко засыпают. На несколько суток. Лежат совсем бледные и еле дышат. После просыпаются практически парализованные и ещё часов двенадцать постепенно приходят в себя. У магов действие менее выраженное и заканчивается гораздо быстрее. Считается, что магия сжигает яд изнутри. Зато пока она это делает, маг лишается возможности пользоваться своими силами.

— То есть, магия блокируется лишь на время? — на всякий случай уточнила я ещё раз.

— Да.

Я не слишком умело скрыла вздох облегчения, сейчас предпочитая верить в лучшее.

— Хорошо, с этим разобрались. Теперь скажи, сколько нам предполагается плыть до Туманного залива?

— При попутном ветре и без штормов — дней пять.

— И чем, предполагается, мы с тобой должны будем заниматься всё это время?

— Пока все думают, что ты спишь, ничем, — с готовностью пояснила Миреке. — А

затем мне прикажут тебя искупать и переодеть в традиционный для невольниц хоп* Хаджу наряд. Многие, как только понимают, куда попали, принимаются кричать и никого не желают слушать. В таком случае, если девушка противится и пытается навредить себе или кому-то из нас, её пару дней пытаются калмой и не дают пить.

— Калмой? — переспросила я.

— Это серьга подчинения, — Миреке показала на скромное золотое колечко в хрящике левого уха. — На тебя её тоже наденут.

— Когда? — В моей голове с бешеной скоростью вращались шестерёнки мыслей.

Если серьгу, по которой наверняка будут запускать какой-нибудь магический аналог электрошока, наденут на меня раньше, чем я смогу воспользоваться силой черного феникса, то шансов выбраться из этой мерзкой истории станет ещё меньше.

— Уже завтра.

Получалось, что в запасе у меня оставалась совсем небольшая фора. Я принялась взволнованно шарить под собственной юбкой. В какой-то момент мне даже показалось, будто потайной карман пуст. От шока закружилась голова и сделалось дурно точно при сильной качке. Видимо, я и в самом деле изрядно побледнела, раз Мира, засуетившись, принялась на меня махать небольшим опахалом, больше похожим на веер. Но затем, к моему великому облегчению, ладонь таки нащупала главное наследие дядюшки Цвейга.

— Что это? — заволновалась девушка, увидев, как я извлекаю скрижали из тайника.

— Ничего страшного, — откровенно покривила я душой. — Простые свитки. Сейчас самое время их почитать.

Ничего не подозревающая Мира с нескрываемым интересом следила за тем, как я медленно разворачиваю одну из самых великих магических святынь древности. Она даже не могла себе вообразить, сколь многое сейчас стоит на кону. По крайней мере, для меня и одного маленького мальчика.

Боялась ли я? Ужасно. Вот только время для страхов и сомнений вышло. Если я не решусь сейчас, то, возможно, упущу единственный шанс на спасение. Не говоря уже о том, что нарушу слово, данное умирающему.

Руки мои тряслись, но я упрямо разматывала скрижаль, сначала одну, затем и вторую.

— Ах, — воскликнула Мара, когда твердые основы, на которые был намотан пожелтевший пергамент, буквально растворились в воздухе. — Волшебство?

Но я уже не могла ничего ей ответить. Мой взгляд, словно намертво примагниченный, застыл на проявившихся письменах. Я не понимала ни слова, ни одной схемы, причудливого знака, символа, но зато прекрасно ощущала, как что-то тяжелое и тягучее вливается в меня где-то в районе солнечного сплетения.

Всё тело будто колото миллионами крошечных иголок, кончики пальцев на руках болезненно жгло. Их словно опустили в кипяток, который проник под кожу, поднимаясь все выше и выше. В голове сделалось пусто. Всё затопил нестерпимый жар.

Я стиснула зубы так сильно, что они лишь чудом не стали крошиться. Жилы на шее напряглись до треска, и громкий пронзительный звук острым копьем прошил всё моё тело от макушки до самых пят. Мне показалось, что я умерла. Боль и невесомость захватили, закружили и куда-то понесли, попутно разрывая на маленькие светящиеся клочки саму мою суть, саму душу. Это было странно и больно. И так страшно, что я практически уверовала, что мой разум подобного не вынесет.

Только одна мысль, словно слабый, но упрямый пульс стучала точно набат: «Не ради

себя...»

Я даже не понимала, о ком так тревожусь, но отчаянно цеплялась за этот единственный якорь.

— Ай! — вскрикнула, когда весьма ощутимая пощечина алым отпечатком тонкой ладошки расцвела на моей щеке.

— Я жива? — прижав руку к пылающему месту, хрипло спросила.

— Жива, — обиженно буркнула Мира. — Но я, наверное, сейчас тебя убью.

Она надула губы и отвернулась.

— Испугала меня. Не зря говорят, что для женщин чтение — один только вред, — бурчала она, вертя в руках совершенно пустые скрижали.

— Что это за гадость такая? — свалив их мне на грудь с видом, будто подержала бомбу, потребовала Миреке объяснений. — Ты тут так извивалась, что я чуть было не бросилась звать на помощь. Даже не знаю, что меня остановило.

— Ты всё сделала правильно.

Во рту ужасно пересохло и я потянулась к кувшину с водой, который стоял на низком столике неподалеку.

Мира великодушно подала мне наполненный до краев стакан. Напившись, я откинулась на подушки. Прислушалась к себе, но не почувствовала никаких изменений. Даже доступ к собственной магии всё так же оставался заблокирован. Неужели всё зря? Неужели мне грозит повторить судьбу ундера?

По понятным причинам, никто не рассказывал, как скрижали проявляют себя, если слияние происходит успешно. Я почему-то ждала каких-то захватывающих дух спецэффектов или хотя бы возросшего ощущения собственного могущества. Но ни первого, ни второго не случилось. Всё ограничилось странным приступом, по вине которого я на краткий миг прошла по тонкой грани между жизнью и смертью.

От подступивших, совсем ещё свежих воспоминаний, со дна памяти повеяло каким-то первобытным ужасом, а в груди снова неприятно запекло. Я поспешила отвлечься, предпочитая думать, что это просто гастрит.

Следующие несколько часов мы с Миреке провели тихо переговариваясь, условившись, что я как можно дольше буду притворяться спящей для всех посетителей нашей каюты. Всё же момент, когда на моём ухе засверкает серьга подчинения, я очень сильно хотела оттянуть. И это ещё хорошо, что хариши отказались от повсеместно распространенной традиции клеймить свою живую собственность. Так, как это сделали с тем же Эльмаром.

В целом, первые сутки нашей совместной конспирации прошли по плану и без происшествий. Еду приносили по расписанию, жаль, только из расчета на одного человека. Мне, как «спящей красавице», питание не полагалось. Конечно, Мира делила со мной свою скромную трапезу, отчего я чувствовала себя прожорливым бегемотом, объедающим изящную газель. Но делать было нечего — заглушив муки совести, я упрямо жевала пресную лепёшку, макая её в какой-то густой мясной соус. Не помирать же в самом деле с голоду. Кажется, Миреке придерживалась такого же мнения и без каких-либо сожалений отдавала мне ровно половину.

Доброта и щедрость, по сути, совершенно постороннего человека очень трогали, и я ещё более истово начинала молиться про себя всем богам, чтобы у меня появилась возможность как-то отблагодарить свою юную подругу по несчастью.

Мирике рассказала мне, что давно уже круглая сирота. Мамы у неё не стало, когда девочке исполнилось десять лет. Многочисленные наложницы хоп Хаджу подрастающую красавицу сильно недолюбливали, опасаясь через несколько лет увидеть в ней конкурентку. Влиятельные мужчины ходжа, напротив, считали девушку кем-то вроде чернавки, прислужницы для самых грязных работ. Привлекательными у харишев считались светловолосые и пышнотелые женщины. А тоненькая черноволосая Мири не вызывали у них ничего, кроме беспричинной жестокости. Она часто слышала в свой адрес, что бесполезна и только зря ест хлеб хозяина.

На судне ун Рурка ей жилось немногим лучше. Но здесь она хотя бы встретила Зэмбу, смуглокожего добряка великана, точно так же, как и она сама, рожденного в неволе на одном из кораблей морских кочевников и всю свою жизнь служившего «проклятому племени».

И харишей, и море Зэмба ненавидел всей душой, однако другой жизни не знал, да и не имел возможности как-то её изменить.

Иногда, повинаясь приказу хозяина, великан заходил, чтобы нас проверить. Мне даже стало казаться, что он догадывался о нашем представлении, однако предпочитал подыгрывать. По крайней мере, оказавшаяся на подносе с завтраком лишняя лепешка именно на это и намекала.

К ночи второго дня моя способность к передвижению полностью восстановилась. Чего нельзя было сказать о темном фениксе. Бедная «птичка» всё так и продолжала сидеть в клетке крайне зловредного яда, который, как оказалось, изготавливали из ягоды, чем-то похожей на голубику. Видимо, моя магия всё ещё не до конца уничтожила курсирующие в крови остатки синеголовки. Впрочем, я так и не придумала, что стану делать, вернув себе возможность выпускать внутреннюю хищницу на свободу.

Попробую захватить судно? Оно, кстати, называлось «Корифена». Пожалуй, это была более здравая мысль, нежели чем угнать спасательную шлюпку и отправиться дрейфовать в открытое море.

Только вот как провернуть любой из этих сценариев чисто технически? Пока что единственное, что хорошо умел делать мой дар, так это ставить комара-следилку, превращать предметы в пепел, и, к моему огорчению, медленно да мучительно убивать. Такой арсенал, без сомнения, мог помочь защититься, но для угона целого корабля явно требовались несколько иные навыки.

К тому же, дело осложнялось ещё и тем фактом, что хозяин данного вражеского корыта являлся магом-стихийником. Правда, средней руки. По словам Миреке, ун Рурку подчинялись воздух и немного вода. Наверняка, в отличие от меня, кочевник-работорговец намного лучше контролировал свой дар, да к тому же имел на подхвате помощь команды.

Так или иначе, а решаться на диверсию следовало до того, как на меня попытаются нацепить калму. И уж тем более, до того, как я попаду на ходж, который, по рассказам Мири, нельзя отыскать, если его хозяин сам того не пожелает.

Оказалось, что далеко не каждую похищенную женщину её родные были готовы так легко потерять. Некоторые из них имели и деньги, и связи, чтобы попытаться вернуть дочь, невесту, жену, а в некоторых особенно трагичных случаях, даже мать. Но способность корабельных магов-харишей прятать плавучие дворцы своих правителей практически никогда не давала осечек. Страшно даже представить, сколько бедных украденных женщин оказалось заперто до конца своих дней в неуловимых гаремах привыкших к безнаказанности

хопов.

Вот вернусь и от души «отблагодарю» Балалайку за организованную ею экскурсию...

Это был очень странный сон. Словно кто-то показывал мне кадры документальной съемки. Большинство из них было сделано как будто впопыхах и далеко не с самого удачного ракурса. А временами мне и вовсе начинало казаться, что я бесплотный дух, реющий никем не замеченный над героями этого загадочного кино.

Сначала я увидела Матильду, дочь хозяйки швейной лавки Урелии Кларк. Затем и саму мидрессу. Девочка играла на крыльце черного входа, увлеченно прыгая по ступенькам. В то время, как её мать оживленно общалась с очередной своей клиенткой, разворачивая перед той рулон отливающего золотом розового шёлка.

Затем я стремительно переместилась, очень быстро пронесаясь мимо окна графини фон Лару. Старушка сидела в окружении своих приятельниц и о чём-то увлеченно с ними беседовала. Трепетали роскошные веера, а в воздухе над престарелыми кокетками, если присмотреться, можно было заметить полупрозрачное облако пудры, которой они без сомнения злоупотребляли.

Вид воркующей над колыбельками с малышами несколько взбудораженной Клары заставил истосковавшуюся душу наполниться горькой пронзительной тоской. Сколько бы себя ни корила, а я уже не могла воспринимать особняк Уракайских иначе, чем любимый дом, все обитатели которого давно ощущались семьей.

Как-то вдруг оказалось, что свой прежний мир с доставшейся мне по наследству от мамы квартирой теперь виделся словно картинки из чужой, не совсем реальной жизни. Я поняла: прошлое окончательно отпустило меня. И теперь, несмотря на все препоны и злключения, так отчаянно сильно хотелось сохранить те истинные сокровища, которыми легко и незаметно наполнилась моя новая реальность.

Когда очередной кадр сменился, я очень пожалела, что так и не смогла увидеть Тая. Постепенно складывалось впечатление, что мне показывают исключительно лиц женского пола.

Вот и в этот раз передо мной предстала незнакомка. Невысокая, средней комплекции девушка, с почти прозрачными, каким-то странно-проникновенными, речными глазами. В её длинных светлых волосах, казалось, запутался сам туман. Одета в простое старенькое платье, незнакомка спокойно перебирала сушеные травы. В какой-то момент она даже вскинула голову, посмотрев ровно в то место на потолке, где над нею зависла невидимая я. Словно что-то почувствовала.

Но долго думать о произошедшем мне не пришлось. Трогательная фигурка спящей калачиком Миреке быстро сменилась ненавистной Лирой Свирской в роскошном траурном наряде. Она раздавала отрывистые приказы снующим туда-сюда опечаленным слугам, а глаза её сверкали торжеством.

Являющиеся передо мной картины представлялись странной нарезкой бытовых сюжетов, не привязанных ни к времени, ни к месту. Казалось, что настоящее на них легко сменялось прошлым, а прошлое резко уносило меня в не столь далёкое будущее. День чередовался с ночью, а что-то радостное и светлое — с тревожным и печальным.

К счастью, надменное лицо жестокосердной красавицы стремительно сменилось новым, совершенно мне неизвестным. Теперь передо мной сидела полная, сурового вида

женщина средних лет, следящая за целым выводком одинаково одетых в светлые платья девочек лет десяти-двенадцати. За ними последовали другие женские портреты. Целый калейдоскоп самых разных лиц — и преклонных лет, и совсем юных.

В конце концов, я оказалась на краю пропасти. Вернее, это был глубокий, темнеющий опаленными краями разлом. Он казался незаживающей раной, вспоровшей плоть некогда цветущей долины. Теперь вокруг была лишь бескрайняя иссушенная степь с редкими островками зеленых оазисов.

Отчего-то смотреть на это было больно. И эта угасающая красота долины, и расколовший её надвое чудовищный разлом — всё казалось каким-то противоестественным, неправильным.

Я посмотрела вниз, в эту страшную, убегающую в бесконечность пропасть. В ней, словно на дне треснутого сосуда, переливаясь радугой и перламутром, клубилась сама магия. Живая и первозданная сила, рожденная созидать, но способная и на страшные разрушения. Кровь и кислород этого мира. Она изливалась из земной тверди, словно те нити-сосуды, по которым она прежде свободно струилась, наполняя все вокруг сияющей манной, беспощадно и бездумно взяли и рассекли пополам.

Магия плескалась под моими ногами, точно древний океан. Они манила и зывала, приглашая нырнуть и зачерпнуть столько, сколько я пожелаю.

Откликаясь на её зов, за моей спиной выросли могучие крылья. Я оглянулась, потрясенно наблюдая, как с черных заостренных перьев снопами срываются огненные искры и странным шлейфом осыпается пепел, обильный, точно седой снег. Сделав пару взмахов и оторвавшись от земли, я восторженно ринулась вниз.

Воздух пел, подгоняемый плавными взмахами. Трепетало нежное оперение. Сила врывалась в меня ровным беспощадным потоком. По венам разливалась мощь, которое можно было сравнить лишь с чем-то божественным. Я впала в хмельную эйфорию, переполненная и едва способная сделать вдох.

Магии было так много, что она быстро превращалась в неподъемную ношу. Под её тяжестью я против воли стала опускаться вниз, в самое сердце живой и дышащей стихии. А затем и ещё ниже, вглубь, туда, где уже не существовало ничего. Лишь первобытная волшебная энергия, желающая исполнить своё предназначение.

Я начала тонуть.

Не знаю, в какой из моментов своей неминуемой гибели я осознала, что следует делать. В сознании возник образ настенного фонтанчика и кувшина, который кто-то невидимый пытался из него наполнить. Сначала тонкая струйка, бьющая изо рта какого-то мифического животного, весело бежала в тонкое горлышко, но уже совсем скоро влага стала переливаться через край. Тогда кувшин отняли от источника и наполнили стоящий рядом кубок. Кубок исчез и на его месте появился новый. И снова кувшин наполнил и его. Когда же сосуд опустел, фонтанная струя опять ударила в его недра.

Я долго смотрела на эти простые повторяющиеся движения. Пока не осознала — я и есть этот кувшин.

То, что последовало дальше, воспринималось мною как единственно верное. Может, секрет скрижалей и заключался в том, чтобы, благодаря силе своего разума, не взять больше, чем можешь унести, когда получил доступ к безграничному источнику магии. Но я, похоже, оказалась то ли слишком восприимчива, то ли слишком глупа.

Если магия была источником, то я стала смыслом, направившим сырую силу на то,

чтобы исправить некогда свершенное преступление. Повинуясь моей воле, мощный поток прошел сквозь меня, точно игла и нить, сшивая страшную рану разлома. Всё вокруг затряслось и пришло в движение. Пропасть стала стягиваться и зарастать, выталкивая меня на поверхность.

Твердь поглощала магию, впитывая её, как земля небесные ливни. Повсюду зазеленела яркая молодая трава и нежные бутоны первоцветов. Я оказалась окруженной морем ярких весенних цветов, а в руках, в сложенных ковшиком ладонях, точно радужный кисель, доверчиво плескалась последняя горсть чудотворного нектара.

— Пей, — слышалось в шёпоте вдруг подувшего с холмов ветра. — И то, чего ты жаждешь больше всего, исполнится.

С благоговением я сделала первый глоток.

Мои мечты всегда отличались размахом. Вот и в этот раз я желала очень многого. Мне хотелось справедливости и равных возможностей. Хотелось свободы и права для каждого самому определять свой путь. А ещё мне хотелось быть любящей матерью и счастливой женой, победить болезнь ундера и одолеть морских кочевников.

Я думала обо всем этом, медленно проваливаясь в забытие, пока образ цветущей долины не померк и тьма не укрыла меня своим пуховым покрывалом. Оно усмирило мысли и почти стерло из памяти мое удивительное видение.

..., - выкрикнула я, наотмашь отбиваясь от острой боли.

Когда вскочила на узкой корабельной постели, моя рука сама собой потянулась к саднящему уху.

Взгляд тут же наткнулся на стоящего неподалёку от двери весьма невысокого пузатого хариша в сине-зеленом парчовом балахоне с золотым шитьем и широкими рукавами. Я как-то сразу поняла, что передо мною тот самый ун Рурк.

Кочевник-работорговец производил впечатление этакое самодовольного лоснящегося шарика. Гладкие розовые щеки его блестели, так же, как и высокий лоб, который опоясывала узкая полоска металла с овальным, похожим на янтарь камнем над переносицей. Длинные седые волосы были подкручены и, в целом, по моим ассоциациям такая прическа больше подошла бы какой-нибудь девушке, а не далекому от юных лет упитанному мужику.

Судя по наряду и обилию перстней на коротких пухлых пальцах, ун Рурк любил помодничать и всячески подчеркнуть свой высокий статус. Как я прежде узнала от Миреке, работа по доставке хопу новых невольниц у харишей считалась почетной. Оказалось, что иной раз число гаремных рабынь достигала шокирующих цифр. Например я, должна была стать юбилейной — шестисотой. И ун Рурк очень этим гордился.

— Лошма шваари!* — недовольно бросил он ползающему по полу смуглокожему великану и тот на мгновение поднял на меня виноватый взгляд.

По пальцам катилась тоненькая струйка крови, но это совсем меня не беспокоило. Главное, что я не нащупала никакого инородного предмета. Видимо, хариш намеревался наградить меня *камлой*, воспользовавшись временной беспомощностью.

Вот только все пошло не по плану. Я уже давно избавилась от парализующего эффекта синеголовки и теперь изволила активно сопротивляться.

— Милейший, лучше бы вам меня не трогать, — вскочив на ноги и прижавшись спиной к стене, многообещающе сообщила я работорговцу.

Никакого, прежде отделяющего меня от собственной магии, барьера, я, на свою

великую радость, больше не ощущала. А значит, ун Рурка ждет большой, очень большой сюрприз.

Отыскав глазами Миру, которая бледной тенью забилась в угол каюты, я ей ободряюще кивнула.

— Хув ток малвуджаоб?* — указав на меня пальцем, судя по интонации, он что-то спросил у Зэмбы.

Тот, похоже, наконец отыскал куда-то укатившуюся от моего внезапного удара сережку и услужливо показал её хозяину. Тот снова ткнул в меня пальцем и поджал губы.

— Олматвар мирку дора?! Хурук иж мин! Эр раак мухотиджи лок курджасан фувак ариши ырчу.*

Зэмбе ничего не оставалось, как подняться с пола и двинуться на меня.

Но тут в дверь каюты громко и торопливо застучали.

— Кавар ы дым?!* — каркнул ун Рурк и зло дернул на себя ручку.

За порогом, склонившись в три погибели, стоял мужичок бандитской наружности в укороченных шароварах и жилете на голое тело. Он принялся что-то путано объяснять харишу по-тарабарски, активно указывая то в нашу сторону, то наверх.

От меня не укрылось, как тем временем удивленно переглянулись Мира и великан. Судя по их несколько шокированным лицам, происходило что-то из ряда вон выходящее.

Всплеснув гневно руками, ун Рурк метнулся из каюты, даже не потрудившись закрыть дверь.

— Что происходит? — отлепляясь от стены и спускаясь с кровати на пол, спросила я.

— Похоже, за тобой приплыли, — ответил Зэмба.

— Только они опоздали, — тоже выбравшись из своего угла, печально сообщила Мира. — Ун Рурк сказал, что повелитель решил в этот раз плыть нам навстречу. Он впечатлен сообщением о твоей красоте и желает встретить свою новую невольницу лично.

— Чтобы одолеть ходж, — подхватил великан, — нужен целый небольшой флот или отряд сильнейших боевых магов.

— Как вовремя! — выслушав их, выкрикнула я на ходу, устремившись в незапертую дверь.

Внутри все обмирало от ужаса и восторга. «Он нашёл меня!» — стучало растревоженное сердце, подгоняя вперед, так, словно за мною гнался сам морской дьявол.

Дохнувший в лицо пронзительно соленый и ошеломляюще свежий ветер растрепал волосы и запутался в подоле платья. Наше судно мерно качалось на волнах, а позади к нему стремительно приближался большой военный корабль, на корпусе которого уже можно было различить название «Звездный всадник». Кажется, на Земле подобные считались галеонами, впрочем, сходство было весьма отдаленным. Магия и пар поработали и здесь, оснастив парусник множеством странных, совершенно незнакомых мне деталей.

Я пристально всматривалась в военное судно, подмечая все больше важных мелочей. Например, развевающиеся на нем флаги. Все исключительно Тарквинийские... Белый треугольник на темно-голубом фоне, в центре которого золотистый морской конек — как символ одной из сильнейших морских держав.

В голову закралось тревожное предположение, и когда на носу корабля появился темноволосый силуэт, я как-то сразу сникла. Виктор! Эту горделивую посадку головы, широкие плечи и особую ауру хищного азарта, пожалуй, ни с чем не перепутать. Что ж, вот так жизнь и расставляет всё по своим местам. В любом случае, несмотря на очередную рану

в сердце, я совершенно не собиралась обесценить усилия посла по моему спасению.

— Я здесь! — запрыгав на месте, заорала во всю мощь легких, попутно размахивая руками.

В этот момент у корабельного борта и появилось ещё несколько силуэтов. Тот, что с бритыми висками и хвостом — Ланзо. С рубиново-красной шевелюрой — Эльмар. И наконец — Рэт. Как всегда застёгнутый на все пуговицы, всемогущий и невозмутимый. Рядом с ним стоял разодетый точно на бал Каспар. Не было видно лишь светловолосого Хэйдена, но я подозревала, что ему пришлось остаться, дабы приглядеть за особняком и домочадцами.

Увидев их, я едва не расплакалась от облегчения, с чем, разумеется, сильно поспешила, учитывая, что они находились там, а я всё ещё здесь.

Воздух расколол звук корабельного колокола. На Корифене такого не наблюдалось, поэтому мой взгляд заметался в поисках оногo.

С того места, где я стояла, обзор был весьма скудный, поэтому я сделала пару шагов вперед, выходя на открытое пространство. Темная, скрытая плотным туманом громада медленно приближалась к нам с восточной стороны. На ум пришла странная ассоциация, словно по волнам плыл пышущий жаром чайник, на который посадили прежде популярный у нас в России колпак в виде бабы в сарафане. Из тумана выступал заостренный бушприт — нос корабля с резной фигурой в виде вставшего на дыбы толстого осьминога.

Высота и размер идущего на сближение ходжа поражали. Это воистину был настоящий плавучий дворец — странный гибрид корабля и помпезного здания, сочетающего в себе черты Тадж-Махала и античных вил.

Едва его завидели на «Звездном всаднике», как на галеоне началось какое-то движение. До нас долетали отрывистые отзвуки зычных команд, и я увидела, как корабль развернулся к ходжу одним из бортов. Тут же орудейные порты на нём ошетились дулами многочисленных пушек.

Ходж замедлился и практически остановился.

Тем временем, ун Рурк, зорко наблюдающий за маневрами обоих судов, принялся что-то яростно выговаривать подбежавшему к нему коротышке. Низкорослый сутулый человек, с неким подобием тубетейки на голове, кивал своему господину, точно болванчик, и нет-нет, да указывал в мою сторону.

Странное дело, но до сего момента все на Корифене будто меня не замечали. Подозреваю, что ун Рурк просто считал, что я никуда с корабля не денусь, а занятые своими делами матросы без прямого приказа совсем не спешили бежать и крутить мне руки. Поэтому я имела возможность с замирающим от тревоги сердцем смотреть за тем, как будут развиваться события.

Ходж представлялся мне гранатой с выдернутой чекой. Средоточием чистейшего зла, тюрьмы, где невинные души были вынуждены томиться без надежды на освобождение. Прежде казавшийся внушительным, галеон Виктора по сравнению с ним выглядел точно Моська рядом со слоном.

Очки за размер, безусловно, не шли в пользу Звездного всадника, побуждая моего черного феникса яростно скрести изнутри грудь. Он просился на волю, обещая всех врагов превратить в остывающий невесомый пепел. Будучи крайне свободолюбивой и гордой, моя смертоносная птичка побуждала проверить уже единожды исполненный ею фокус —

подарить ходжу «огненную метку тлена», заставив медленно разрушаться час за часом, день за днём. Вот только на монструозном корабле было много тех, кто мог пострадать незаслуженно. Поэтому я сдержала порыв, на мгновение практически оглушенная недовольным птичьим криком.

— Отдайте нам девушку, — прозвучал любимый до боли голос моего ледяного Лорда.

Имея в арсенале магию, он не нуждался в рупоре, и усиленный колдовством звук раздавался так громко, точно Рэт стоял совсем близко.

— Какую девушку? — прикидываясь дурачком, откликнулся ун Рурк, который, как оказалось, прекрасно изъяснялся на андолорском.

— Она стоит за твоей спиной, — спокойным, практически бесцветным голосом сообщил ему Рэтборн.

— Ах, эту девушка?! — издевательски воскликнул толстяк и всплеснул руками. — Эту никак не могу. Она принадлежит хопу Хаджу, повелителю волн и глубин. Богатейшему и могущественнейшему сыну славного народа неуловимых харишей!

Сложив руки странным замком и оттопырив в стороны локти, ун Рурк поклонился в сторону дворца своего господина. Словно тот его слышал, и толстяк спешил записать на своей счет ещё несколько баллов по части подобострастия.

— А, кстати, вот и он! — торжественно возвестил работорговец. — Лучше бы вам убраться поскорее отсюда, сушняки. На страже покоя моего повелителя стоят дюжина лучших магов и два потомственных лойхара!

— Уж не знаю, что это за лошары такие у него на службе... — решила вмешаться я, так как меня уже просто распирало.

К тому же, за моей спиной появились Мирике и Зэмба, глядящие на «Звездный всадник» глазами, полными ужаса и надежды.

— Но советую отпустить меня без проволочек. Меня и вот их. — Я кивнула в сторону ошарашенной парочки. — А то я разнесу твоё паршивое судно так, что даже бревнышка не останется.

Мои угрозы очень нравились фениксу, и он замер в азартном ожидании, готовый в любую секунду пустить в ход свои разрушительные таланты.

— Закрой свой нечестивый рот, женщина! — взвился не ожидавший от меня подобной дерзости работорговец. — Почему она до сих пор без калмы? — накинулся он на Зэмбу.

— А сам её поносить не хочешь? — заслонив великана спиной, что, должно быть, выглядело довольно нелепо, язвительно спросила я, тем самым переключая внимание на себя.

— Да как ты смеешь! Ты будешь наказана! — брызжа слюной, завопил ун Рурк. — Что стоишь? Уведи её! Ты тоже убирайся, — поджав презрительно губы, велел он Зэмбе и бледной Мирике.

Но увести меня никто никуда не успел. Грянул пушечный залп.

Палил «Звездный всадник». Фигурные дула его пушек на мгновение вспыхивали малиново-синим пламенем, с грохотом вздрагивали, извергая магический снаряд, и тут же откатывались назад. Через несколько мгновений они возвращались на свои позиции, и снова воздух сотрясали грохот и вспышки. Галеон дал залп три раза.

Объятые инфернальным пламенем ядра метко долетали до монструозного ходжа, но не причиняли ему ни малейшего вреда. Снаряды точно тонули в окружающем плавучий дворец

густом тумане. И лишь на секунду, подсвеченная колдовским пламенем, перед моим удивленным взором проступила тонкая гибкая мембрана. Она окружала корабль морских кочевников точно радужный мыльный пузырь и, по всей видимости, прекрасно защищала от пушечных атак.

Черт знает что! Выходит, что эта проклятая посуда и в самом деле непотопляемая! Я от досады так стиснула кулаки, что ногти впились в ладони до кровавых лунок.

Внезапно со стороны ходжа посыпался град подозрительных, отливающих ядовитой зеленцой стрел. На что Виктор и Каспар слаженно вскинули руки, и стрелы мощным порывом ветра отнесло в сторону. Они попадали в воду, отчего та вспенилась и зашипела, словно растревоженная гадюка.

Вперед выступил Рэтборн. Он посмотрел в сторону Корифены, и мне хотелось верить, что его взгляд обращен на меня. Даже через разделяющее нас расстояние, я чувствовала, как сердце охватывает уже хорошо знакомое притяжение. Я даже шагнула вперед, точно под заклятием, но тут он отвернулся направив все своё внимание на главную проблему.

Несколько элегантных, поразительно стремительных пасов руками — и морская пучина принялась вздваться и вытягиваться в гигантский острый конус. Он постепенно светлел и всё больше сужался, превращаясь в острое сияющее копьё из чистого льда. Потребовалось усилие сразу троих магов — Рэта, Каспара и Виктора, чтобы послать его в полет. Я стояла, открыв от изумления рот, понимая, какой чудовищной силой обладают эти мужчины.

Копьё с глухим треском вонзилось в защитное поле «пузыря». Доселе едва видимая, колышущаяся, как желе, субстанция тут же замерзла, покрывшись толстой коркой расплзающегося во все стороны инея. Хватило всего одного дополнительного усилия, чтобы, казалось, непреступный купол ходжа лопнул, осыпавшись осколками, точно битое стекло.

— Ура! — завопила я, от избытка чувств подпрыгивая на месте.

Но на меня снова никто не обращал внимания.

Тем временем, не отвлекаясь на проволочки, «Звездный всадник» снова разразился пушечным «салютом». От предвкушения и одновременно ужаса я замерла, ожидая, как нависающий над нами темной тенью зловещий ходж получит свою первую рану.

Меня не покидало ощущение, что на корабле много невинных душ, которые в результате атаки моих спасателей могут серьезно пострадать. В то же время плавучий дворец являлся серьезной угрозой, уродливым образцом истинного рабства. Я не хотела для себя такой судьбы и была готова сражаться за свободу со всем рвением. Оставалось лишь надеяться, что мой Лорд знает, что делает, и постарается избежать напрасных жертв.

Внезапно ун Рурк злорадно захохотал, с торжеством и презрением поглядывая на нас с Мирике и Зэмбой. Оказалось, что магические снаряды вновь столкнулись со злосчастным «пузырём», только теперь уже новым, практически молниеносно выросшим на месте разрушенного прежнего.

Я лихорадочно зашарила взглядом по ходжу, пытаюсь понять, как у них это получается. Наверняка за столь странным, но эффективным приемом самообороны стоит какой-то конкретный маг.

В ответ на эту мысль внутри бойко заворочался феникс. Я чувствовала, как он расправляет свои крылья, требуя отпустить его в свободный полет. Слово феникс, в отличие от меня, четко знал, что следует делать.

В груди нестерпимо запекло, и я громко вскрикнула, изгибаясь дугой. Резкая боль — и

из солнечного сплетения сначала бесформенным темным облаком, а затем все больше и больше приобретая очертания красивой могучей птицы, вылетело воплощение моей дикой магии.

На Корифене закричали, матросы и прислужники ун Рурка кинулись врассыпную, тарашась на меня с очевидным испугом и неверием.

Вот так-то голубчики! Женщины — это не только матка на ножках, но ещё и салат, скандал да шляпка. А также парочка убийственных фокусов в рукаве. Самое время пересмотреть своё отношение и начать с нами считаться. По крайней мере, считаться со мной. А я хочу, чтобы этот ненавистный ходж утратил свою неприкосновенность. Чтобы его рабовладелец-хозяин наконец-то познал, что такое страх и беспомощность.

Феникс воспарил ввысь, описывая над кораблями широкую дугу, оглашая округу пронзительным криком. Он спланировал над плавучим дворцом, зависнув над одной из палуб-площадок.

Вдруг я стала различать стоящих там невысоких щуплых мужчин в белых балахонах. Я словно видела их глазами своего феникса, не столько замечая, сколько чувствуя, что это именно они плетут чары. «Лойхары», — пришла и окрепла мысль. А следом хлынула злость и страстная жажда возмездия.

Феникс вновь закричал, совершая какой-то немислимый кульбит в небе, отчего с крыльев его снегом посыпался знакомый пепел. На него не реагировала защита ходжа, и мелкие частички серым облаком опустились прямо на головы замерших в магическом трансе лайхаров.

«Пузырь» стал таять.

— Что ты такое? — резко развернувшись, так, что полы его одеяния взметнулись на ветру, прошипел ун Рурк.

Он выставил вперед руку, и на кончиках его унизанных перстнями пальцев появилось голубоватое свечение. Это точно не предвещало мне ничего хорошего...

Испугавшись, я попятилась и как-то неожиданно для самой себя оказалась за спиной смуглокожего великана. Зэмба загородил нас с Мирике своей рослой массивной фигурой, и я вновь испугалась, но на этот раз уже не за себя.

— Не надо, — прошептала я, вцепившись в его плечо, и попыталась отстранить.

Но проще было сдвинуть гору. Мири схватила меня за руку, утягивая назад, в сторону трюма. Она тряслась как осенний лист, то ли боясь расправы своего хозяина, то ли пораженная явлением черного феникса.

Нужно было срочно что-то делать.

— Ты умеешь плавать? — шепотом торопливо спросила я у девушки.

— Нет, — расширив и без того большие, волоокие глаза, замотала она головой.

— А Зэмба?

Мирике кивнула.

— Тогда держись к нему поближе, и не отходите далеко от меня.

— Что ты задумала? — усилив свою хватку, всполошилась она.

— Ничего особенного, но хлебнуть водички, боюсь, придется, — сообщила я с некоторым сожалением и, пользуясь замешательством Мири, дернулась в сторону, разрывая наш контакт.

Едва я успела отбежать на пару шагов вправо, как Зэмба упал на палубу. Его сотрясали

жуткие конвульсии, а зубы были стиснуты так сильно, словно мужчина пытался перетерпеть невыносимую боль.

Захлёбываясь слезами, Мири упала рядом с ним на колени, желая, но не имея возможности ничем ему помочь. Я давно заметила, что Зэмба носил сразу две калмы, по одной на каждое ухо. Сейчас они словно раскалились, превратившись из невзрачных бледно-серебряных колечек в неоновые-красные. Вот, значит, что происходило с отказавшимися повиноваться невольниками харишей.

И всё же спасибо смелому великану, своим поступком он выиграл для меня немного времени. Сталкиваясь лицом к лицу с готовым атаковать магом мне прежде не приходилось. И признаться, я очень растерялась. Теперь же успела преодолеть первый испуг и на скорую руку спланировала свои действия.

Феникс щедро делился со мной своею силой. Я присела, касаясь ладонью корабельных досок под ногами.

— Тлей! — шепнула я едва слышно и, вскочив, принялась стягивать с себя платье и нижние юбки.

До сего момента самодовольно наблюдающий за агонией Зэмбы ун Рурк тут же с удивлением посмотрел на меня. Стриптиз явно пришёлся ему по вкусу, отвлекая от пыток невольника и темного отпечатка на палубе, который все больше и больше наливался чернотой.

— Бесстыдница! — увидев, как я разделась до короткой сорочки и отделанных кружевными рюшами панталон, негодуяюще вскричал он, отчего я только рассмеялась.

Растрепавшиеся волосы струились по спине и плечам. Ветер продувал легкую ткань, а вольная, полная священной ярости сила пела в моей крови. Феникс спикировал совсем низко, закружив над нами красивой черно-огненной спиралью. Пятно на палубе принялось стремительно расти, отчего пол стал скрипеть и проваливаться, рассыпаясь прахом от малейшего движения корабля.

— Спасайся кто может! — заорали откуда-то сверху, но я не стала высматривать паникёра.

Было дернувшийся в мою сторону ун Рурк едва не свалился в разверзнувшуюся под его ногами пропасть и, побледнев от ужаса, попытался убежать. Размышляя как поступить, я пока стояла спокойно, понимая, что паниковать бесполезно и танец тлена в считанные минуты уничтожит Корифену до последней дощечки и парусного лоскутка.

— Скорее. — Я подбежала к Мирике и Зэмбе, который уже сидел, почти окончательно придя в себя. — Нам нужно перейти на корму.

Парочка слаженно поднялась на ноги, и, пошатываясь, мы двинулись в заднюю часть парусника. Разрушения захватили носовую половину, я немного их контролировала и поэтому рассчитывала, что корабль уйдет под воду медленно, точно ленивый пловец, плавно нырнув на глубину.

Тем временем повсюду царил паника и грохот. Пушки «Звездного всадника» палили не переставая. В ответ в него летели зеленые стрелы. Братья Уркайские при содействии посла отражали встречные атаки ходжа. Подчиненные ун Рурка то сыпали бранью, то причитали, пытаясь спустить на воду спасательный шлюп.

Мы втроем стояли, прижавшись друг к другу, в самой высокой крайней части Корифены и терпеливо ждали соприкосновения с холодной морской водой. От мысли сесть в шлюпку я отказалась сразу. Во-первых, за неё велась настоящая борьба, во-вторых, магия черного

феникса не пощадит и её. Просто ун Рурк пока это ещё не понял. На моих губах расцвела кровожадная улыбка.

Что ж, вот и поглядим, станет ли кто-то с ходжа его спасать.

— А-а-а, — заорала я.

— Ой, — пискнула Мири.

А Зэмба лишь приглушенно ухнул, когда мы оказались в ледяной воде. Девушка тут же начала тонуть, но великан резво подхватил её под мышки, ловко придерживая на поверхности.

Ноги стали сводить судороги, и я сосредоточенно гребла, пытаюсь не думать о том, как мне чудовищно холодно.

— Давай руку, — прозвучал над головой очень серьезный и такой знакомый голос.

Я вскинула глаза, наткнувшись на штормовой взгляд закаленной стали и бескрайних снегов.

— Рэт, — прошептала я удивленно и от изумления ушла под воду.

Меня выдернули из неё, как репку из грядки, и я задохнулась от хлынувшего в легкие отрезвляюще-терпкого кислорода. Рэтборн поразительно легко поднял меня на руки и крепко прижал к себе.

— Выбирайтесь, — скомандовал он Зэмбе и Мири и решительно зашагал к галеону.

Прямо по воде, как показалось мне сначала. Но затем я поняла, что он создал себе ледяную тропинку, довольно узкую, но, видимо, достаточно прочную, чтобы выдержать вес четверых. Потянувшись и выглянув из-за его плеча, я убедилась, что мои новые друзья смогли выкарабкаться и теперь осторожно продвигались вслед за нами.

Я покрепче обняла Рэта за шею, спрятав лицо у него на груди. Он был такой большой и теплый, родной и любимый, что меня буквально распирало от желания вцепиться в него и никогда не отпускать.

— Сможешь подняться? — отчего-то хрипло спросил он, когда мы достигли борта «Звездного всадника» и свисающей вдоль него верёвочной лестницы.

Мне что-то не понравилось в голосе Рэта, и я внимательно к нему пригляделась. Мой Лорд выглядел ужасно напряженным и бледным. На висках вздулись вены и проступили мелкие капельки пота — как бывает у людей, которые прилагают усилия на грани их реальных возможностей. Я впервые задумалась о том, сколько Рэтборн потратил сил и на атаку, и на эту ледяную тропинку посреди бескрайнего моря.

— К-конечно с-смогу, — желая как-то ему помочь, стуча зубами ответила я и попыталась сделать вид, что в полном восторге от этой идеи.

Но галеон был здоровенный, и лезть предстояло высоко. Если бы не угроза магического истощения, к которому, видимо, подходил Рэт, я скорее всего просто бы повисла на нем немощной тряпочкой.

— Тогда вперед. Я тебя подстрахую, — сообщил он и помог мне ухватиться за лестницу покрепче.

С горем пополам я ползла вверх. Где-то на полпути я почувствовала легкий толчок в спину и яркое тепло, тут же волнами расплескавшееся по венам. Мы с фениксом воссоединились.

Дальше подъем пошел бодрее. Я заметно согрелась, и хватило сил запоздало сообразить, что видок у меня совершенно неприличный. Учитывая, каким прозрачным стал тонкий

белый батист нижнего белья от соприкосновения с водой, наверняка пейзаж для следующего сразу за мной Рэта получился весьма и весьма пикантный. Я ужасно смутилась и к моменту, когда меня перехватил за талию Виктор, перетащил через борт и поставил на палубу, наверняка была совершенно красная.

— Вы были великолепны! — впад в какой-то дикий восторг, воскликнул он, позволив подоспевшему Ланзо набросить мне на плечи шерстяное одеяло.

— Не смей тянуть к ней свои руки, — прорычал Рэт, спустя несколько секунд оказавшийся рядом, — лучше займись кочевниками.

— А они удирают, — засмеявшись заявил Эльмар, который, судя по его сияющей физиономии, кажется, получал настоящее удовольствие от происходящего.

Виктор проигнорировал угрозу Рэтборна и, безмерно меня удивив, вдруг опустился на одно колено. Если он сейчас и коробочку с кольцом материализует, то я совсем обалдею. Не знала, что Андолору не чужды земные традиции.

Но кольца Виктор не явил, зато предложение и в самом деле сделал.

— Ада, я никогда не встречал женщины восхитительнее вас. Воистину вы полны поразительных загадок, и я буду счастлив, если вы позволите мне разгадывать их всю жизнь, став моей законной спутницей. Женой. Я приму всех ваших детей и, как и обещал, обеспечу вас финансовой независимостью и высоким положением. Что скажете?

Поднявшиеся в этот момент на палубу Мирике и Зэмба смотрели на нас то ли с оторопью, то ли с недоумением.

— Она скажет, что выйдет замуж за меня. — Бледный до синевы и злющий как черт, вклинился в разговор Рэт.

Он метнулся к послу и, вздернув за плечи неизменно черного, сделанного из кожи какой-то рептилии камзола, вынудил того подняться. Виктор отбил руку Лорда и отступил на шаг, явно готовый в любое мгновение перейти к мордобою.

— Ада — мать моего сына, а я не намерен расставаться ни с кем из них, — почти прорычал Рэт, таки заставив меня схватиться за сердце.

Впервые он во всеуслышание назвал Тая своим сыном, обозначив его несомненную ценность. На фоне этого меркло даже заявление о том, что я стану его женой. В последнее мне, честно говоря, с трудом верилось по всем известным причинам. О чём я и поспешила спросить.

— А как же твои грандиозные планы на выгодный брак со Свирской?

Рэт посмотрел на меня долгим нечитаемым взглядом, а затем сократил разделяющее нас расстояние, взял мою руку и приложил её раскрытой ладонью к своей щеке. Он прикрыл на мгновение глаза, точно бесконечно наслаждаясь этим простым прикосновением.

— Я был неправ. — выдохнул Рэтборн.

— Ты был идиот, — заметил стоящий неподалеку Ланзо, до сего момента молча наблюдающий за нашими разборками.

Про себя я поспешила с ним согласиться.

— И что из этого следует? — подтолкнула я Рэта, напрочь забыв про то, что стою практически голая перед кучей мужиков, что из носа течет, глаза слезятся, а тело снова начинает пробирать озноб.

— Что я тебя присвоил, — пронзив моё сердце своими невероятными серыми глазами, наконец признался ледяной Лорд.

Я сморщила нос.

— Так себе признание. Виктор сделал предложение куда куртуазней.

Рэт бросил на соперника убийственный взгляд.

— Что ты хочешь услышать? Что я без тебя не могу? И что самое ужасное, похоже, не хочу? Что ты не такая, как все? Удивительная, нежная, непредсказуемая, упрямая?

— Ты забыл «красивая», — не удержалась я, смахивая бегущие по щекам слезы счастья. — И что мне можно доверять.

— Ты самая красивая, — на удивление покладисто согласился Рэт и бережно меня обнял. — И я тебя никуда от себя не отпущу.

— Полагаю, у меня нет шансов? — не скрывая досады, спросил Виктор, но ничуть не нарушил нашей идиллии.

Я посмотрела на него с виноватой улыбкой. Впрочем, бессовестно лукавила и от сожалений была далека.

— Что ж, вынужденно принимаю ваш выбор. Но если вдруг передумаете, я всегда к вашим услугам, — побуждая Рэтборна на очередную порцию убийственных взглядов, элегантно откланялся Виктор. — Пойду проверю, как там Каспар.

— Что с ним? — всполошилась я, вдруг осознав, что и в самом деле одного из братьев Уркайских нигде не наблюдается.

— Он сильный воздушник, и в основном его стараниями отражались атаки харишей, — поспешил пояснить Ланзо.

— Истощение? — с ужасом догадалась я.

— Да, но ничего непоправимого, — успокоил Виктор, удаляясь.

Я с облегчением перевела дыхание.

— Устройте беглецов со всеми удобствами, — велел Ланзо кому-то из команды, указав на Мирике и великана.

— Замерзла? — снова подхватив меня на руки, скорее риторически спросил Рэт.

— Ужасно, — кивнула я, наблюдая, как Мири с Зэмбой куда-то уводит молодой парень, по виду юнга.

Мы же с Рэтом весьма быстро добрались до просторной, роскошно обставленной каюты. С первого взгляда даже не скажешь, что это комната на корабле. Точь-в-точь спальня богача аристократа. Разве что вся мебель была надежно прикручена к полу.

— Прикажу, чтобы тебе приготовили горячую ванну. — Лорд поставил меня на ноги возле кровати.

Она выглядела такой пышной, уютной и манящей, что я как-то враз выдохлась, почувствовав ужасную усталость. И физическую, и душевную. В голову снова закрались опасения, что данные под воздействием адреналина обещания не так уж много и стоят.

— Ты хочешь гарантий? — словно почувствовав произошедшую во мне перемену, весьма проницательно спросил Рэтборн.

— Нет. Я не хочу ни каких гарантий, — тут же возразила я, стараясь как можно более верно подобрать слова. — Я просто хочу тебе верить...

Словно мгновенно взвесив все за и против, Рэт напряженно кивнул.

— Хорошо. И как же?

— Что «и как же»? — Он, как всегда, скупно расходовал слова, а я, как всегда, запаздывала с пониманием.

— Как же мне получить твоё доверие? — стараясь быть терпеливым, пояснил он.

— Потребуется время. — Вздох глубочайшей усталости и еще, быть может, надежды

метушимся призраком вырвался из моей груди. — Я хочу, я и в самом деле хочу дать нам шанс. Но то, что есть между нами... Всё то странное и фатальное, болезненное и не поддающееся контролю. Всё это не разрешить в одно мгновение. Тебе придется запастись терпением.

Лорд сжал мои озябшие плечи. Он долго вглядывался в мое лицо, словно выискивая на нем следы лжи или страха перед ним. Затаив дыхание, я ждала его вердикта.

— Ты страшная женщина. — Прикрыв на мгновение глаза и враз сбросив привычную маску непримиримой жестокости, хрипло прошептал он.

Я засмеялась. Легким, негромким смехом с оттенком облегчения и щемящей нежности.

— Творение твоих рук и амбиций.

— Нет, — прижав меня к себе и касаясь горячими губами макушки, возразил Рэт.

— Уже тогда, в кабинете, когда ты так внимательно и цепко рассматривала портрет, я знал, что столкнулся с какой-то неизведанной, сметающей все на своем пути стихией.

Пряча лицо на мужской груди, я не сдержала улыбки.

— Значит, я тебе напугала?

— Скажем так. Мне сделалось неудобно.

Я хихикнула, а затем мы вместе рассмеялись. На душе сделалось легко, и я сама потянулась навстречу его губам, успев про себя подумать, что все самые лучшие сказки обязательно кончатся поцелуем.

Эпилог. Семейный портрет

Эпилог

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Главное — это найти своих и успокоиться...

Алексей Балабанов к/ф "Мне не больно"

Я вкатилась в обновленную столовую.

Более метко описать мой способ передвижения было просто невозможно. Подходила к концу тридцать восьмая неделя моей беременности, и живот, по общему мнению, достиг просто необъятных размеров. Я чувствовала себя переполненной медицинской грелкой. Той самой, которую так эффектно надувают качки. Уже несколько месяцев моей главной задачей было банально не лопнуть.

И хотя эта беременность, учитывая мой прежний диагноз, стала полной неожиданностью, а вернее сказать, чудом, сейчас, если бы не одно существенное «но», я бы наверняка пребывала в полнейшем ужасе. Еще бы! Ведь даже на Земле, при весьма высоком уровне современной медицины, успешно выносить и родить тройню было бы ещё тем испытанием. Что уж говорить о другом мире, где гинекология и родовспоможение находились чуть ли не в зачаточном состоянии.

Но по счастью, теперь у меня была моя драгоценная Кая. Точнее, она была у всех нас. Одна из первых ласточек обновленной Притэи — мира, где уже не одно тысячелетие магами рождались исключительно лица мужского пола. История умалчивала, было ли когда-то иначе. И стоит ли удивляться, что в конце концов в обиход вошла твердая убежденность о женской ущербности. Однако мой сон-видение на корабле кочевников ясно утверждал, что изначально магия была доступна и мужчинам, и женщинам, невзирая на статус и прочие различия. Я поняла это значительно позже, неожиданно для самой себя вспомнив увиденное в один из дней после своего счастливого возвращения. Символы сна реальными картинками всплыли перед моим внутренним взором внезапно, когда я делала глоток чайного напитка, и

едва не заставили меня поперхнуться. Мне долго не удавалось избавиться от них, что-то внутри настоятельно требовало разобраться в произошедшем.

Сначала я решила, будто магия скрижалей просто открывала доступ к источнику силы, позволяя магу зачерпнуть из него столько, сколько он мог бы унести. Это было во многом не только возможность, но и проверка на крепость воли. Ведь тех, кто пытался забрать слишком много, магия просто крушила, навсегда калеча дух и разум. Именно поэтому существовало мнение, что впитать мудрость скрижалей могут лишь самые одаренные и стойкие.

В сущности, как я узнала позже, мои первые выводы были верны. Вот только полная картина оказалась гораздо более удивительной. Она открылась мне вместе с новостью, что прежние не утерянные свитки опустели, а затем и вовсе исчезли, словно впитанные пространством. Магистериум развалился, так как хранящим скрижали магам-протекторам стало нечего сторожить. Поднялась ужасная паника, но никаких виновных отыскать не удалось, а после и вовсе случилось то, что обратило прежние святыни не более в чем песок событий в бесконечном потоке времени.

Вдруг я поразительно ясно осознала всё то, что со мной приключилось. Возможно, это прозвучит слишком пафосно и бредово, но похоже, я стала тем самым Знающим, которого в древних легендах приравнивали к мессии, чей приход должен был положить начало новой эре процветания. О процветании, конечно, пока ещё говорить рано, однако случившиеся перемены и в самом деле поразили всех.

Магия пробудилась у тех, кто, казалось бы, никогда не имел на это никаких шансов!

Девочки, девушки, женщины... Да что там, даже девяностолетние старухи стали обретать способности к колдовству. Конечно, последние являлись скорее исключением, и гораздо больше одаренных было среди девочек лет пяти-десяти, однако временами магия оставляла свою зримую печать даже на едва окрепших младенцах.

Что и говорить, на Притэе в самом деле наступила новая эпоха.

Я в шутку называла её Эрой Магического Феминизма. И очень веселилась, растолковывая всем вокруг, что из себя представляет это земное понятие.

Братья Уркайские, а больше всего Рэт, весьма переживали по поводу моей болтливости на данную тему, опасаясь преследований со стороны ортодоксальной части Церкви и закостенелых правящих элит. Но я лишь улыбалась на это, твердо зная, что перемены не остановить.

Андалорцам придется пересмотреть свою политику в отношении слабого пола. Так как теперь вряд ли его можно было считать таковым на самом деле. Вот и получилось, что моя наивная мечта о свободе и равенстве, похоже, начинала потихоньку сбываться. Конечно, всем ещё только предстояло преодолеть немалый путь. Возможно, уже даже не нам самим, а нашим с Рэтом детям.

Я любовно погладила живот и медленно опустилась на удобный стул, поджидая, когда в столовую пожалуют все остальные.

Первым знакомой пошаркивающей походкой в распахнутые настежь двустворчатые двери вошел дядюшка Цвейг. Его под руку вела Кая, та самая, которая и вернула ундера в мир живых, не дав переступить порог вечного забвения.

Кая оказалась той самой девушкой, с белыми, точно туман, волосами и светлыми глазами русалки, которая явилась мне в моем видении на Корифене. Прежде она была умелой травницей, а после того как магия хлынула в мир полноводной рекой, обрела

редчайший дар целителя.

Как-то поутру Кая сама постучалась в ворота особняка, сказав, что пришла, потому что узнала — только она может нам помочь.

Её стараниями ундер шел на поправку быстро. И теперь даже перестал считать меня своим незаконнорожденным сыном. Признаться, сначала я побаивалась его полного исцеления, но страхи мои оказались напрасны. Смерть многое меняет в жизни живых и очень способствует переоценке ценностей. Практически побывав на том свете, дядюшка вернулся к нам с желанием спокойно прожить свою старость в окружении внуков и родных.

Он очень полюбил проводить время с мальчишками и просто обожал Тая. Особенно после того, как узнал, что одна часть нашего сада навсегда покрылась нетающим льдом, превратив пасторальный пейзаж в парк искусных ледяных скульптур. Первенец его старшего сына поражал своей силой. Все говорило за то, что он легко превзойдет своего отца.

Мы же с Рэтом поженились. Свадьба была пышной и немножко скандальной, так как среди почетных гостей со стороны невесты сидели не только графиня и тарквинийский посол, но ещё и парочка бывших рабов и простолюдинов.

Разумеется, грозному главе Тайного Приказа это легко простили. А я не стеснялась пользоваться своим положением.

Как-то очень быстро наш дом превратился в безумное и совершенно прекрасное место. Постепенно я делала в нём ремонт, и старый мрачный особняк-монстр преображался, точно расколдованный принц, постепенно исцеляющийся от своего постылого проклятья. Исчезли густые тревожные тени, сменился штат слуг, и пугающие меня до дрожи «феи» больше не бродили бесшумно по коридорам, словно вестники грядущих несчастий.

Из разных уголков особняка то и дело доносился веселый смех и быстрый топот детских ног. Геррад получил дарственную на свободу и теперь трудился на нашей кухне как вольнонаемный. Эльмар тоже избавился от рабского клейма и постепенно восстанавливал свою способность творить чары. Ему ожидаемо подчинялся огонь. Мы часто тренировались вместе, так как его огненный лис и мой черный феникс прекрасно работали в паре.

Кстати, моя дикая птичка и в самом деле оказалась полна сюрпризов. Ещё в море, на пути в Андалор, я вдруг почувствовала, что знаю, где находится удравший от атак «Звездного всадника» ходж. Видимо, посыпав морских колдунов пеплом, феникс как-то пометил плавучий дворец, и теперь при необходимости я без труда могла его отыскать.

Узнав об этом, Мирике долго прыгала от радости. На ходже по-прежнему оставалось немало тех, кто нуждался в спасение. Позже она отправилась с Виктором в Тарквинию искать своих родных. Зэмба последовал вместе с ними.

Но вернусь к членам моей большой семьи.

Ланзо оказался чудесным отцом и безмерно баловал свою крошечную дочурку. София с удовольствием демонстрировала свой дерзкий характер и обещала вырасти настоящей бандиткой. Впрочем, она была такой смешливой и любознательной, что не обожать её было решительно невозможно.

Девочке очень нравились механические игрушки, которые мастерил для неё дядюшка Волкер. Чем крайне всех удивил. Равнодушный к людям, признающий только свои подчас зловещие изобретения, младший из братьев оказался добр к племянникам. Поэтому очень быстро наш дом наводнила всякая механическая всячина, с которой так интересно было играть детям.

— Сиди-сиди, моя девочка, — сказал Ундер, когда я захотела встать и поприветствовать

его.

Сегодня он выглядел особенно хорошо. Видимо, вчерашний визит графини фон Лару пошел ему на пользу и изрядно взбодрил.

— В самом деле, Ада, — обратилась ко мне Кая, — тебе сейчас лучше воздержаться от резких движений.

— Лучше бы ты осталась в постели, — внезапно раздался голос Рэта.

Как всегда решительно он вошел в столовую и, подойдя ко мне, наклонился, коротко целуя в губы.

Между прочим, это большой прогресс! Я долго учила его, что проявлять свои чувства в кругу семьи совершенно нормально и даже приветствуется.

В груди яркой согревающей вспышкой засияло счастье его видеть. Надо ли говорить, что за время беременности я немало поправилась и никак не могла поверить, что меня находит привлекательной такой потрясающий мужчина, как он. Однако взгляд пронизательных серых глаз лучился непривычным теплом и любовью. Рэт в самом деле наслаждался нашим браком и очень старался сделать всё, чтобы я была в безопасности и счастлива.

— Никаких постелей! — торжественно объявила я и тут же почувствовала какое-то странное напряжение в животе. — Или всё же поем и немного полежу...

Кая посмотрела на меня внимательным взглядом и, будто с чем-то соглашаясь, кивнула. Я тяжело сплотнула, понимая, что на самом деле поужинать мне, пожалуй, придется значительно позже...

— Как продвигается операция по вызволению невольниц с ходжей кочевников? — старательно делая вид, что в порядке, попыталась я отвлечь себя разговором.

— Твои координаты оказались верны. Наша флотилия действительно обнаружила один из них в указанном месте. Однако пробить защиту лойхаров пока не удастся, — сообщил Рэт.

— Получается, нам с фениксом предстоит увлекательная работёнка! — не без удовольствия заявила я, поднимая тему нашего давнего спора.

— Нет! — должно быть, в сотый раз категорично запретил Рэтборн.

Он считал эту затею очень опасной и не желал мною рисковать. Только я не собиралась оставлять бедных девушек в заточении дольше необходимого. Вот сейчас восстановлюсь немного и сразу в бой. Теперь я верила в свою победу и ничего не боялась. Да и как иначе? Ведь в моей крови бурлила сила, душу оберегала любовь, а за спиной был надежный тыл и опора.

— Как там Балалайка? — делая вид, что в порядке, спросила я Рэта о своей старой врагине.

— Король по моему совету по доверенности выдал её за одного сурового вояку из отдалённого гарнизона и велел немедленно отправляться к мужу на место службы.

— Бедный мужчина, — вздохнула я с сочувствием.

— Теперь Свирская в опале, лишена всех почестей и состояния, — пожав плечами, пояснил Рэт. — Жизнь в суровых условиях послужит ей подходящим наказанием. Хотя я считаю, что монарх обошелся с ней слишком мягко.

На мгновение любимое лицо сделалось пугающе ожесточенным.

— Впрочем, Свирская в ужасе. И будет в ещё большем, когда познакомится со своим мужем. Хьюго куда менее сговорчив, чем я.

У меня невольно приподнялись от удивления брови. Я даже на мгновение позабыла о

постепенно нарастающих схватках, которые пока получалось терпеть так, что муж с дядюшкой ничего не замечали.

— Это ты-то сговорчив? — Я не удержалась и хихикнула. — Страшно представить, что там за Хьюго такой. Хотя... Ой! — Меня буквально подбросило на стуле, настолько сильным оказался следующий спазм.

— Что такое, Реджи?! — воскликнула Клара, которая быстро переняла привычку Хэйдена называть меня этим дурацким прозвищем.

Теперь они много времени проводили вместе, и я не удивлюсь, если в самом скором времени Александр начнет называть его папой. Парочка как раз входила в двери и застала мой наверняка весьма комичный недопрыжок.

Все как по команде повскакивали со своих стульев.

— Ада, — взволнованно отчего-то практически прохрипел Рэт и приподнял моё лицо, всматриваясь в него.

— Мне страшно, — пожаловалась я, и Рэтборн упрямо сжал губы, точно собрался врукопашную сразиться со всеми моими тревогами.

— Нам пора. Не волнуйтесь, всё будет в порядке, — мягко сказала Кая, чуть отстраняя Лорда и помогая мне подняться.

К родам все уже давно было готово. Мы ожидали, что они произойдут раньше положенного срока, ещё на пятом месяце оборудовав по комнате на каждом из этажей. Чтобы в случае чего не пришлось подниматься по лестнице.

Охая и придерживая закаменевший живот руками, я послушно отправилась рожать.

Спустя ровно двенадцать часов на свет появились Тамара Клементина, Мия Роза и Ариадна Виолетта Уркайские. Прелестные белокурые малышки. Мои идеальные ангелочки, которые с первых минут своей жизни обещали вырасти и превратиться в настоящих грозных магес. Надеюсь, к тому времени Андолор в достаточной степени смирится с новыми реалиями, и я смогу дать своим девочкам достойное образование и свободу быть теми, кем они пожелают.

— Как много женщин, — разглядывая в колыбельках своих новоявленных племянниц и явно пребывая в легком шоке, прошептал Каспар Ланзо.

Мы с Рэтом стояли неподалёку, наслаждаясь выражением ошеломленных лиц гостей.

В ответ Ланзо философски пожал плечами.

— Когда-то в этом доме выживали только мужчины.

— Похоже, времена меняются, — заметил Каспар.

— В конце концов, главный магический закон гласит... — начал глава Гэнмортиса.

— Что всё стремится к равновесию, — подхватил его брат.

— Мама! Папа! — шмыгнув прямо сквозь запертую дверь, вдруг воскликнул Тай.

В детской малышек появился наш старшенький. Он прижимал к груди изрядно подростшего Мефистофеля и выглядел таким же взъерошенным, как и хомарчик.

— Я тоже хочу посмотреть на сестрёнок!

— Конечно, сынок, иди смотри. — Я погладила его по макушке и мягко подтолкнула к колыбелькам.

— Ух ты! — сказал он. — Я теперь богаче Алекса. У него одна сестра, а у меня целых три!

Братья Уркайские улыбнулись, а я засмеялась.

— Это же не соревнование, мой дорогой.

Каспар внезапно весьма некультурно заржал.

— Главное, чтобы Хэйд думал так же.

Уже через полгода мы играли новую свадьбу. Как по секрету сказала мне Клара, она также была в положении.

Если так пойдет и дальше, то родовое гнездо Уркайских очень скоро придется расширять.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net